

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

М. Г. НОВАЛЯНСКАЯ

Иван Кирилович
КИРИЛОВ

ГЕОГРАФ
XVIII
ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. В. Предтеченский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая четверть XVIII в. в истории Русского государства ознаменовалась блестящими победами русской армии и флота, окончательно закрепившими за Россией побережье Балтийского моря и обеспечившими ей одно из первых мест в ряду великих держав Европы. Эти внешнеполитические успехи и некоторые экономические достижения сопровождались значительным подъемом русской национальной культуры и развитием науки и просвещения.

В числе наук, получивших под влиянием практических нужд государства особенно широкое развитие, была и география. Экспедиции в Среднюю Азию и Сибирь, на Каспийское море и на берега Тихого океана, организованные Петром I, равно как предпринятое им генеральное картографирование страны и ряд других мероприятий, содействовали успешному развитию этой науки.

Наступивший после смерти Петра I период (1725—1742 гг.), ознаменовавшийся частой сменой правительств, внутриклассовой борьбой за власть отдельных дворянских группировок, был мало благоприятен для дальнейшего развития многих прогрессивных начинаний Петра I. Тем не менее благодаря энергии и трудам передовых русских людей, глубоко преданных своей родине, делу науки и просвещения, этот период ознаменовался большими научными достижениями.

К числу этих людей принадлежал и Иван Кирилович Кирилов, автор замечательного для своего времени статистико-экономического и географического описания России, руководитель топографо-картографических работ, составитель Генеральной карты и Атласа Российской империи. Кирилов принимал также деятельное участие в снаряжении и отправке экспедиции Афанасия Шестакова и Второй Камчатской экспедиции. Он был ос-

нователем г. Оренбурга и автором ряда проектов и предложений, направленных на решение важных экономических и политических задач.

За 225 с лишком лет, прошедших со дня его смерти, было опубликовано много архивных материалов и написано немало работ, освещающих отдельные стороны его многогранной деятельности. Труды Кирилова, тесно связанные с решением актуальнейших проблем современной ему эпохи, не могли остаться незамеченными. Однако, несмотря на большой интерес к ним, проявленный как в дореволюционное, так и в советское время, до сих пор не существует еще монографии, всесторонне освещающей жизнь и деятельность этого замечательного представителя науки и культуры второй четверти XVIII в.

Настоящая работа имеет своей целью на основании как уже опубликованных, так и вновь разысканных материалов о Кирилове дать более полное представление о его жизни и трудах, о целях и стремлениях, руководивших им в его кипучей деятельности, и, наконец, о его роли и значении в истории русской культуры первой половины XVIII в.

Автор считает своим долгом выразить искреннюю признательность за ценные советы и указания доктору исторических наук М. И. Белову, профессору Ф. А. Шибанову и научному сотруднику Института истории естествознания и техники АН СССР В. Л. Ченакалу.

СЛУЖБА И. К. КИРИЛОВА В КАНЦЕЛЯРИИ СЕНАТА

Вполне достоверных и документально подтвержденных сведений о годе рождения и о жизни Ивана Кириловича Кирилова до 1712 г., т. е. до года его поступления на службу в канцелярию Сената, не имеется. Стремление восполнить до некоторой степени этот пробел в биографии Кирилова привело отдельных исследователей его жизни и деятельности к ряду более или менее достоверных предположений. В большинстве случаев эти предположения основывались на документальных данных, хотя и содержащих сведения об Иване Кирилове, но не позволяющих утверждать, что эти сведения действительно относятся к Ивану Кириловичу Кирилову, а не к кому-либо из его многочисленных однофамильцев.

Так, Ф. Ф. Веселаго, исходя из того, что в списках учеников Московской математико-навигационной школы в 1706 г. значился некий Иван Кирилов, впервые высказал предположение о том, что И. К. Кирилов был воспитанником этой школы [14, стр. 34].

Позднейшие исследователи обнаружили архивные документы, проливающие свет на личность этого ученика Математико-навигационной школы и касающиеся ряда моментов его пребывания в школе. Так, установлено, что Иван Кирилов, сын подьячего, родившийся в 1689 г., 23 мая 1702 г. был послан «из Оружейной палаты в школу наук математических во ученики к учителю Андрею Фархварсону с товарищи» [7, стр. 184]. В 1705 г. 16-летний Кирилов числился в списках учеников школы по классу навигации и получал «10 денег» в день [28, стр. 297], а в 1707 г. по окончании школы в числе других учеников был направлен за границу, в Англию, «для совершенного изучения мореходства и знания карт».¹

¹ Центральный государственный архив Военно-морского флота, Дела Адмиралтейской канцелярии, № 106, л. 966.

Товарищи Ивана Кирилова, отправленные одновременно с ним, вернулись на родину одни в 1711 г., другие в 1713 г. Однако ни в списках вернувшихся, ни позднее в числе навигаторов «Общего морского списка» (СПб., 1885) имени Ивана Кирилова не значится. Исчезновение в 1707 г. навигатора Ивана Кирилова, обучавшегося в Московской математико- навигацкой школе в числе других наук и геодезии, и появление в 1712 г. в московской канцелярии Сената подьячего Ивана Кириловича Кирилова, который впоследствии не только руководил работой первых русских геодезистов, но и «своеручно рисовал» карты, и дало основание некоторым биографам Кирилова отождествить эти две личности. Однако никаких сведений о пребывании И. К. Кирилова в числе учеников Математико- навигацкой школы ни у самого Кирилова, ни у его современников не имеется. Наоборот, И. К. Кирилову, по словам историографа Г.-Ф. Миллера, лично знавшего его, «не доставало довольных оснований в науках» [30, стр. 489]. П. И. Рычков, впоследствии известный русский географ, сопровождавший Кирилова в Оренбургскую экспедицию и выполнявший обязанности его личного секретаря, пишет о нем: «Наукам хотя формально не обучен был и оных основательно не знал, но был великий рачитель и любитель наук, а особенно математики, механики, истории, економии и металлургии» [39, стр. 224]. Ничего не говорит о пребывании И. К. Кирилова в Математико- навигацкой школе и сын его, Петр Иванович Кирилов, который, начав свою служебную карьеру в 1749 г. в том же Сенате в должности титулярного юнкера, дослужился до чина действительного статского советника. В 1797 г. он подал прошение на имя Павла I с просьбой о выдаче диплома на дворянство. В этом прошении, перечисляя заслуги своего отца, он пишет, что отец происходил «из священнических детей» и начал свою службу в 1712 г. в Сенате, «где, из чина в чин происходя по порядку», в 1727 г. был произведен в обер-секретари.² По всей вероятности, сын Кирилова не преминул бы упомянуть, если бы это соответствовало действительности, что отец его получил незаурядное по тем временам образование — окончил Московскую

² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 1343, 1799 г., оп. 1, д. 170, л. 63—63 об.

математико-навигационную школу. Сверх того, указанное в этом документе происхождение И. К. Кирилова «из священнических детей» делает еще более сомнительным тождество его с учеником Математико-навигационной школы Иваном Кириловым, сыном подьячего.

Наличие этих противоречий не дает оснований впредь до получения каких-либо дополнительных сведений, проливающих свет на этот сомнительный вопрос, категорически утверждать, что И. К. Кирилов обучался в Математико-навигационной школе. Между тем один из биографов Кирилова, Л. С. Багров, считая пребывание его в этой школе несомненным фактом, утверждает, что после возвращения из-за границы и до поступления в сенатскую канцелярию Кирилов служил подьячим в г. Ельце [56, стр. 78—82]. Основанием для этого утверждения Багрову послужили доношения стольника И. Д. Хлопова и коменданта г. Ельца А. Еропкина [22, т. II, кн. 2, стр. 352, 357—358], представленные в канцелярию Сената 18 и 28 ноября 1712 г. В этих доношениях действительно упоминается имя подьячего Ивана Кирилова, который был направлен стольником Хлоповым из г. Ельца вместе с другими подьячими в канцелярию Сената в Москву. Несмотря на то, что ни в одном из этих документов нет ни малейшего намека на какую-либо связь между елецким подьячим Кириловым и навигатором Иваном Кириловым, с одной стороны, и подьячим сенатской канцелярии И. К. Кириловым, с другой стороны, Л. С. Багров пишет: «Так как в списках вернувшихся в 1711—1713 гг. морем из-за границы навигаторов имени Ивана Кирилова не значится, то, по всей вероятности, он вернулся в Россию сухим путем; затем перешел из флота на гражданскую службу в Межевую контору, откуда был направлен сверхштатным подьячим в г. Елец». В Ельце, по словам Багрова, Кирилов работал по размежеванию земель и заготовке лесоматериалов для постройки судов. Стольник Хлопов, «проезжая через Елец, был, очевидно, поражен качеством работы Кирилова», вследствие чего взял его в Москву «и устроил в Поместный приказ» [56, стр. 78]. При этом Багров обходит молчанием целый ряд очень важных и известных ему обстоятельств; а именно то, что стольник Хлопов был в Ельце не «проездом», а приехал туда со специальным поручением — для набора подьячих на военную службу, и что

набранные им двенадцать подъячих были отправлены в Москву против их воли и желания, и что по прибытии их в канцелярию Сената, откуда они были затем препровождены в Военную канцелярию, неожиданно обнаружилось, что только трое из них были настоящими подъячими, остальные же «в подъячих никогда не служивали» [22, т. II, кн. 2, стр. 357—358]. Правда, в числе трех настоящих подъячих был и Иван Кирилов, заявивший на допросе, что он «сидит в подъячих сверх списка». Однако этот Кирилов, как это видно из приложенной к челобитной Еропкина на имя Петра I именной росписи двенадцати подъячих, оказался не Иваном Кириловичем, а Иваном Акимовичем Кириловым.³

Точно так же при более тщательном ознакомлении с архивными материалами подтверждается ошибочность утверждения Багрова [56, стр. 78], а вслед за ним и ряда других авторов о службе И. К. Кирилова до поступления в сенатскую канцелярию в Поместном приказе. Действительно, в Поместном приказе как раз в это время работал молодой подъячий Иван Кирилов, «к межевым делам заобычный», т. е. в межевых делах опытный. Вместе с другими подъячими Поместного приказа в течение двух лет он находился при ландрихтере Ф. Манукове «для описи и меры земель Ингерманландии и по другую сторону реки Невы до городов Выборга и Корелы».⁴ Однако факты, собранные о службе этого подъячего, свидетельствующие о том, что он начал свою службу в Соляном столе Поместного приказа с 1701 г. и продолжал ее до 1720 г. и позже,⁵ исключают всякую возможность отождествления его с личностью И. К. Кирилова.

Если обратиться к свидетельству самого И. К. Кирилова, то в своей записке «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт» он пишет, что составил генеральную карту, «будучи в канцелярии сенатской 23 года» [6, стр. 708]. Если принять во внимание, что Кирилов оставил службу в Сенате в мае 1734 г. и что в списках подъячих канце-

³ Центральный государственный архив древних актов (в дальнейшем — ЦГАДА), ф. Сената, кн. 59, л. 189

⁴ Там же, кн. 15, лл. 38—39.

⁵ Там же, ф. Приказные дела Поместного приказа, № 6190, кн. 142, л. 333, а также лл. 64, 66—67, 86—87, 160, 195 об., 250 об.

лярии Сената, составленных 23 ноября 1711 г.,⁶ имени его еще не значится, то следует думать, что в своей записке он несколько округлил годы своей работы в канцелярии Сената и что, следовательно, поступил он туда либо в конце 1711 г., либо в начале 1712 г. Последняя дата, как уже было сказано, подтверждается и свидетельством его сына.

Вначале Кирилов работал в сенатской канцелярии в Москве как неокладной подьячий [22, т. IV, кн. 2, стр. 1063]. В 1713 г. ему был установлен годовой оклад в размере 20 руб. и он был временно командирован в Петербург для работы там при канцелярии Сената [22, т. IV, кн. 1, стр. 254—255]. В феврале 1714 г. Кирилов вернулся в Москву, а в апреле 1715 г. был переведен в Петербург уже на постоянную службу [22, т. V, кн. 1, стр. 321]. В январе 1716 г. он был определен «для письма» к генеральному ревизору Сената В. Н. Зотову.

Выдающиеся способности молодого подьячего были замечены и по достоинству оценены В. Н. Зотовым, человеком, долго жившим за границей и получившим прекрасное по тому времени образование. По его ходатайству указом Сената 10 августа того же 1716 г. молодой подьячий Иван Кирилов сразу же, минуя категорию «средних», был переведен в «старые подьячие» и ему было установлено денежное и хлебное жалованье наравне с другими старыми подьячими.⁷

В должности старого подьячего «у генеральных ревизорских дел» Кирилов работал до 1719 г. 18 февраля 1719 г. он был назначен на должность канцеляриста приказного стола,⁸ а через год с небольшим — регистратором, причем ему было вменено в обязанность «и приказной стол управлять обще с канцеляристом Федором Нероновым во всем по должностям своим, как о том в Генеральном регламенте изображено».⁹

В конце 1721 г. Кирилов становится сенатским секретарем. «Сенатскому регистратору Ивану Кирилову, — гласил указ Сената, изданный 17 октября 1721 г., — быть у его императорского величества дел в Сенате секретарем и привести его к присяге». При этом он, видимо,

⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4, д. 97.

⁷ Там же, кн. 35, л. 354.

⁸ Там же, кн. 554, лл. 49—50.

⁹ Там же, кн. 660, л. 52.

вследствие особых заслуг был освобожден от уплаты налога «. . . а денег с него, — было сказано в указе, — на содержание лазарета ста рублей за приказную ево работу не брать».¹⁰

Своим необычайно быстрым продвижением по службе Кирилов, выходец из низших слоев общества, был обязан исключительно своим незаурядным способностям, неутомимой энергией и разносторонним знаниям. Современник Кирилова П. И. Рычков писал о нем: «Он хотя незнатной природы был, но прилежными своими трудами и острым понятием в канцелярии правительствующего Сената, из самых нижних чинов порядочно происходя, еще при жизни высокославной памяти императора Петра Великого в чин сенатского секретаря произведен» [39, стр. 223—224].

13 мая 1726 г. в связи с тем, что один из двух обер-секретарей Сената, А. С. Сверчков, был занят работой по подготовке проекта нового Уложения, Сенат представил на утверждение Верховного тайного совета кандидатуру Кирилова на должность обер-секретаря. Но утверждения не последовало, вероятно в связи с тем, что с 1 июня 1726 г. Сверчкову вновь было указано: «Быть при Сенате неотлучно как для сочинения Уложения, так и для других сенатских дел» [43, т. 89, стр. 510]. Однако работа по сочинению Уложения сильно отвлекла Сверчкова от выполнения его прямых обязанностей по должности обер-секретаря Сената и фактически работать за него приходилось Кирилову. Это обстоятельство послужило поводом к изданию 7 марта 1727 г. указа о том, чтобы «канцелярии высокого Сената секретарю Ивану Кирилову за многой ево бывший в прошлом 1726 году канцелярский труд к преждеопределенному ево жалованью выдать сто рублей, записав в расход с роспискою и впредь ему жалованье давать по штисот рублей в год».¹¹

Сверх того, 28 июля того же года Сенат удовлетворил просьбу Кирилова о пожаловании ему в вечное владение находившегося в Москве, за Москвой-рекой, в Земляном городе, между Калужской и Серпуховской улицами, против Полянки, «порозжего дворового места», называемого «Каменным двором», так как в прежнее время там

¹⁰ Там же, кн. 10/650, л. 84.

¹¹ Там же, кн. 83/1964, л. 91.

производилась продажа казенного камня. «Означенное место, — говорилось в указе, — справясь, ежели оное лежит пусто и никому не отдано, отдать ему, Кирилову, в вечное владение, дабы оное впусте не было, и дать ему, Кирилову, на то место данную, на котором месте велеть ему построить дворовое и хоромное строение и мосты наместить по указу».¹²

Получив в «вечное владение» участок земли, Кирилов построил на нем каменный дом, состоявший из «27 покоев» и значившийся под № 616 «на Полянке, в приходе церкви Петра и Павла».¹³ Впоследствии, после отъезда Кирилова в Оренбургскую экспедицию, этот дом был предоставлен им в распоряжение сотрудников экспедиции, приезжавших по делам службы в Москву.

Сенатские указы 7 марта и 28 июля 1727 г. по времени совпадают с завершением Кириловым работы по статистико-экономическому и географическому описанию Российской империи, и весьма возможно, что полученные им по этим указам награды были своего рода поощрением за представленный им в Сенат этот большой и полезный труд.

4 октября 1727 г. Сенат вторично обратился в Верховный тайный совет с ходатайством о назначении Кирилова на должность обер-секретаря, «понеже он того дела достоин». На этот раз ходатайство было удовлетворено, и указом 12 октября 1727 г. Кирилов был утвержден в означенной должности [43, т. 69, стр. 482, 508].

Незадолго до этого назначения Кирилова, в марте 1727 г., президент Ревизион-коллегии И. И. Бибииков сделал попытку привлечь его к работе в коллегии в качестве советника, однако получил отказ на том основании, что Кирилов в это время уже совмещал должность сенатского секретаря с обязанностями секретаря Комиссии о коммерции, т. е., как было сказано в постановлении Верховного тайного совета, «обретался у главных дел» [43, т. 63, стр. 403].

Комиссия о коммерции была утверждена 17 марта 1727 г. в связи с рядом мероприятий, проводимых Верховным тайным советом в целях улучшения экономического положения страны и развития торговли и промышлен-

¹² Там же, кн. 87/1968, л. 212.

¹³ Там же, Дела Московской конторы, 1736 г., № 7764, л. 93.

ности. Во главе ее был поставлен А. И. Остерман, который, подбирая штат комиссии, привлек к работе в ней и И. К. Кирилова.

В течение ряда лет Кирилов принимал живое участие в многообразной деятельности Комиссии о коммерции. Об этом свидетельствуют все составленные им и «за его зкрепою» поступавшие из Комиссии в высшие инстанции (в Верховный тайный совет, а затем в Кабинет министров) доношения и приложенные к ним справки и ссылки на действующие законы и постановления правительства, а также проекты резолюций по доношениям Комиссии, при обсуждении которых в высших инстанциях он обязан был присутствовать. И хотя у нас нет никаких прямых указаний, но следует думать, что, как человек в высшей степени живой и деятельный, Кирилов не мог ограничиться только формальным выполнением своих секретарских обязанностей, а с присущей ему энергией и инициативой принимал более близкое участие в разработке некоторых проектов, исходивших из Комиссии о коммерции.

Службу в Сенате и Комиссии о коммерции Кирилов сочетал еще с предпринимательской деятельностью. В то время предпринимателями были многие крупные сановники и высокопоставленные особы, в том числе А. Д. Меньшиков, князь А. М. Черкасский, П. П. Шафиров, кабинет-секретарь А. В. Макаров и др. Правда, деятельность Кирилова не имела столь широких масштабов, как деятельность вышеуказанных лиц, тем не менее имеются сведения о том, что он был владельцем нескольких небольших предприятий.

В 1726 г., найдя в Копорском уезде краску «наподобие умбры», Кирилов обратился в Берг-коллегию с просьбой выдать ему разрешение на постройку завода для изготовления красок. Ему было разрешено построить такой завод и отведен для этого участок земли на Черной речке, впадающей несколько выше Невских порогов в Неву.¹⁴

В 1731 г. Кирилов получил разрешение построить на Москве-реке в Земляном городе мукомольные мельницы и содержать их безоброчно в течение 20 лет.

¹⁴ Там же, ф. Берг-коллегии, 1726 г., № 126, лл. 59—61.

В 1734 г. предпринимательская деятельность Кирилова значительно расширилась. Он приступил к постройке «своими и казенными деньгами» пильной мельницы на Невских порогах. В связи с этим 8 февраля он обратился к императрице Анне с просьбой об отпуске 2100 пудов сибирского железа «на инструменты, а также на укрепления от речной стороны плотины и быков, кои для прибавления водяной силы и для отводу вешнего и осеннего льда нужны».¹⁵ На другой же день было приказано отпустить Кирилову железо на сумму 1260 рублей. В мае Кирилов направил в Коммерц-коллегию доношение с просьбой принять в счет вышеуказанной суммы изготовленные на его заводе доски, ссылаясь на то, что последние потребны к «строению Гостиного двора». Потребность в досках подтверждалась поданным «от полковника и архитектора Трезина ¹⁶ спецификациями», согласно которым на достройку Гостиного двора требовалось разных мер досок 26 225 штук. Ходатайство Кирилова было удовлетворено, и до августа 1734 г. он поставил около 2000 досок разных сортов. Однако в дальнейшем с поставкой досок произошло затруднение вследствие того, что одна из пильных мельниц Кирилова, находившаяся на Красной речке, 23 августа 1734 г. «от молнии сгорела без остатку» и Кирилов был вынужден через своего компаньона «купецкого человека Богдана Снетлера» просить отсрочку на поставку досок до 1736 г.

В общем коммерческая деятельность И. К. Кирилова была, видимо, не очень удачной и никаких особенных выгод для себя он из нее не извлек. Наоборот, она вовлекла его в большие долги, с которыми он не смог расплатиться до конца своей жизни.

Первые годы службы в Сенате, совпавшие с последним десятилетием жизни Петра I, оказали большое влияние на Кирилова и в значительной степени обусловили характер и направление всей его последующей деятельности. Имея возможность часто видеть в Сенате Петра I, знакомиться с его широкими преобразовательными планами и наблюдать за их осуществлением как в области внутренних государственных реформ, так и в области

¹⁵ Там же, 1734 г., № 648, л. 10—10 об.

¹⁶ Доменико Трезини (1670—1734) — известный русский архитектор.

внешней политики, Кирилов проникся глубоким сознанием огромного значения петровских реформ для экономического, политического и культурного развития страны и стал не только горячим сторонником, но и энергичным продолжателем ряда прогрессивных начинаний Петра I. Богатый опыт и широкая осведомленность в вопросах внешней и внутренней политики страны, приобретенные Кириловым в Сенате, дали ему возможность не только принять самое деятельное участие в важнейших государственных событиях своего времени, но и выступить с рядом проектов, направленных на решение важных политических и экономических задач.

И. К. Кирилов был просвещенным и широко образованным человеком своего времени. В условиях кипучей и разносторонней деятельности, при крайней занятости он находил все же время и для того, чтобы пополнять и обогащать запас своих знаний. Он любил книги и умел их ценить. Он интересовался не только географической литературой, в частности произведениями, из которых можно было бы почерпнуть сведения о Сибири, восточной и западной Татари [44, стр. 75], о «Земле Ессо», Камчатке, об Индии, Персии [44, стр. 77] и т. д., но и книгами по математике, физике, астрономии, истории, бухгалтерии и др. Особую же склонность он питал к наукам географическим, в частности к картографии. По словам П. И. Рычкова, Кирилов «особенно свое достоинство охоту к ландкартам и географическим описаниям» [39, стр. 224], а Г.-Ф. Миллер называл Кирилова «любителем и знатоком географии своего отечества» и «любителем географических и статистических сведений» [27, т. 6, стр. 113, 253].

Глубокий и до конца жизни не ослабевавший интерес к географии и географическим картам впервые появился у Кирилова в Сенате, с 1720 г. ставшем центром топографо-картографических работ страны. Здесь же он нашел обширное поле деятельности для своего организаторского таланта как в области руководства работами первых русских геодезистов и издания составленных ими на основе инструментальных съемок географических карт, так и в области снаряжения и отправки на Дальний Восток экспедиции Афанасия Шестакова и Второй Камчатской экспедиции.

И. К. Кирилов был одним из выдающихся деятелей просвещения второй четверти XVIII в. Его труды по картографии и географии России являлись большим вкладом в эти науки. Не менее значительными были помощь и поддержка, оказываемые им Академии наук в первое десятилетие ее существования. Он не только помогал Академии в преодолении всевозможных материальных и организационных трудностей, но и аккуратно доставлял ей все встречавшиеся ему достопримечательности или имеющие научное значение сведения, а также свои работы в области картографии и результаты научно-исследовательских работ, проводившихся по его инициативе и под его руководством в Оренбургской экспедиции.

Любовь к просвещению сочеталась у Кирилова с постоянной и неизменной заботой о распространении грамоты среди народа. Ему принадлежит большая заслуга в деле основания школ для башкир, казахов, каракалпаков и калмыков. Правда, просвещение этих народов он связывал с христианизацией. В 1733—1734 гг. в проекте мероприятий, предложенных им для закрепления в русском подданстве киргиз-кайсаков и каракалпаков, он предлагал «открыть школы для малых детей», в которые принимать «сирот, неимущих призрения, из башкирского, киргиз-кайсацкого, каракалпацкого и других народов» с тем, чтобы, «воспитывая, обучать их в законе христианском». Но одновременно Кирилов рекомендовал и «природного языка и грамоты не оставлять, чтоб в обеих искусство имели» [3, стр. 24—25]. Вместе с тем он проявлял заботу и принимал меры к снабжению учебниками башкирских, калмыцких и казахских школ.

Не меньшее внимание уделял Кирилов и делу организации русских школ в Оренбурге, в Охотске и на Камчатке.

Работа в Сенате давала большие возможности Кирилову для обогащения его научного кругозора. Эти возможности прежде всего заключались в повседневных встречах и общении с замечательными людьми того времени: государственными деятелями, учеными, путешественниками, мореплавателями, купцами, промышленниками, геодезистами и т. д. Достаточно сказать, что только в связи со своей работой в области картографии и в связи с участием в деле организации экспедиций И. К. Кирилов встречался в Сенате и находился в деловых, а иногда

и в дружеских отношениях со многими людьми: с начальником Морской академии Г. Г. Скорняковым-Писаревым, с фельдмаршалом Я. В. Брюсом, с выдающимся историком и географом В. Н. Татищевым, с замечательными русскими мореплавателями капитаном В. Берингом и его помощником А. И. Чириковым, с составителем карты среднеазиатских владений капитаном М. Дубровиным, с организатором Дальневосточной экспедиции (1727—1730 гг.) А. Ф. Шестаковым, с участником первого похода на Курильские острова И. П. Козыревским, с русским послом в Китае С. Л. Владиславичем-Рагузинским, с учеными Академии наук: И.-Н. Делилем, его братом Л. Де-ла-Кройером, с И.-Г. Гмелиным, Г.-Ф. Миллером и др.

Большую роль в расширении и обогащении знаний Кирилова сыграли всякого рода статистические, экономические, географические, исторические, военные и другие материалы, поступавшие в Сенат из подведомственных ему центральных и областных учреждений, а также материалы, хранившиеся в сенатском и других архивах. Кирилов сумел использовать эти материалы, положив их в основу «Цветущего состояния Всероссийского государства» — своего замечательного труда, посвященного статистико-экономическому и географическому описанию городов Российской империи, в котором он, благоговейно относясь к памяти Петра I, постарался увековечить результаты его преобразовательной деятельности.

«ЦВЕТУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Судя по датам использованных документов, а также по свидетельству И. И. Голикова [18, стр. 413], работу над своим произведением «Цветущее состояние Всероссийского государства» И. К. Кирилов начал в 1726 г. и закончил в 1727 г.

Для написания своего труда он пользовался самыми разнообразными источниками и в том числе хранившимися в Сенате географическими описаниями городов. Такие описания поступали из губерний и провинций в ответ на анкеты или «вопросные пункты», рассылаемые Сенатом по разному поводу. Так, в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде сохранились ответы на одну из таких анкет, разосланную в 1724 г. в связи с предпринятой Сенатом работой по сочинению городских гербов.¹

Сопоставление ответов на эту анкету с описанием городов в «Цветущем состоянии Всероссийского государства» показало, что характеристики отдельных городов, особенно в части, касающейся основания или завоевания города, его местоположения, состояния его укреплений и строений, в некоторых случаях не только по форме и содержанию, но почти дословно совпадают с описанием Кирилова. Однако наряду со сходством имеющиеся различия в описании дают основание думать, что Кирилов в своем произведении пользовался материалами не этой, а какой-то другой, близкой по содержанию анкеты.

По свидетельству В. Н. Татищева, Петр I, убедившись, что в вышедшем в 1719 г. русском переводе географии Иоганна Гибнера «глава о России ни мало с истинною не сходна, повелел оную выкинуть и вновь правильную графу Брюсу особно напечатать». Причем для скорей-

¹ Погодинское собрание 1802 г.

шего получения материалов, необходимых для сочинения этой главы о России, было «повелено от всех градов обстоятельные описания, сочиня, прислать, что и учинено». Правда, говорит Татищев, описания городов, присланные с мест, оказались «неполны и неисправны или совсем негодны», и хотя их легко было исправить путем новых запросов, «но вскоре кончина его величества все оное пресекла», и все собранные описания «остались туе» [51, стр. 347]. Однако, утверждая, что собранные в Сенате материалы по описанию городов остались неиспользованными, Татищев ошибается. И. К. Кирилов, занимавший в то время уже должность сенатского секретаря и живо интересовавшийся вопросами географии, несомненно не только знал об этих материалах, но и пользовался ими. Более того, эти географические описания городов явились для него как бы исходным, отправным материалом и обусловили построение самого плана его работы, предусматривавшего описание городов по губерниям, провинциям и уездам. Использование Кириловым этих географических описаний дает основание полагать, что, приступая к написанию своего труда, он руководствовался не только желанием увековечить результаты преобразовательной деятельности Петра I, но, возможно, и стремлением закончить предпринятую последним работу по сочинению Географии России.

Собранные в Сенате ответы на разосланные в губернии и провинции «вопросные пункты», сами по себе неполные и несовершенные, к тому же охватывавшие незначительный круг географических вопросов, не могли удовлетворить И. К. Кирилова.

Не считая возможным ограничиться простой сводкой полученных с мест данных и подходя к решению задачи описания государства более глубоко и разносторонне, Кирилов привлек для написания своего труда ряд других источников. Прежде всего он воспользовался материалами, в изобилии имевшимися в Сенате: правительственными указами и постановлениями, данными переписей, ведомостями и доношениями, присланными из коллегий и из губернских и провинциальных контор и канцелярий. К этому он добавил всякого рода исторические, географические и экономические сведения, заимствованные им из книг, из писем и доношений, приобретенные в результате личного опыта и наблюдений, а также

**ЦВЕТУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ
ВСЕРОССИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,**

ВЪ КАКОВОЕ

НАЧАЛЕ, ПРИВЕЛЪ И ОСТАВИЛЪ НЕИЗРЕЧЕННЫМИ ТРУДАМИ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ОТЕЦЪ ОТЕЧЕСТВІЯ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

КНИГА ПЕРВАЯ,

въ которой описаны Губерніи и Провинціи,

въ нихъ

города, гарнизоны, артиллерія, Канцеляріи, Конторы, управленіи
съ подчиненными, епархіи, монастыри, церкви, число душъ,
расположенныя полки, и доходы, какъ оныя нынѣ состоятъ,

Г У Б Е Р Н І И

Санктпетербургская, Московская, Смоленская, Кіевская,
Воронежская, Рижская, Ревельская.

Собрано трудами Статскаго Совѣтника, и бывшаго въ Сенатѣ
Оберъ-Секретаря Г. Ивана Кирилова, изъ подлиннѣйшихъ
Сенатскихъ архивовъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1727 года.

О прочихъ Губерніяхъ и другихъ околичностяхъ описано въ другой книгѣ.

М О С К В А.

Въ Университетской Типографіи.

1831.

Титульный лист к сочинению И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства».

почерпнутые из встреч и бесед с участниками далеких экспедиций, с геодезистами, с путешественниками, купцами и вообще с людьми, много где побывавшими и много на своем веку повидавшими.

Собрав этот обширный и разнообразный материал, Кирилов создал замечательное для своего времени произведение, содержащее в себе статистический и экономико-географический обзор состояния Русского государства за период 1724—1726 гг.

Труд Кирилова состоит из двух книг. В первой книге описано семь губерний: Санктпетербургская, Московская, Смоленская, Киевская, Воронежская, Рижская и Ревельская; во второй книге — пять: Нижегородская, Казанская, Астраханская, Архангелогородская и Сибирская.

Отличительной особенностью труда является положенный в основу его план. В соответствии с этим планом описание городов дается по губерниям, а внутри каждой губернии — по городам: губернским, провинциальным и уездным.

При описании отдельных городов сообщаются такие сведения: о местоположении города и времени его основания, о городских строениях и украшениях, об административных, судебных и городских учреждениях и количестве служебного персонала в них, об епархиях, монастырях, церквях, школах и госпиталях, о фабриках и заводах, о купечестве и ярмарках, о ямах, почтах и о расстояниях между ними, о флоте и армии, о «нерегулярных», т. е. казачьих, войсках и т. д.

В большинстве случаев описание отдельных городов начинается с сообщения кратких географических сведений об их местоположении, о расстоянии от других городов, о городских укреплениях и степени их сохранности и т. д. Иногда к краткой характеристике городских укреплений (город каменный, город деревянный рубленый, земляной вал, дубовый острог и т. д.) добавляются еще сведения из «описных книг» 1701 и 1710 гг., о числе ворот, проезжих и глухих башен, об общей протяженности городских укреплений.

При описании некоторых, правда, очень немногих городов вводится специальный раздел «О строениях», в котором излагаются краткие, но порой ценные сведения, позволяющие восстановить если не полностью, то

хотя бы в общих чертах тот облик, который имел более 200 лет назад тот или иной город. Так, например, об Астрахани И. К. Кирилов пишет: «Первый город каменный называется Кремль, стены высокия, с башнями, по стенам зубцы, в него трое ворота: первыя Вознесенския, над которыми в башне часы и соборные колокола, вторыя Никольския, третьи круглой башни. В том городе соборная каменная Успенская церковь, великая, пятиглавая. Монастырь Троицкий, каменный, приписной к Троицкому Сергиеву монастырю. Архиерейский дом каменный, в нем церковь; дворец деревянный. Каменные палаты, в коих имеются канцелярии и конторы, иного жилья нет; токмо содержится артиллерия и артиллерийские магазины.

«Другой город каменный, называется Белый, в него семь ворот с башнями. В том городе гостинные дворы каменные с лавками, а именно: первый Русский, другой Индейский, третий Армянский. Площадь торговая, на которой торговые ряды деревянные. Слобода посадских и разночинцев; в тех слободах церквей каменных 3, деревянных одна» [1, кн. 2, стр. 25—26].

В некоторых случаях попутно с географическими данными сообщаются сведения исторического порядка: год основания города, имя основателя, какие-либо выдающиеся события из истории города и т. д.

При описании Петербурга автор несколько отступает от намеченного плана. Вместо обычных историко-географических сведений здесь дается обзор центрального государственного аппарата со всеми входящими в его состав и сосредоточенными в Петербурге государственными учреждениями, с подробными сведениями о штатах каждого из них в отдельности и поименными списками возглавляющих их лиц. По такому же принципу строится описание и других губернских, провинциальных и уездных учреждений.

В разделах «Об Академиях» и «О школах» приводятся краткие сведения о «Десянск академии», ее профессорах и представляемых ими науках, о Морской академии и имеющемся в ее распоряжении штате учителей и обслуживающего персонала, о количестве учеников «из шляхетства» и «из разночинцев» по каждой дисциплине в отдельности, о Московской математической школе или, как ее называет И. К. Кирилов, о Московской академии,

о Славяно-греко-латинской академии, об учебных заведениях Риги, Ревеля (Таллин) и Дерпта (Тарту), об артиллерийских школах и об основанных Петром I в целом ряде городов «школах для обучения цифири и геометрии разных чинов людей, кроме шляхетства, а также о школах при архиерейских домах и монастырях» и т. д.

Основываясь на данных подворной переписи 1710 г., Кирилов подробно перечисляет все имеющиеся в каждом городе и в его окрестностях монастыри и церкви, отмечая, какого они строения, а в отношении монастырей указывая иногда количество числящихся за ним крестьянских дворов.

По многим городам (очевидно, в зависимости от имевшихся в его распоряжении материалов) И. К. Кирилов сообщает цифровые данные о количестве купцов и посадских людей в городе. Так, например, «купечества в Москве, — пишет он, — по нынешней переписи ² 12 769 человек» [1, кн. 1, стр. 95]. О городе Зарайске сообщает, что там «посадских по нынешней переписи 282 человека» [1, кн. 1, стр. 105] и т. д. Говоря о сибирских и закамских служилых людях, он дает сведения не только об их количестве, но и о числе входящих в их состав дворян, детей боярских, полковников, сотников, пятидесятников, десятников и казаков, о получаемом ими хлебном и денежном жалованье и т. д. Сведения эти заимствованы Кириловым из присланных в Сенат в 1724 г. из Сибирской губернии ведомостей.

Что же касается крестьян, то о них, к сожалению, кроме указанных выше данных о количестве крестьянских дворов, числящихся за тем или иным монастырем, заимствованных к тому же из старой переписи 1678 г., и о количестве крестьян, приписанных к некоторым заводам, никаких других сведений в работе Кирилова не имеется.

Для историка, изучающего народное хозяйство России первой четверти XVIII в., представляют большой интерес сведения о промышленных предприятиях того времени. Правда, сведения эти в большинстве случаев очень кратки, но чрезвычайно важен уже сам по себе тот факт, что Кирилов, воспользовавшись официальными данными ведомостей Берг- и Мануфактур-коллегий за 1724—

² Перепись, произведенная по указу 1718 г.

1726 г., зафиксировал наличие 233 крупных и мелких промышленных предприятий.³

В отношении мелких промышленных предприятий Кирилов ограничивается только указанием их местонахождения, изредка добавляя фамилию владельца.

Что же касается крупных, особенно казенных предприятий, то он более подробно останавливается на их описании, указывая год основания завода, количество рабочих и служащих вообще и по каждой специальности в отдельности, состояние предприятия, является ли оно на данный момент действующим или «упущенным», т. е. бездействующим. Иногда он сообщает цифровые данные о числе станков, о количестве приписных к заводу крестьян и т. д. Так, например, об Олонецких Петровских заводах узнаем, что «зачали те заводы строить в 1703 г.», что «на тех заводах имеются домны, в которых плавят железную руду и молотами делают железо прутовое, также литье пушек и прочих артиллерийских и адмиралтейских припасов», что в 1724 г. на этих заводах «было и оружейное дело, но мастерские люди перевезены на Сестрорецкие заводы», что мастеровых людей на тех заводах 263 человека, а вместе со служащими, солдатами, матросами и прочими 457 человек [1, кн. 1, стр. 66].

Не лишены интереса сведения о торговле, торговых портах, ярмарках и купечестве. «При Риге, — пишет Кирилов, — славный порт и многий приход торговых кораблей». Здесь происходит торговля главным образом такими товарами, как «пенька, лен, поташ, смольчуг, хлеб, семя, мачты, клепки и другие» [1, кн. 1, стр. 56]. Об Орловской провинции он сообщает, что там «великое довольство хлеба и торг больше состоится хлебный, понеже из многих других городов в город Орел для закупки хлеба приезжают и, многочисленно покупая, реками в судах отвозят в Москву, также в Нижний-Новгород и в Санктпетербург» [1, кн. 1, стр. 147]. «В Астрахани, — пишет он, — „обретается“ много купцов, приезжающих сюда из разных российских городов, а также армян, индейцев, персиян, бухарцев и ногайцев», в большом количестве «живущих при Астрахани». «Торг бывает в Астра-

³ В настоящее время эта цифра считается ошибочной. Путем привлечения других источников установлено, что в то время было только 200 заводов [35, стр. 5].

хани по утрам на Татарском базаре, а по полудни в городе на Русском базаре и в гостиних дворах». Далее он перечисляет товары, идущие через Астрахань из России в Персию и из Персии в Россию [1, кн. 2, стр. 26].

Попутно с материалами, касающимися торговли, даются некоторые сведения о промыслах, в частности о рыбном промысле в низовьях Волги и о соляном промысле в Соликамской провинции и Астрахани.

Изредка встречаются сведения о состоянии сельского хозяйства в отдельных провинциях и уездах. Так, Кирилов сообщает, что «самые хлебородные места» находятся в Симбирском уезде, откуда в изобилии вывозятся также мед, воск и скот. Выше уже приводилась характеристика, данная им Орловской провинции, отличающейся «великим довольством хлеба». Отмечая развитие сельского хозяйства в районах Саратова и Царицына (Волгоград), Кирилов пишет: «Напередь того при Царицыне и Саратове городах ничего в полях и степях сеять за опасением внезапных приходов (кочевников, — *М. Н.*) не смели, а ныне хлеб довольный родится, также огородные овощи, арбузы, дыни и прочее умножены» [1, кн. 2, стр. 30]. При описании земель по р. Тереку он указывает, что у проживающих там «гребенских казаков родится пшеница, ячмень и другой яровой, а ржи не сеют. Также имеют шелковые малые заводы, которых шелк добротойю против персидского ниже» [1, кн. 2, стр. 32]. Краткие сведения о состоянии сельского хозяйства приводятся автором также при описании Гурьева и Астрахани.

Описания природы, если не считать кратких характеристик местоположения городов, в произведении Кирилова отсутствуют. Исключение составляет описание земель по р. Тереку. «Между Шедрина и Червленого городков, — сообщает он, — по другую сторону речки Терека есть колодези нефтяные, однакожь на оных промыслу нефтяного не бывает. Подле тех колодезей горячий колодезь, в котором толь горяча вода, что сырое мясо варит; из сего колодезя в отводных ямах водою пользуются от болезней люди. Другой кислый колодезь, в котором вода весьма кисла; по обеим сторонам реки Терека лесу довольно мелкаго терновика, и на котором роятся ягоды наподобие фйг, шелковица и тальник» [1, кн. 2, стр. 31—32].

Много места в труде Кирилова отводится флоту, армии и нерегулярным войскам, хотя автор при этом ограничивается сообщением только статистических данных.

В разделах «О ямах, почтах и расстояниях между ними» приводятся сведения о почтовых трактах, соединявших большие губернские и провинциальные центры как с их периферией, так и с Петербургом и Москвой.

Описанию городов Сибири и Дальнего востока И. К. Кирилов предпослал краткий очерк под заглавием: «О Сибирском царстве», в котором изложил историю присоединения Сибири. При написании этого очерка он пользовался двумя источниками: «Степенной книгой»⁴ и «Летописью 7145 года».⁵ К очерку он присовокупил краткую генеалогию сибирских ханов, составленную на основе той же «Летописи 7145 года».

При описании сибирских острогов, особенно острогов и зимовий, расположенных в восточной части Сибири, сообщаются интересные сведения географического, этнографического и исторического характера, являвшиеся, по-видимому, особенно ценными в то время, когда к Сибири и в особенности к ее северо-восточной части было приковано всеобщее внимание, ибо там работала Первая Камчатская экспедиция и туда же была направлена экспедиция А. Шестакова. Приведем в качестве примера описание Удского острога. «Удский острог, — пишет Кирилов, — на реке Уде, от которого острога до моря два дня плаванья; тот острог от Охотского землю пустыми местами чрез горы на оленях 4 недели, а из Якутска имеется особливый путь конной чрез 9 недель; посылаются из Якутска: прикащик, толмач, целовальник, служилых людей человек по 30 и по 40, а жителей того острога было со 100, а ныне только 8 человек. Пища людская рыба сушеная. . . Около того острога кочует тунгусской народ, и которые близ рек живут, те питаются рыбою, а в лесу оленем зверем, а ясак платят собольми и лисицами, коих в своих угодьях ловят; лесов: листвен-

⁴ Книга, глаголемая новый летописец. Степень царя и великого князя Федора Иоанновича всея России. В ней же исперва немногие главы царя и великого князя Ивана Васильевича. Лен. гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей из библиотеки Ф. А. Толстого, F. IV. 213.

⁵ Летопись Саввы Есипова «О Сибири и сибирском взятии. 1636 г.» Сибирский вестник, СПб., 1824, ч. 1, стр. 119—174.

ницы, березнику, ельнику множество, и пашенным местам быть мочно, понеже в теплой стороне стоит» [1, кн. 2, стр. 99—100].

Кроме ценных сведений географического и исторического характера, описание сибирских городов и островов содержит в себе также и этнографический материал. Так, например, указав места кочевья якутов, Кирилов пишет, что якутов, «с луком служить могущих, более десяти тысяч набраться может». «Вера тех якутов, — говорит он дальше, — в почитании солнца, месяца и всей твари, и огня, и признают Бога; имеют же вместо попов шаманов, то есть волхвов, кои им отгадывают и в скорбях помогают, жен держат, сколько кто на своем пропитании содержать может. Пища скотом и зверем и рыбою, а хлеб не сеют» [1, кн. 2, стр. 92]. Подобного же рода сведения находим и о других кочевых народах: тунгусах, коряках, юкагирах, чукчах, остяках, калмыках, башкирах и т. д.

Описание Сибирской губернии завершается двумя небольшими очерками, носящими заглавие «Камчатка» и «О камчатском народе». В первом из этих очерков изложена краткая история открытия и присоединения Камчатки Морозкою Старицыным, Владимиром Атласовым, Осипом Мироновым и другими русскими служилыми людьми, во втором даны интересные подробности о жителях Камчатки, их быте, нравах, обычаях, занятиях и т. д.

В конце второй книги «Цветущего состояния Всероссийского государства» в виде приложения дан «Реестр губерниям, провинциям и городам» [1, кн. 2, стр. 164—167] и приложены так называемые «Генеральные ведомости» [1, кн. 2, стр. 108—202].

В «Реестре» перечислены губернские, провинциальные и уездные города в том порядке, как они описаны в сочинении Кирилова.

«Генеральные ведомости» представляют собой сводные таблицы цифровых данных по соответствующим разделам текста для всего государства в целом. Так, например, в таблице № 1 под заглавием «Краткая ведомость о состоянии губерний, провинций и городов» [1, кн. 2, стр. 108—133] приводятся сведения о строении и местоположении указанных в книге городов, о количестве епархий и церквей, монастырей, канцелярий и контор,

о количестве имеющихся в каждом городе или его уезде заводов и т. д.

В таблицах №№ 3 и 4 [1, кн. 2, стр. 156—182] приведены различные сведения по Военному ведомству: о числе драгунских и пехотных полков, о месте их нахождения, о численности каждого полка, о количестве имеющихся в них лошадей, о числе душ и о подушном окладе для каждого полка в отдельности, о расходах на армию и гарнизоны, об артиллерии полковой и гарнизонной, о количестве орудий (пушек, мортир и гаубиц) как в осадной артиллерии, так и в полевой артиллерии, а также о количестве штаб-, обер- и унтер-офицеров, рядовых и мастеровых.

В таблице № 5 «О флотах и адмиралтействах» [1, кн. 2, стр. 183—199] сообщаются сведения о морском корабельном и о галерном флоте, о количестве служащих в нем с подразделением по рангам, а также сведения о числе «служителей» по профессиям в «Санктпетербургском адмиралтействе», в госпиталях и других местах, о количестве «разных чинов служителей и мастеровых» на заводах Адмиралтейского ведомства, о военно-морских и ластовых судах, с указанием их наименований и т. д.

В самом конце приводится ведомость о количестве нерегулярных войск [1, кн. 2, стр. 199—202], в которой собраны сведения о десяти малороссийских полках, о пяти слободских, о чугуевских, донских, яицких, гребенских или терекских казаках, о четырех полках ландмилиции, о сибирских служилых людях, дворянах, детях боярских, казаках и т. д. с указанием общей численности этих войск.

Придавая известную законченность всему труду, перечисленные таблицы сообщали ему новизну и оригинальность, так как до Кирилова ни у нас, ни за границей в произведениях аналогичного характера такие таблицы не применялись.

Однако новизна предпринятого Кириловым дела и краткий срок (немногим больше года) написания труда отразились на полноте и точности приводимых им сведений. Ряд очень важных и существенных данных либо совершенно отсутствует в работе Кирилова, либо если и приводится, то частично и неполно, а иногда по устаревшим уже источникам.

И. К. Кирилов прекрасно понимал недостатки своего произведения и в предисловии к первой книге писал, что он ни в коем случае не может утверждать, что дал абсолютно полное и исчерпывающее описание всех губерний и провинций, так как ему пришлось довольствоваться лишь теми сведениями, которые удалось найти в Сенате и в других государственных учреждениях. Вследствие этого, по его словам, «в ином городе число купечества или церквей написано, а в другом, из которого еще ведомостей не прислано, тамо и безъизвестно оставлено, а особливо немногие города годами, в коих они строены, означены» [1, кн. 1, стр. II].

Для более полного и совершенного описания «состояния Всероссийского государства», по мнению Кирилова, следовало бы «собрать ведомости из губерний и городов о положении мест, городов, рек, купечества и всяких торгов, товаров, о состоянии и правительствах разных народов, о войсках, мирах, границах, портах» и т. д. [1, кн. 2, стр. II]. Иными словами, И. К. Кирилов считал необходимым сделать то, что сделали за несколько лет до него Петр I и через несколько лет после него В. Н. Татищев, т. е. разослать на места вопросы и добиться получения необходимых для описания государства сведений.

Несмотря, однако, на ряд отмеченных выше недостатков, труд И. К. Кирилова высоко ценился его современниками. Доказательством этого могут служить прежде всего награды, полученные Кириловым в 1727—1728 гг. Об этом же свидетельствуют и некоторые дошедшие до нас отзывы современников. Так, В. Н. Татищев, направляя в феврале 1739 г. в Академию наук оставшиеся после смерти Кирилова материалы и в том числе две книги «Описания русских городов», т. е. «Цветущее состояние Всероссийского государства», писал, что они «к географии русской могут довольно быть полезны» [27, т. 4, стр. 41].

Оставаясь в течение долгого времени ненапечатанным, труд Кирилова как ценный справочник продолжительное время имел, видимо, хождение в рукописи. По свидетельству И. И. Голикова, член Коллегии иностранных дел, действительный статский советник П. П. Курбатов собственноручно переписал эту объемистую рукопись [18, стр. 483, прим.]. Интересовался произведением

И. К. Кирилова и академик Х. Винсгейм, что подтверждает найденный в его бумагах и сделанный лично им частью на немецком, частью на русском языках, очень подробный (но доведенный только до «Сибирской губернии») конспект работы Кирилова.⁶ Сведениями из «Цветущего состояния Всероссийского государства» пользовались некоторые историки и экономисты XVIII в., в частности А. Л. Шлецер (60, стр. 219—226), И. И. Голиков [18, стр. 213, 350, 378, 484—494] и др.

До настоящего времени удалось обнаружить всего лишь три полных рукописных экземпляра «Цветущего состояния Всероссийского государства», причем каждый состоит из двух книг. В настоящее время один из этих экземпляров хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР, два других находятся в Ленинградском отделении Института истории: один в собрании Н. П. Лихачева, другой в собрании Воронцовых.

В 1951 г. в ЦГАДА С. И. Волковым [16, стр. 90—91] был обнаружен еще один рукописный экземпляр труда Кирилова, вернее только вторая книга, из которой изъяты разделы об управителях, канцеляриях и конторах, школах, купечестве, гарнизонах и числе душ в полках. Вместо этого добавлены «Краткое известие» и «Табель о Санкт-Петербурге» из первой книги. Рукопись подвергалась какой-то переработке и пополнялась новыми сведениями. Причем часть этих сведений, относящаяся к Башкирии и г. Самаре (Куйбышев), позволяет думать, что вносились они в рукопись кем-либо из участников Оренбургской экспедиции и, может быть, по указанию самого автора.

Труд И. К. Кирилова впервые был опубликован М. П. Погодиным лишь в 1831 г., т. е. почти через 100 лет после смерти автора, под заглавием «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая».

В предисловии к изданию Погодин выразил сожаление, что при опубликовании труда И. К. Кирилова он

⁶ Архив Академии наук СССР (в дальнейшем — Арх. АН СССР), р. I, оп. 24, № 3, 23 л.

не имел в распоряжении его подлинника, «истлевающего в каком-нибудь архиве», и должен был ограничиться не совсем исправной копией, что отразилось на качестве издания.

Действительно, погодинское издание имеет большие недостатки. Книга выпущена с большим количеством опечаток, ошибок и пропусков в тексте. В частности, в ней отсутствует раздел «О доходах», которым завершается описание отдельных губерний, провинций и городов в рукописных экземплярах. Кроме того, даже при поверхностной сверке рукописи с печатным изданием, в последнем можно обнаружить много искажений и неточностей. Отсутствие алфавитного указателя и пояснительных комментариев очень затрудняет пользование книгой.

Ряд недочетов книги был отмечен в рецензии, появившейся в № 12 «Московского телеграфа» за 1831 г. Но наряду со справедливыми нареканиями в рецензии были сделаны и незаслуженные выпады по адресу издателя. Несмотря на все недочеты, погодинское издание «Цветущего состояния Всероссийского государства» было и остается первым и единственным печатным изданием, и заслуга М. П. Погодина заключается в том, что он первый позаботился о сохранении для будущих поколений этого ценного источника для изучения петровской эпохи.

Следует сказать в заключение, что ни один из рукописных экземпляров не имеет заглавия «Цветущее состояние Всероссийского государства. . .», которое носит труд И. К. Кирилова в издании М. П. Погодина. Вместо этого каждая рукописная книга начинается кратким перечнем содержания, помещенным в печатном издании сразу же после заголовка: «Книга первая, в которой описаны губернии и провинции, в них города, гарнизоны. . .» и т. д. Причем ни в одном из рукописных экземпляров не имеется абсолютно никаких указаний на то, что автором этого труда является И. К. Кирилов. Указано только, что данная книга «собрана в Высоком Сенате» и «совершена 1727 февраля (число пропущено, — М. Н.) дня».

В предисловии к книге М. П. Погодин указал, что рукопись этого произведения была получена им от В. Н. Каразина. Последний же нашел ее в библиотеке И. И. Голикова, на внучке которого он был женат. Что же касается И. И. Голикова, то в «Дополнении к деяниям

Петра Великого» имеется исчерпывающее указание на то, каким образом попала к нему эта рукопись.

«Сей достойный и трудолюбивый муж, — пишет в примечании Голиков об И. К. Кирилове, — оставил по себе рукопись под названием „Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец Всероссийский и пр., и пр., и пр.“, сочиненную им в 1726 г. и оконченную в 1727 г. С сей рукописи точный список оставил по себе же таковой же усерднейший проия нашего (Петра I, — *М. Н.*) почитатель, достопочтенный действительный статский советник Петр Петрович Курбатов, его рукою писанный, а мне доставил оный достойный сын его Александр Петрович Курбатов» [18, стр. 483]. По свидетельству В. Н. Каразина, «список» Курбатова был переписан в 1738 г. «с сенатского манускрипта» [26, стр. 23].

Это примечание, сделанное И. И. Голиковым к имени И. К. Кирилова, является единственным, а поэтому ценнейшим свидетельством об авторстве И. К. Кирилова. Что же касается заглавия, то остается только предположить, что либо его придумал И. И. Голиков, либо оно было на том рукописном экземпляре, который был преподнесен Кириловым Сенату и обнаружить который до сих пор не удалось.

Наличие в «Цветущем состоянии Всероссийского государства» таких элементов, как заранее разработанный план, систематизация сгруппированных по определенным признакам материалов, наконец, введение нового, до того времени никогда не употреблявшегося в подобного рода работах методологического приема — табличной формы изложения цифровых данных — все это дает основание считать его выдающимся, оригинальным произведением своего времени.

На основании собранных материалов И. К. Кирилов сумел составить такое описание Русского государства, которое в смысле богатства сведений и широты круга охваченных вопросов не имело в то время себе равного. «Не только в то время, но и значительно позже, — пишет М. В. Птуха, — нигде не существовало такого детального и обстоятельного описания страны. Кирилов на основании первоисточников охарактеризовал государственное устройство и управление, учреждения и их состав, насе-

ление, промышленность, торговлю, транспорт, почту, военные силы, народное просвещение, медицину, благотворительность и религиозные учреждения, города, строения, губернии, провинции и уезды и, наконец, свел данные для всей страны» [38, стр. 114].

В течение более 200 лет «Цветущее состояние Всероссийского государства» служило неизменным источником, из которого черпали сведения ученые, занимавшиеся разработкой и исследованием вопросов экономики, истории и географии петровского времени. И до настоящего времени труд И. К. Кирилова не утратил своего значения ценного исторического источника, к нему продолжают прибегать и на него ссылаются современные экономисты, географы и историки, изучающие эпоху Петра I.

И. К. КИРИЛОВ И ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ГЕОДЕЗИСТЫ

Большие внешнеполитические успехи и значительные экономические достижения, которыми ознаменовалась первая четверть XVIII в. в истории России, обусловили необходимость проведения крупной реформы в области русской картографии.

Замечательные для своего времени оригинальные русские карты-чертежи, созданные допетровской картографией, и, в частности «Большой чертеж» (1570 г.), равно как и появившиеся позднее «Чертеж всей Сибири» (1698 г.) и «Чертежная книга Сибири» (1701 г.) С. У. Ремезова, составленные на основании приблизительных измерений и расспросов, не имевшие научно-математической основы, ни в какой мере не могли претендовать на точность. Не обладали этим качеством и иностранные карты того времени, изображавшие Россию в целом или отдельные ее области.

Мероприятия, предпринятые Петром I в связи с проведением реформы картографического дела, явились исходным пунктом для развития научных методов в русской картографии. На первых порах при изготовлении географических карт, а также планов городов и крепостей пришлось прибегнуть к помощи иностранных специалистов. Однако очень скоро русские граверы, геодезисты и картографы, сочетая знания, полученные ими от учителей-иностранцев, с богатым опытом и лучшими традициями старой русской картографии — детальностью изображения и разносторонностью сведений, достигли блестящих успехов в области картографии, которые позволили России в короткий срок занять достойное место в ряду передовых в картографическом отношении стран.

Поскольку в первую очередь картографированию подвергались районы, так или иначе связанные с проведе-

нием морских военных операций, то и первые инструментальные съемки России носили по преимуществу гидрографический характер.

Что же касается топографических съемок, то до 1720 г. они производились редко и носили случайный характер, хотя потребность в точных географических картах как всей страны в целом, так и отдельных ее частей, становилась все острее по мере того, как росли и развивались производительные силы страны, усиливался процесс создания единого всероссийского рынка, расширялся внешний и внутренний товарооборот, развивалась и крепла отечественная промышленность.

Сподвижник Петра I Я. В. Брюс, по свидетельству В. Н. Татищева, указывал царю на вред, который причиняет государству отсутствие точных географических карт [51, стр. 88]. У того же В. Н. Татищева имеется упоминание о сделанном Я. В. Брюсом в 1715 г. Петру I представлении о пользе географии для государства [50, стр. 213]. К этому же году относится приказ Петра I генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину: «. . . некоторое число людей выбрав, таким образом в географических действиях обучить велеть, чтоб в каждую провинцию по два человека для снимания оной отправлены быть могли, дабы из сочиненных ими партикулярных карт после сделать генеральную карту» [8, стр. 2]. Выполняя это распоряжение, Ф. М. Апраксин возложил задачу подготовки соответствующего количества геодезистов на находившиеся в его ведении морские учебные заведения: Московскую математико- навигацкую школу и Морскую академию.

Из стен этих двух учебных заведений вышло подавляющее большинство тех геодезистов, которые с помощью новейших для того времени инструментов и математических расчетов впервые измерили и положили на карты более половины территории Европейской России и значительную часть Сибири.

Московская математико- навигацкая школа, основанная указом Петра I от 14 января 1701 г., в первый период своего существования (до 1715 г.) подразделялась на Математическую и Навигацкую.

Математическая школа находилась в ведении русского учителя Л. Ф. Магницкого. Ученики этой школы обучались арифметике, геометрии и прямолинейной тригонометрии.

В Навигацкой школе, возглавляемой профессором математики и астрономии А. Д. Фарварсоном, ученики проходили: «навигацию плоскую» (кораблевождение при незначительных расстояниях плавания), «навигацию меркаторскую» (кораблевождение при помощи морских карт), «диурналы» (составление корабельного и других журналов), «сферику» (сферическую тригонометрию), практическую астрономию, «географию» (начала математической географии), «навигацию круглую» (кораблевождение по дуге большого круга) и «рапирную науку», т. е. фехтование [46, стр. 152].

Геодезию как специальный предмет в школе не изучали, но в процессе обучения ученики приобретали в области математики и астрономии знания, достаточные для того, чтобы производить всевозможные расчеты и вычисления, связанные с определением географических координат местности. Теоретические знания, полученные в школе, закреплялись на практике. Так, например, известно, что ученики Математико-навигацкой школы принимали участие в прокладке дороги от Москвы до Петербурга. Работы производились под руководством профессора А. Д. Фарварсона.

Морская академия, организованная в 1715 г., должна была готовить специалистов для увеличившегося после Гангутской победы Военно-морского флота. Кроме наук, которые преподавались в Математико-навигацкой школе, в программу Морской академии был введен ряд новых, преимущественно военных дисциплин и в качестве совершенно самостоятельного предмета изучалась геодезия, в связи с чем был создан особый класс из 30 геодезистов под руководством профессора А. Д. Фарварсона.

Выпущенные из Математико-навигацкой школы и из Морской академии геодезисты и геодезии ученики поступали в распоряжение Адмиралтейской коллегии. Здесь их снабжали необходимыми инструментами, чертежными принадлежностями и направляли на работу как по заданиям самой Адмиралтейской коллегии, так и по требованию других учреждений и в том числе Сената. Окончив порученные им работы, геодезисты вновь возвращались в распоряжение Адмиралтейской коллегии.

Приступить к планомерному осуществлению своей давнишней мысли о проведении топографических съемок по всей территории страны и о составлении генеральной

карты России Петр I смог только в 1720 г. Толчком, ускорившим проведение в жизнь этого мероприятия, послужила административная реформа 1718—1719 гг. Успешная деятельность вновь учрежденных «коллегиумов» была немислима без знания географии, без географических карт, отображающих страну как в целом, так и в отдельных частях. В Генеральном регламенте, опубликованном 28 февраля 1720 г., была включена специальная глава «О ландкартах или чертежах государевых», в которой предписывалось «каждому коллегиуму для сведений и известий о состоянии государства и о принадлежащих к оному провинциях» иметь «генеральные и партикулярные ландкарты (или чертежи), которые по времени (через некоторое время, — *М. Н.*) изготовлены быть имеют» и в которых должны быть описаны «все границы, реки, города, местечки, церкви, деревни, леса и прочее».¹

9 декабря того же 1720 г. появился указ Петра I, гласивший: «Учеников, которые в Санктпетербургской академии геодезию и географию обучили (изучили, — *М. Н.*), тех послать в губернии для сочинения ландкарт, а жалованья оным давать тех губерний из доходов, против других их братья, по 6 рублей человеку на месяц».² 22 декабря последовал новый указ, предписывавший губернаторам и воеводам предоставлять геодезистам для разъездов подводы и строго следить за тем, чтобы они «без дела не были и даром жалованья не брали», а, закончив составление карт, немедленно присылали бы их в Сенат и в Камер-коллегию.³

В соответствии с этим указом из Морской академии были посланы 12 геодезистов в следующие губернии: в Московскую — Семен Игнатьев и Тихон Лодыженский, в Киевскую — Иван Хрущов и Борис Батурин, в Нижегородскую — Иван Шехонский и Степан Орликов, в Рижскую — Федор Кучин и Василий Яковлев, в Архангельскую — Аким Герасимов и Яков Филисов, в Казанскую — Исая Крапивин и Степан Кучин. Кроме того, еще до издания этого указа на съемочно-картографические работы было направлено 15 геодезистов. Федор Молчанов был послан в 1717 г. в Сибирь для сочинения планов го-

¹ Полный свод законов (в дальнейшем — ПСЗ), т. VI, № 3534.

² Там же, № 3682.

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1201, л. 4.

родов Тобольска, Иркутска и Нерчинска. В 1719 г. на Камчатку и Курильские острова были отправлены Федор Лужин и Иван Евреинов, а Иван Захаров и Петр Чичагов сопровождали в походе на оз. Зайсан майора И. М. Лихарева. В это же время в Воронежской провинции работали Корней Бородавкин и Никита Сумароков, в Астрахани — Игнатий Чичерин, Аверьян Толубеев, Андрей Сипягин и Григорий Макаров. В октябре 1720 г. для составления карт Можайского, Верейского, Боровского и Вяземского уездов были направлены геодезии ученики Василий Леушинский и Михаил Юсупов и др.

В последующие годы число геодезистов постепенно увеличивалось. В 1723 г. геодезии подмастер Аким Клепшин и геодезии ученик Алексей Жихманов, работавшие с 1722 г. на разграничении земель между Россией и Швецией, были направлены для описания и составления карт в С.-Петербургскую губернию. В следующем году геодезистам Ивану Елагину, Михаилу Пестрикову, Дмитрию Мордвинову и Ивану Ханыкову было поручено описание Ингрии. В том же 1724 г. в Сибирь были отправлены геодезист Петр Скобельцын и геодезии ученики Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков и Василий Шетиллов. В это же время геодезист Яков Есенев производил описание малороссийских полков и в 1725 г. представил карты занимаемой ими территории. Кроме того, многие геодезисты принимали участие в описании и составлении карт заповедных лесов.

При производстве полевых съемочных работ и при составлении карт геодезисты должны были руководствоваться краткой инструкцией 1721 г. [23, стр. 427—428], составленной, по словам И.-Н. Делиля, профессором Морской академии А. Д. Фарварсоном.⁴

В соответствии с этой инструкцией, приступая к съемке того или иного уезда, геодезисты должны были, определив широту уездного города, идти по дорогам, идущим от города к границам уезда, измеряя расстояние между населенными пунктами и определяя широты мест пересечения этих дорог с уездной межою. Расстояния измерялись железной «мерительной» цепью длиной в 30 сажен, а для

⁴ Арх. АН СССР, р. I, оп. 35, № 16, л. 58 (Lit. S.).

определения горизонтальных углов и направлений пользовались астролябией.

Определение широты производилось по меридианным высотам светил, главным образом Солнца, с помощью квадранта. Астрономические определения долгот ввиду сложности и отсутствия соответствующих инструментов не производились. Разность долгот определялась с помощью правил так называемого «мореходного счисления», т. е. по пройденному расстоянию и разности широт исходной и конечной точек.

Данные, полученные в результате измерения расстояний и румбов, заносились в полевые журналы. На основании журнальных записей вычислялись координаты населенных пунктов и составлялись каталоги этих пунктов с обозначением их широты и долготы.

При составлении градусной сетки геодезисты должны были «писать градусы по широте те, которые усмотрены будут по квадранту, а по долготе от Канарских островов, как в старых ландкартах и каталогах написано, и от экватора к полю (полюсу, — *М. Н.*) по долготе градусы убавлять по препорции», которая была им показана в Морской академии.

Наконец, в инструкции перечислялись географические объекты, которые надлежало вносить в составленные геодезистами географические карты: города, села, деревни «и реки, откуда которая вытекла и в которую реку впадала, также и озера, и из них реки, и леса, и поля».⁵

В соответствии с указом от 22 декабря 1720 г. геодезисты должны были представлять готовые ландкарты в Сенат, где они поступали в ведение И. К. Кирилова. Впоследствии хорошо известный своим современникам как большой любитель географических наук вообще и картографии в частности, Кирилов начал проявлять интерес к географическим картам уже с первых лет своего пребывания на службе в сенатской канцелярии, где он,

⁵ Более подробно о производившихся геодезистами съемочных работах см.: О. А. Евтеев. Первые русские геодезисты и их работы по созданию генеральной карты России. Автореферат. М., 1953; Т. Н. Мельникова. О математической основе русских карт XVIII века. Географический сборник, вып. III, М.—Л., 1954, стр. 119—122; Ф. А. Шибанов. Русская полевая астрономия в XVIII в. Ученые записки Лен. гос. унив., № 226, сер. геогр. наук, вып. 13, 1958, стр. 3—20; С. Е. Фель. Картография России XVIII века. М., 1960, стр. 81—103.

по его словам, «прилежно наблюдал» все получаемые ландкарты. Этот интерес к картографии в особенности возрос у него с 1720 г., когда Петр I «указал разослать во все губернии и провинции нарочных для описания геодезистов» [6, стр. 708]. По-видимому, это обстоятельство и было причиной того, что именно ему было доверено в Сенате это новое и важное дело, связанное с картографированием страны. Вначале его роль сводилась к простому собиранию, регистрированию и хранению карт. Но мало-помалу, проявляя инициативу и горячий интерес к делу, он сосредоточил в своих руках руководство геодезистами и их работами по картографированию страны. Он наблюдал за ходом съемок и за правильностью составления и своевременной присылкой карт, вел учет заснятых территорий и снабжал геодезистов инструкциями.

Одним из первых мероприятий такого рода было составление Кириловым в 1723 г. инструкции под заглавием: «Реэстр, что при сочинении в пополнку описывать и примечать надлежит, то, чего в присланных картах не находится».⁶ Необходимость в этой инструкции была вызвана тем, что присланные в Сенат геодезистами первые карты были признаны неудовлетворительными. Основным недостатком их была бедность содержания. Поэтому в новой инструкции предлагалось значительно расширить номенклатуру географических объектов и обозначать на картах также проезжие большие и проселочные дороги, горы, степи, болота, крепости, валы, засеки, мельницы, каналы, шлюзы и т. д. Сверх того, подчеркивалась необходимость наносить на карты отдельных уездов «порубежные» части соседних уездов, чтобы можно было «генеральную карту без помешания учинить», и прилагать к картам «по алфавиту каталоги обретающимся в ландкарте городам, пригородам, селам и деревням» и т. д. «для скорого ведения и прииску».

Кроме этих двух инструкций 1721 и 1723 гг., многие геодезисты пользовались еще руководством, составленным геодезистом Клепшным в 1723 г. и содержащим несколько более подробные указания по съемочным работам и составлению карт [23, стр. 430—432].

⁶ Черновик этой инструкции, написанный и исправленный рукой И. К. Кирилова, хранится в ЦГАДА (ф. Сената, кн. 1201, л. 52).

На первых порах неблагополучно обстояло дело не только с качеством карт, но и с темпами съемочных работ, которые вопреки ожиданиям развивались очень медленно, к тому же и карты от геодезистов поступали с большими задержками. В связи с этим Сенат был вынужден 31 июля 1723 г. разослать во все губернии указ с требованием о немедленной высылке изготовленных уже ландкарт.⁷ Однако через год положение не улучшилось, поэтому 23 декабря 1724 г. вновь был послан в губернии и провинции указ со строгим предписанием местным властям немедленно выслать в Сенат геодезистов с изготовленными картами, а тех, «которые ландкарт еще не сделали или и сделали, а не всех уездов», побудить к скорейшему окончанию работы, прекратив выдачу им жалованья и оставив «только для пропитания солдатский корм».⁸

Причины несвоевременного поступления ландкарт, как это видно из доношений с мест, были самые разнообразные. Одни геодезисты писали, что не представили карт потому, что «были в низовом походе»,⁹ другие, что «высоту солнцу по уездным межам по квадранту за ненастными днями снимать нельзя было»,¹⁰ третьи ссылались на неимение александрийской бумаги, красок и китайских чернил и т. д.

Строгие меры, принятые Сенатом, возымели свое действие. Работа геодезистов значительно оживилась, и некоторые из них, закончив описание назначенных им уездов, представили готовые ландкарты в Сенат и просили «о выдаче заслуженного жалованья и о определении своем к описанию достальных уездов».¹¹

В 1728 г. в связи с недостатком денежных средств в Сенате был поднят вопрос о целесообразности продолжения работ по картографированию всей территории государства. Решение этого вопроса во многом зависело от Кирилова, от того, как он сумеет изложить в своем докладе положение дела с генеральным картографированием страны, насколько убедительные доводы приведет в пользу продолжения этих работ. И если Сенат пришел к выводу о необходимости довести работы до конца, то

⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1201, л. 50.

⁸ Там же, л. 182 об.

⁹ Там же, лл. 176—181.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 277.

в этом должна быть немалая заслуга Кирилова. Сенаторы признали, что «ландкарты к знанию и ведению в губерниях и провинциях и городах потребны, и ежели достальных городов и уездов описанием (геодезисты, — М. Н.) не окончат, то прежде сделанных ландкарт в общие губернии сводить, а наипаче с них государственной (карты, — М. Н.) сочинять не мочно, а затем прежде положенной геодезистской труд и даванное им жалованье и потом бывшие из казны расходы останутца напрасно».¹²

В соответствии с этим решением 2 августа 1728 г. был издан указ о продолжении съемочно-картографических работ и о новом распределении геодезистов по губерниям и провинциям. Указ этот был составлен И. К. Кириловым. Одновременно с перечнем геодезистов и их назначениями указ содержал методические установки, касавшиеся составления карт. Так, в пункте 11 указа геодезистам было дано предписание: «Присылать в Сенат составленные ландкарты, не дожидаясь окончания карт остальных уездов, и располагать оные на одном листу, дабы годились в перешлет одной книги». В качестве образца геодезистам была разослана составленная Клешнинным и напечатанная Кириловым карта Кексгольмского уезда¹³ размером 50×60 см.

Придавая большое значение возможно более полному отображению в географических картах и в полевых журналах характерных особенностей изображаемой территории, И. К. Кирилов внес в указ пункт 10, в соответствии с которым геодезистам, работавшим в Сибири, предлагалось при составлении карт «не токмо жильё русских, но и кочевье тамошнего народа назначивать и журналы иметь и из них экстракты к ландкартам прилагать, какие где народы и каких вер, и чем питаются, и какой где хлеб родится или не родится, и о прочем, что прилично к географическому описанию».¹⁴

Спустя два года в инструкции, данной геодезистам М. Сметьеву и А. Жихманову 25 июля 1731 г., Кирилов вновь подтвердил настоятельную необходимость снабжать карты краткими описаниями экономико-географических особенностей местности. Он рекомендовал геодезистам описывать города, пригороды, села и деревни,

¹² ПСЗ, т. VIII, № 5320.

¹³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1204, л. 433.

¹⁴ ПСЗ, т. VIII, № 5320.

«в коих есть торги и ярмарки», указывая, какого строения, каменного, деревянного или земляного, описываемый город, какие торги, промыслы или заводы в нем имеются и т. д., «ибо, — говорилось в инструкции, — хотя в ландкартах означаются города, слободы, села и деревни, однако ж без описания не известно, что есть в них знатное и к ведению достойное» [23, стр. 435].

Такого же рода инструкция была дана геодезистам Ф. Ежевскому и Ф. Воробьеву, которые были направлены 23 июля 1731 г. для описания и составления карты местности, лежащей по берегам Москвы-реки до ее впадения в Оку [23, стр. 434].

Следует упомянуть еще указ, данный в июле 1733 г. геодезистам М. Сметьеву и А. Жихманову, в котором Кирилов подчеркнул важность и необходимость ведения полевых журналов, содержащих подробную запись всего хода съемочных работ, «ибо без таких журналов, — писал он, — никаких карт освидетельствовать нельзя».¹⁵

И. К. Кирилов строго следил за выполнением своих указаний и инструкций. Так, обнаружив в феврале 1729 г., что некоторые постановления Сената не доведены до сведения лиц и учреждений, которым они были адресованы, Кирилов приказывает канцеляристу Степану Маслову послать указы в Ревель и Ригу о присылке эстляндской ландкарты и ландкарт «островов Эзеля и Дагдана (Даго, — *М. Н.*), буде есть», и в Белозерскую провинцию о присылке ландкарты этой провинции, «так как геодезист Клешнин 7 февраля 1728 г. доносил, что уже в 1726 г. оная провинция описана», а карта и «поныне не прислана».¹⁶ Когда при составлении карты Чарондского уезда геодезист Клешнин отступил от установленного размера, Кирилов распорядился: «К подмастерью Клешнину подтвердить указом, чтоб ландкарты сочинял и в Сенат присылал мерою одного листа, дабы годилось в переплет книжной, а масштаб, какой вместитца может, смотря обширности уезда».¹⁷ Карты Московской провинции С. Игнатьева и Ф. Лодыженского, признанные Кириловым неудовлетворительными [44, стр. 81], дважды переделывались: сначала теми же гео-

¹⁵ ЦГАДА, ф. Госархив, р. XVII, д. 55, л. 9—9 об.

¹⁶ Там же, лл. 281—282.

¹⁷ Там же, ф. Сената, кн. 1201, л. 433.

дезистами, а затем геодезистом Я. Есеневым, который не только переделал карты, но и заново произвел съемочные работы [58, стр. 70].

Работа Кирилова по руководству геодезистами в сильной степени осложнялась отдаленностью районов, в которых производились съемки, и тем, что геодезисты одновременно находились в подчинении нескольких учреждений: Адмиралтейской коллегии, Сената и губернских и провинциальных канцелярий. Нередко это служило причиной досадных недоразумений. Так, Сенату приходилось порой разыскивать работавших по его заданию геодезистов, от которых в течение долгого времени не было никаких известий. Причем в результате розысков иногда оказывалось, что геодезисты не только не работают в тех местах, куда они были посланы, но даже и не появлялись там. Так было, например, с описанием Архангелогородской губернии. Геодезист Яков Филисов, посланный в 1727 г. по распоряжению Сената из Адмиралтейской коллегии в Академию наук для того, чтобы сопровождать профессора Де-ла-Кройера в его поездке в Архангелогородскую губернию и под его руководством производить ее описание, вместо этого без уведомления об этом Сената был оставлен при Академии наук и в течение двух лет работал над копированием карт для Де-лиля [27, т. 1, стр. 630—631; 44, стр. 88—89].

Число геодезистов, занятых на работах по генеральному картографированию страны, постепенно возрастало. Так как после перераспределения геодезистов, произведенного в соответствии с указом от 2 августа 1728 г., оставалось все еще большое количество провинций и уездов, не охваченных съемками, то в последующие годы были предприняты новые посылки геодезистов и значительное пополнение их рядов новыми силами. В 1732 г. по официальной ведомости Адмиралтейской коллегии, поданной в Сенат 24 января 1732 г., «в рассылке» по требованию Сената «для учинения генеральных ландкарт и для описи лесов в губерниях и провинциях и в прочих местах» числилось 111 геодезистов.¹⁸

По мере развертывания съемочно-картографических работ и увеличения числа геодезистов все острее становился недостаток в инструментах. Характерно, что

¹⁸ Там же, кн. 664, лл. 176—177.

из десяти геодезистов, находившихся при Сенате, только у двоих инструменты оказались в полном комплекте и исправности. Попытки Кирилова получить инструменты из Адмиралтейской коллегии не увенчались успехом. Тогда со свойственной ему энергией он поднял вопрос о необходимости организации производства измерительных инструментов, и с его помощью и при его деятельном участии в инструментальных мастерских Академии наук впервые было начато изготовление русских теодолитов с надлежащими к ним инструментами [27, т. 2, стр. 61, 65—66].

Проведение геодезистами съёмочно-картографических работ было сопряжено с большими трудностями, обусловленными как новизной самого дела, так и огромными размерами подлежавшей измерению территории. Неблагоприятно сказывались на работе геодезистов и те материальные лишения, которые им приходилось испытывать в связи с большими задержками в выплате жалованья. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные челобитные геодезистов с просьбами о выдаче «заслуженного жалованья», не получаемого в течение долгого времени. Правда, в некоторых случаях геодезисты не получали денег по собственной вине, так как «сидели на солдацком корму» за непредставление в срок ландкарт описываемых ими губерний. Но очень часто жалованье не выплачивалось из-за отсутствия денежных средств у местной администрации, а иногда просто вследствие ее нерадивого и небрежного отношения к геодезистам и их нуждам.

Представляя ходатайства и жалобы геодезистов в Сенат, И. К. Кирилов старался добиться благоприятных для них решений по ряду вопросов, касающихся не только выплаты жалованья, но и предоставления отпусков, награждения чинами, повышения окладов и т. д.

Кроме материальных лишений, геодезистам приходилось испытывать и много других невзгод и затруднений, для преодоления которых иногда требовались героические усилия. Однако, несмотря на все эти трудности, они довольно успешно справились с поставленной перед ними задачей и с 1717 по 1744 г. засняли все 26 уездов Сибири и 164 из 265 уездов Европейской России [53, стр. 96—97]. В Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР сохранилось более 100 рукописных карт,

носящих имена своих составителей — геодезистов первой половины XVIII в. Общей характерной чертой этих карт является метод построения их на математической основе, обеспеченной инструментальными съемками. Все карты, за редким исключением, имеют географическую сетку и масштабы, опорные широтные астрономические пункты, рельеф, речную сеть, административные границы и т. д.

Метод счисления, которым, как указывалось выше, определялись долготы, не отличается точностью. Однако применение его, равно как и применение метода широкого использования сведений, полученных в результате опроса местных жителей, не помешало опытным и квалифицированным геодезистам составлять карты, по своей точности вполне удовлетворявшие требованиям картографической науки того времени. К числу таких карт в первую очередь следует отнести карты геодезистов А. Ф. Клешина, П. Чичагова, М. Сметьева, М. Пестрикова и некоторых других.

Но одновременно с опытными и знающими специалистами-съемщиками в работах по картографированию страны принимали участие и малоопытные геодезисты, и «недоученые ученики», которые, по словам профессора А. Д. Фарварсона, «не дале навигации обучались» и сначала «для некоторых малых дел посланы были от Морской академии», а затем для производства съемочно-картографических работ были взяты в Сенат, «понеже тогда обстоятельство времени так требовало» [27, т. 3, стр. 739]. Это сказалось на качестве поступающих в Сенат карт. Наряду с картами вполне доброкачественными присылались карты с некоторыми погрешностями, а иногда и просто негодные к употреблению.

Общим недостатком карт первых геодезистов является отсутствие единообразия в их содержании и оформлении. Несмотря на данное в инструкции 1721 г. указание «писать градусы. . . по долготе от Канарских островов», в картах можно встретить самые разнообразные исходные меридианы; в одних картах меридианы исчисляются от о. Ферро, в других от о. Даго (Хиума), в третьих от различных городов: Воронежа, Тобольска, Иркутска и т. д. — и, наконец, в четвертых, долготы отсчитываются от условного меридиана, взятого от самого крайнего западного населенного пункта того или иного уезда. Такое же разнообразие наблюдается и в масштабах карт,

и в условных обозначениях. Кроме того, в картах некоторых геодезистов встречаются нередко такие недостатки, как неверное ориентирование, погрешности в построении географической сетки, во взаимном расположении пунктов, нечеткость в окантурировании границ уездов и провинций, бедность географического содержания и т. д.

Съемочно-картографические работы первых русских геодезистов, особенно после смерти И. К. Кирилова, подверглись критике со стороны И.-Н. Делиля, В. Н. Татищева, А. Д. Фарварсона, Г.-Ф. Миллера и других его современников. Как на основные причины плохого качества работ геодезистов Делиль и Татищев указывали, с одной стороны, на недостаточность знаний у геодезистов в области астрономических наблюдений и расчетов, а с другой стороны, на отсутствие подробных инструкций и квалифицированного руководства со стороны Кирилова. Не отрицая того, что в работе Кирилова по руководству съемочно-картографическими работами и геодезистами было много недостатков, обусловленных как новизной самого дела, так и рядом других объективных причин и в том числе указанных выше, следует все же не забывать его больших заслуг в деле развития русской научной картографии и прежде всего того, что он сумел обеспечить возможность непрерывного и систематического проведения съемочно-картографических работ и собрать большой картографический материал, послуживший основой для создания таких выдающихся для своего времени картографических произведений, как Генеральная карта и Атлас Всероссийской империи самого Кирилова и Генеральная карта и Атлас российской, выпущенные Академией наук в 1745 г.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА И АТЛАС ВСЕРОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Осуществляя общее руководство геодезистами и их работами, И. К. Кирилов поставил своей задачей не только закончить съемочно-картографические работы, предпринятые Петром I, но и составить Атлас и Генеральную карту Российской империи.

Впервые как картограф Кирилов проявил себя в 1724 г. Произошло это, по его словам, при следующих обстоятельствах. Петр I, присутствуя в Сенате в декабре 1724 г., потребовал «ландкарты Сибирским землям», но так как карты Сибири в Сенате не нашлось, то Кирилов предложил царю взамен китайские карты, напечатанные в Пекине. При этом он напомнил о карте Камчатки, составленной геодезистом Иваном Евреиновым. Тогда Петр I приказал Кирилову, «соединя камчатскую и китайские карты, на один лист положить». Выполняя приказание, И. К. Кирилов «через одну ночь своеручно нарисовал» карту и передал ее царю. Позднее Кирилов видел свою карту в Москве у Я. В. Брюса, которому она была передана Петром I «для скопирования» [2, стр. 35].

К началу 1726 г. в Сенате скопилось значительное количество географических карт, составленных геодезистами, участниками генеральной съемки территории России. И. К. Кирилов, как любитель картографии и как человек деловой, заботившийся об извлечении практической пользы из осуществляемых им мероприятий, видя, что Сенат не собирается приступать к изданию этих карт, решил предпринять гравирование и печатание их за свой счет.

5 июня 1726 г. Кирилов преподнес Екатерине I две печатные карты: карту разграничения земель между Россией и Швецией, составленную А. Ф. Клепшиным,

гравированную П. Пикартом,¹ напечатанную по заказу Сената в 1724 г., и карту Выборгского уезда, составленную тем же геодезистом Клешниным, «вырезанную на меди» гравером Алексеем Ростовцевым² и напечатанную его, Кирилова, «тщанием и иждивением». Постановлением Сената от 29 ноября 1726 г. Кирилову было разрешено «те Выборгского уезду карты охочим людем продавать, . . а какую ценою оные в продаже у него будут, о том взять у него в Высокий Сенат письменное известие».³

В следующем, 1727 г. Кирилов выпустил карту Ингерманландии, а вслед за ней карты уездов Кексгольмского (1727 г.), Шлиссельбургского (1727 г.), Олонецкого (1728 г.), Каргопольского (1730 г.), составленные Клешниным, и др.

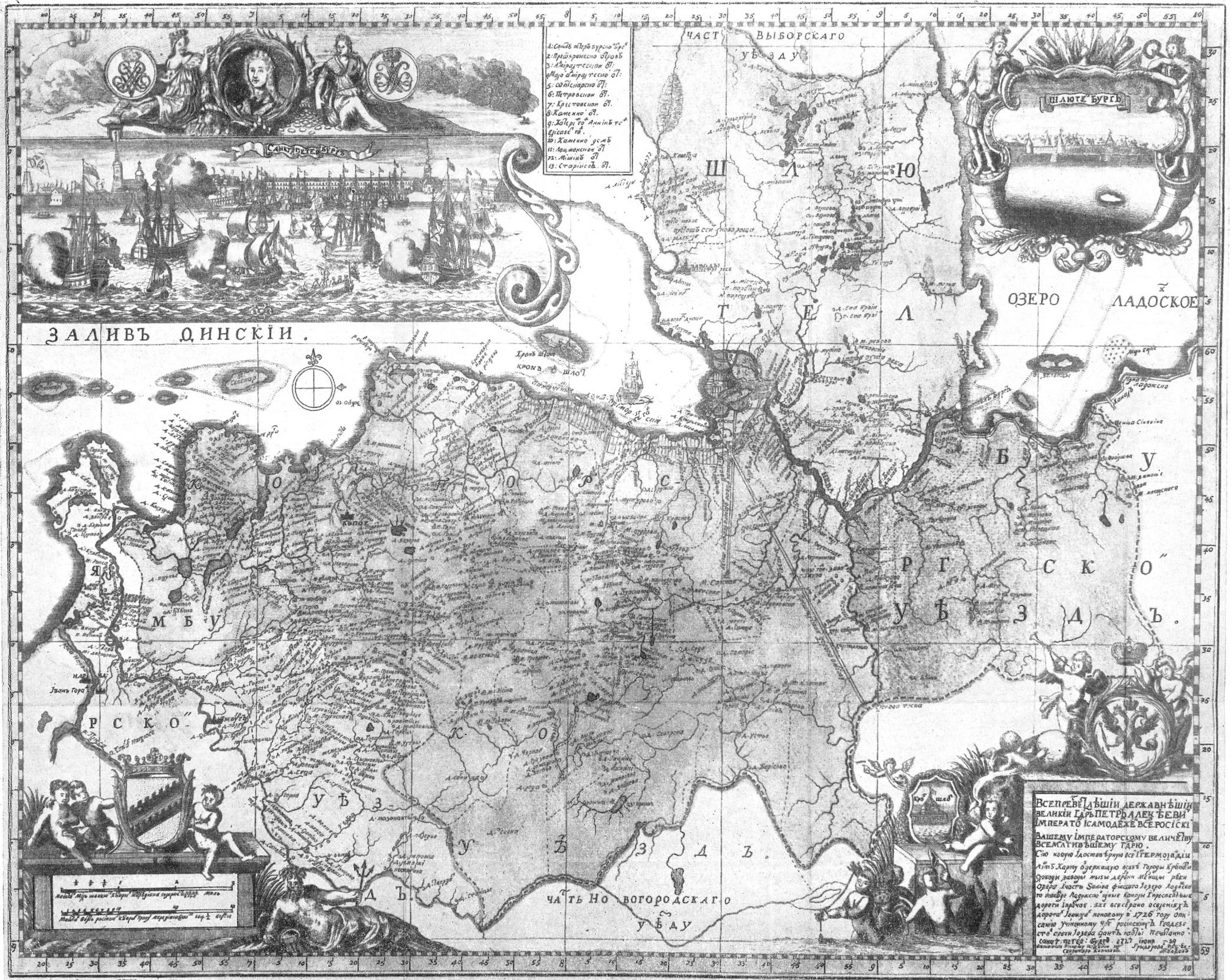
Мысль об издании «Атласа Всероссийской империи» появилась у Кирилова, по-видимому, одновременно с подготовкой к печати первых карт. Правда, первоначально он предполагал, что напечатанные карты войдут в Атлас, издание которого было поручено Академии наук. В посвящении, сделанном на карте Кексгольмского уезда, поднесенной Петру II, Кирилов выражал надежду, что «одна после другой толь великого вашего величества империя партикулярные ландкарты, под смотрением и свидетельством Академии наук во особой Российской атлас собраны и напечатаны быть имеют, между которыми и сии останутся, их же готовых пред сим напечатанных две обретаются».⁴

¹ Питер Пикарт (1668—1737) — гравер, приехавший в Россию из Голландии в 1698 г. по приглашению Петра I. Работал с 1702 г. в гравировальной мастерской Оружейной палаты, а затем с 1714 по 1727 г. — в С.-Петербургской типографии. Пикарт оставил после себя большое количество гравюр и карт. Среди его гравюр наиболее выдающейся считается «Полтавская баталия» (1710 г.).

² Алексей Иванович Ростовцев — гравер, ученик библиотекаря В. О. Киприанова. До 1711 г. работал в Московской типографии, затем был переведен в С.-Петербургскую типографию, где работал до 1727 г. под руководством Пикарта. С 1728 по 1730 г. был гравером в Академии наук. С 1731 г. жил в Москве. В 1743 г. по указу Сената был прислан в Академию наук для гравирования рисунков для книги «Описание коронации императрицы Елизаветы Петровны», но его работы были забракованы, и в 1744 г. он снова вернулся в Москву, где, очевидно, вскоре и умер.

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 79/1960, л. 81.

⁴ И. К. Кирилов имел в виду карту Выборгского уезда и карту Ингерманландии.

Карта Ингерманландии, 1727 г.

Однако вскоре после этого И. К. Кирилов отказался от совместного с Академией наук издания Атласа и принял его самостоятельно на свои собственные средства. Уже в начале 1729 г. В. В. Киприанов в письме к И. Д. Шумахеру просил его от имени Кирилова изготовить в академических мастерских «персону его императорского величества, мерою во александрийской лист, работы хорошей», с тем, чтобы этот портрет мог «и в книгу переплетатца к новому Российскому атласу, о котором имеет труд и попечение обер-секретарь Иван Кирилович».⁵

17 февраля того же года Шумахер известил Кирилова, что изготовленный в Академии наук портрет Петра II к его Атласу весьма подходит и может быть напечатан в желательном для Кирилова количестве экземпляров [27, т. 1, стр. 452],

В прямой связи с принятым Кириловым решением об издании Атласа находится внесенный им в упомянутый выше указ от 2 августа 1728 г. пункт 11, предписывающий геодезистам располагать карты уездов «на одном листу, дабы годились в переплет одной книги».⁶

В следующем, 1729 г. по инициативе и при непосредственном участии Кирилова в Москве при Сенате была организована небольшая группа геодезистов, которые должны были «присланные из губерний и провинций ландкарты, также планы всех городов срисовать в одну препорцию, дабы одна книга была ландкарт, а другая планы городов, кои требовать из Артиллерии, из Адмиралтейства и из других мест, где могут найти».⁷ Но так как эти же геодезисты посылались на всякого рода межевые работы по требованию Вотчинной коллегии, а некоторые из них, пробыв недолгое время при Сенате, вновь направлялись на съемочные работы, то состав группы постоянно менялся и до полного комплекта, определенного в размере 10 человек, в ней постоянно недоставало нескольких геодезистов. Тем не менее группа эта под руководством Кирилова вела подготовительные работы, необходимые для составления Атласа и Генеральной карты России.

Причины, побудившие И. К. Кирилова взяться за составление Атласа Российской империи, изложены им

⁵ Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 703, л. 156.

⁶ ПСЗ, т. VIII, № 5320.

⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1201, л. 585.

самим в «Покорнейшем объявлении о Атласе российском». «Меня принудил, — писал Кирилов, — впервые зачать географическия российские карты в один Атлас собрать тот недостаток, которого я в чужестранных картах терпеть не мог». Недостаток этот, по словам Кирилова, заключался прежде всего в неточности и искажениях, допускаемых иностранными картографами, которые многие населенные пункты и местности России показывали «пустыми землями». «И хотя, правда, — добавляет он, — похвалитися не можем частым везде и во всей обширности селением, но не постыдят же нас партикулярныя губернския и провинциальныя и каждого уезду карты, в которых вместо показываемой пустоты во многих частое селение немалых местечек, сел, деревень, заводов и протчаго усмотрено будет» [5, стр. 23].

По плану Кирилова, Атлас его должен был состоять из трех томов по 120 карт каждый, причем в первом томе он предполагал дать все карты северной части России, от моря Балтийского до Белого; во втором томе — карты южной части, «украинския и низовския», и в третьем — карты «закамских и сибирских земель». Кроме того, он намеревался в будущем приобщить еще к третьему тому исторические и экономические карты [5, стр. 25].

В 1731 г. Кирилов получил разрешение на издание Атласа и некоторую материальную поддержку в виде позволения построить в Москве, на Москве-реке, в Земляном городе, мельницы «для молотья хлеба».⁸ В заключение изданного по этому поводу 20 августа 1731 г. указа Сената говорилось: «А сколько ландкарт у него (у Кирилова, — *М. Н.*) есть готовых печатных, те подать и впредь повсегодно сколько прибавится печатных подавать ему в правительствующий Сенат неотложно. И возможно стараться ему, чтобы тот Атлас в пользу российскую был во окончание приведен, как о том он в челобитье своем объявил».⁹

Печатание и гравирование карт Кирилов производил за свой счет. Это обстоятельство неизменно отмечалось им на издаваемых картах, вначале в виде указания, что такая-то карта напечатана «иждивением» или «коштом» сенатского обер-секретаря Ивана Кирилова. Позднее он

⁸ Там же, кн. 980, л. 192.

⁹ Челобитье Кирилова не найдено.

АТЛАСЪ ВСЕРОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЪ КОТОРОМЪ ВСѢ ЕЯ ЦАРСТВА, ГУБЕРНІИ, ПРОВІНЦІИ,
УѢЗДЫ И ГРАНИЦЫ СКОЛКО ВОЗМОЖНО РОССІЙСКІЯ ГЕОДЕЗИСТЫ ОПИ-
САЛИ ОНЫЯ И ВЪ ЛАНДКАРТЫ ПОМОЖИШЕ ПО ДЛИНѢ И ШИРОТѢ ПО ЧИО ИЗЪ ЯВЛЯЮТСЯ

И
ГОРОДЫ, ПРИГОРОДЫ, МОНАСТЫРИ, СЛОБОДЫ, СЕЛА, ДЕРЕВНИ,
ЗАВОДЫ, МЕЛНИЦЫ, РѢКИ, МОРИЯ, ОЗЕРА, ЗНАТНЫЯ ГОРЫ, ЛѢСА, БОЛОТА,

БОЛШІЕ ДОРОГА И ПРОТЧІЯ

СО ВСЯКИМЪ ПРИБѢЖАНІЕМЪ ИЗЪ ДОВАННЫХЪ РОССІЙСКИМИ И ЗАПИСКИМИ ИМЕНАМИ
ПОДЪЯВЛЯЮТСЯ ИМѢЮЩІЯ ТРУДОМЪ И ТЩАНІЕМЪ ІВАНА КУРИЛОВА

ВЕСЬ СЕН АТЛАСЪ РАЗДѢЛЕНЪ БУДЕШЕ ВЪ ТРИ ЧАСТИ, И БУДЕШЕ СОДЕРЖАТЬ ВЪ
СЕБѢ ВСѢХЪ НА ВСЕ 360 КАРТЪ, СЖЕЛИ ВРЕМЯ И СЛУЧАИ ВСѢ ОНЫЯ СОБРАШИ И
ТРИДОРОМЪ НАПЕЧАТАШЕ ДОПУСТИШЕ

ДЛИНЫ ЗАЧАЛО СВОЕ ПРИЕМЛЮТЪ ОТЪ ПЕРВАГО МЕРИДІАНА ЧРЕЗЪ
ОСТРОВА ДАГДАНЪ И ЭЗЕЛЬ ПРОВЕДЕННАГО, КОНЧАЮЩАЯСЯ ВЪ ЗЕМЛѢ КАМ-
ЧАТКѢ ШАХЪ ЧИО ИМПЕРІЯ РОССІЙСКАЯ БОЛѢ 130 ГРАДУСОВЪ ПРОСІРАЕШЯ
КОПОРЫХЪ ВЕСЬ ЗЕМНИИ ГЛОБУСЪ 360 ВЪ СЕБѢ СОДЕРЖИШЕ

ATLAS IMPERII RUSSICI.

*In quo omnia eius Regna, Prouinciae, Regiones, et Fines,
quantum a Geodactis Russis ea potuerunt depingi et delineari,*

iuxta Longitudinem et Latitudinem exacte demonstrantur;

*Urbes, Oppida, Monasteria, Suburbia, Laqi, Manufactu-
rae, Molae, Fluuii, Maria, Lacus, Montes, Syluae, Viae,*

*Russicis et Latinis ^{conquisita}
nomibus descripta
inueniuntur.*

*Integer hic Atlas diuidetur in III Tomos, et comprehendet in uni-
uersum CCCLX Mappas; si quidem colligere eas omnes et caelo subicere, per tem-
pus et occasiorem liceret.*

*Longitudines initium suum capiunt a primo Meridiano
per Insulas Daydan, ita, ut Imperium Russicum ultra CXXX
gradus extendatur, quorum CCCLX integram Sphaeram
Terae absoluunt.*

Титульный лист к Атласу Всероссийской империи.

ограничивался указанием, что такая-то карта «напечатана» или «внесена» им в Атлас российский.

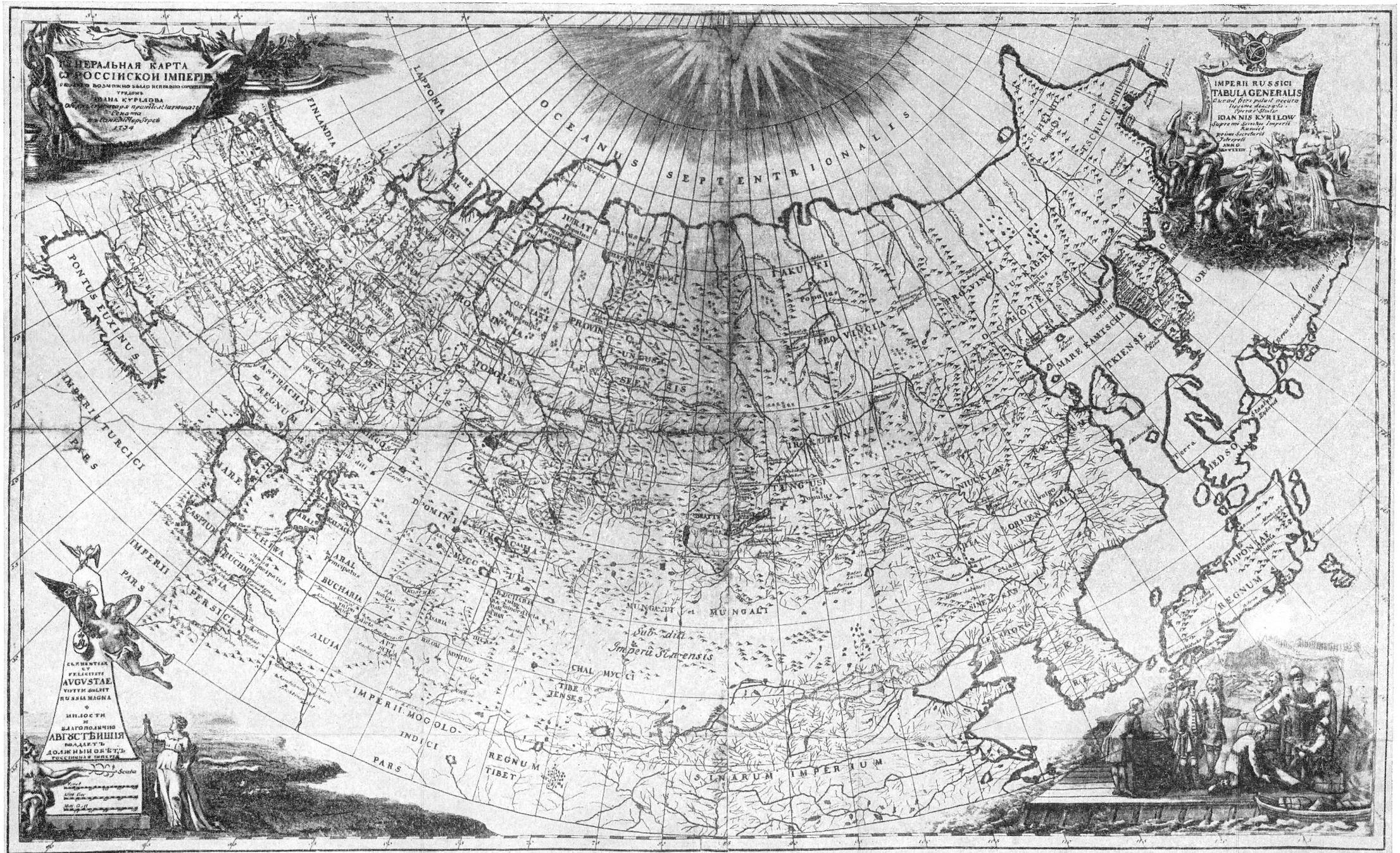
Участие И. К. Кирилова в деле издания русских карт не исчерпывалось только тем, что он вложил в это дело свою инициативу и средства. Кирилов был не только любителем и собирателем географических карт, но и большим знатоком их. Знание карт у него сочеталось с опытом и практическими навыками в области картографического дела, ибо трудно представить себе, чтобы он, не имея опыта, за одну ночь мог «своеручно», как он пишет, «нарисовать» карту, соединив на одном листе две. Подлинник этой карты не сохранился. Тем не менее представление о картографических работах И. К. Кирилова можно составить по хранящимся в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук СССР двум картам Камчатки.

Одна из этих карт на латинском языке и имеет следующую надпись: «Карта географическая части Дальневосточной Сибири и Тартарии, а также новых земель Камчатки и Японских островов. Составлена частью на основании наблюдений геодезистов Ивана Евреинова и... (Федора, — М. Н.) Лужина, посланных Петром В. в 1720 году для исследования вопроса о том, соприкасается ли Азия с Америкой, частью же на основании китайской карты, присланной императором Кам-хи Петру В.» [17, прилож. II, № 117].

Другая карта по внешним очертаниям сходна с первой, но отличается от нее большим количеством исторических и этнографических комментариев, сделанных на французском языке [17, прилож. II, № 118]. На обороте этой карты рукой П. Л. Леруа, хранителя карт географического департамента Академии наук в 30-х годах XVIII в., сделана надпись: «Камчатка и сопредельные страны г. Ивана Кирилова».

Кроме указанных двух карт, существует еще карта Камчатки Кирилова на русском языке, опубликованная Л. С. Багровым в журнале «Imago Mundi».¹⁰ По словам Л. С. Багрова, рукописная копия этой карты, сделанная И.-Н. Делилем, хранится в Национальной библиотеке в Париже. В опубликованном А. Изнаром списке карт, переданных Делилем в Морской архив в 1754 г., эта

¹⁰ Imago Mundi, t. XII, Stockholm, 1955, p. 130.

Генеральная карта Российской империи, 1734 г.

карта значится под заглавием: «Камчатка и сопредельные страны, (составленная) г. Кириловым (и им самим переданная). 1 лист» [58, стр. 136].

К середине 1734 г. Кирилов напечатал для своего Атласа 26 карт. Кроме того, он подготовил и в начале 1734 г. выпустил в свет Генеральную карту Российской империи. Работа Кирилова над составлением Генеральной карты велась одновременно с аналогичной работой профессора С.-Петербургской академии наук Делиля.

Почти полное отсутствие в то время опорных пунктов с точно определенными астрономическими долготами, равно как неточность некоторых карт, составленных геодезистами, которые, по словам Кирилова, «один уезд на другой уезд положили, или такие промежки оставили, что нельзя никак свесть и подлинной длины и широты сыскать» [44, стр. 115], в сильной степени осложнили и затруднили работу над составлением Генеральной карты. Отношение к преодолению этих трудностей у Делиля и у Кирилова было различное. Первый, ссылаясь на невозможность составить точную карту России на основании имевшихся в его распоряжении картографических материалов, без значительного пополнения их и без тщательной проверки их путем «астрономических наблюдений», до такой степени затянул работу, что в 1740 г. руководство Академии наук вынуждено было передать ее группе ученых: Л. Эйлеру, Г. Гейнзиусу и Х. Винсгейму, которые благополучно и завершили ее, выпустив в 1745 г. «Атлас российской . . . », состоящий из генеральной и 19 специальных карт.

И. К. Кирилов же, учитывая практические нужды государства, считал, что лучше на основе уже имеющихся результатов генеральной съемки страны издать хотя бы и несовершенную карту, чем не иметь никакой, так как «по собрании новых наблюдений и описей», писал он, можно будет легко исправить погрешности этой карты и выпустить в свет новую, уже более верную карту, как свидетельствуют о том «протчих земель карты, кои от времени до времени новыми обновляюцца» [44, стр. 135]. Руководствуясь этими соображениями, он составил Генеральную карту Российской империи и в начале 1733 г. передал ее для гравирования и печатания в Академию наук. Это событие было отмечено «Санктпетербургскими ведомостями», в которых сообщалось, что в Академии наук

«ныне особливо трудятся над его (Кирилова, — М. Н.) Генеральною картою Российского государства», которая «не только русскими, но и латинскими литерами вырезывается».¹¹

В Библиотеке Академии наук СССР сохранился изготовленный в 1733 г. типографией Академии наук корректурный экземпляр Генеральной карты Российской империи под заглавием: «Imperii Rossici Tabula generalis, quoad fieri potuit accuratissime descripta opera et studio Johannis Kyrilow, supremi Senatus Imperii Rossici primo secretario, Petropoli, A. MDCCXXXIII» («Генеральная карта Российской империи, насколько возможно исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова, обер-секретаря правительствующего Сената. Санктпетербург, 1733 г.»). Надписи на карте частью выгравированы, частью сделаны от руки. На обороте карты написано по-французски: «Экземпляр Генеральной карты России, составленный г-ом Кириловым, наполовину гравированный, наполовину нарисованный от руки, доставленный из Канцелярии Академии». На карте имеется надпись, сделанная Кириловым: «Прошу на меди надписи против сего резать с тою переправкою, как на другой карте учинено. Иван Кирилов, августа 1733 г.» Сравнение карты 1733 г. с печатной картой 1734 г. дает представление о внесенных Кириловым изменениях. Так, на карте 1734 г. к югу от Сахалина имеется не существующий в действительности Медвежий остров. На рукописной карте его нет, а показанная на карте 1733 г. не существующая в действительности безымянная река, впадающая с северо-запада в Аральское море, отсутствует на карте 1734 г. Кроме того, печатная карта отличается от карты 1733 г. более правильными очертаниями Аральского моря и большим количеством надписей. Наконец, имеется различие и во внешнем оформлении. Вместо нарядных картушей, украшающих печатную карту, на карте 1733 г. имеется в левом нижнем углу изображение северного полушария, а в правом — миниатюрная карта берегов северо-восточной Азии и северо-западной Америки, составленная И.-Н. Делилем в 1733 г. для Второй Камчатской экспедиции. Оригинал этой карты хранится в Отделе рукописей Библиотеки Академии наук [17, прилож. II, № 119].

¹¹ Санктпетербургские ведомости, 1733, 8 февраля, № 12.

После внесения исправлений карта была сдана в печать, и 29 мая 1734 г. книгопродавцу книжной лавки Кланеру было дано распоряжение: «Генеральную Российской империи ландкарту в Фигурной палате на учиненной доске сколько возможно на александрийской бумаге напечатать, и как оныя ландкарты напечатаны будут, то 20 экземпляров отдать господину штатскому советнику Ивану Кирилову, а прочия продавать: каждую расцвеченную по 1 рублю, а нерасцвеченную по 75 копеек» [44, стр. 110].

Печатная карта была выпущена под заглавием: «Генеральная карта о Российской империи, сколько возможно было исправно сочиненная трудом Ивана Кирилова, обер-секретаря правительствующего Сената, в Санктпетербурге, 1734 г.». Это же заглавие было дано и на латинском языке.

В процессе изготовления Генеральной карты И. К. Кирилов пользовался советами и указаниями Академии наук и в особенности профессора И.-Н. Делиля. Сохранилась запись Делиля о том, что 13 февраля 1733 г. Кирилов обратился к нему с просьбой исправить уже награвированную и напечатанную карту и высказать свое мнение о правильности градусов широты и долготы, а также дать совет о выборе меридиана (остров Даго или остров Эзель).¹² По свидетельству Г.-Ф. Миллера, вопрос об исходном меридиане для Генеральной карты Кирилова обсуждался в Академии наук. И. К. Кирилов полагал, что колоссальная протяженность России дает право при исчислении долгот исходить не от меридиана Ферро или Гринвича, принятых за границей, а от произвольно установленного им самим первого меридиана, проходящего через город Аренсбург — самый крайний пункт русских владений на западе. И хотя «исчисление долгот по проведенному через о. Даго и Эзель первому меридиану», как отмечал Г.-Ф. Миллер, не было одобрено Академией наук, «потому что тогда еще не чинили никаких астрономических наблюдений на тех островах, но понеже г. Кирилов стоял на своем мнении и дело совершалось под его именем», то «было поступлено по его желанию» [31, стр. 492—493]. Принятая Кириловым равнопромежуточная коническая

¹² Арх. АН СССР, р. I, оп. 35, № 16, л. 95.

проекция Делиля, равно как и заимствованные им из составленной Делилем в 1733 г. для Второй Камчатской экспедиции карты [17, прилож. II, № 119] очертания фантастической земли Гамы и т. д., также свидетельствуют о сотрудничестве Кирилова с Делилем в деле составления Генеральной карты Российской империи.

При составлении своей Генеральной карты Кирилов использовал не только карты геодезистов, участников генеральной съемки России, но и все известные ему новейшие достижения русской картографии. Так, при нанесении на карту северо-восточного побережья Азии он использовал карту Беринга 1730 г., а для изображения контуров Каспийского моря воспользовался картой Соймонова 1731 г. При нанесении на карту очертаний западной части Центральной Азии и контуров Аральского моря Кирилов руководствовался материалами И. Унковского [55, стр. 26] и сведениями 1731 г., полученными от переводчика Магомета Тевкелева [11, стр. 58—60]. Кроме того, он использовал имевшиеся в его распоряжении иностранные карты пограничных с Россией государств. В «Покорнейшем объявлении о Атласе российском» Кирилов писал, что его Генеральная карта Российской империи «в себе не точию одной Российской империи владение показывает, но и всех с нею соседних областей изъявляет знатные части с таким аккуратством, кои прежде не были известны». Отметив, что на его карте дано изображение Хивы, «Великой Тартарии», Кореи и их границы, он добавляет, что все это «взято и со многих карт оригинальных, печатанных в самом Пекине, переведено и внесено» [5, стр. 24—25].

Сравнивая карту Кирилова с Генеральной картой России, изданной Академией наук в 1745 г., О. В. Струве писал: «В точности нанесения подробностей карта Кирилова едва ли уступает академической, доказательством чему служит, между прочим, упомянутое уже более точное изображение Каспийского моря, а также относительное положение Аральского моря. Из всего видно, что Кирилов везде старался пользоваться лучшими, доступными ему источниками. Если побережье Северного океана на его карте изображено менее точно, чем на академической, то нужно помнить, что более точные сведения об этом море и его побережье собраны были уже после окончания его труда» [48, стр. 15].

Одновременно с рядом достоинств Генеральная карта Кирилова обладала и многими недостатками. К их числу следует отнести неправильные очертания Крымского полуострова и Азовского моря, соединенного с Черным морем двумя проливами, как на карте Я. Брюса и Ю. Менгдена 1699 г. [19, стр. 260], неправильное изображение Курильских островов и нанесение на карту несуществующей «Земли Гама», заимствованной из карты Делиля 1733 г., и, наконец, бедность географического содержания. На карте показаны только государственные границы и границы губерний, границы же уездов не обозначены. Нанесены только крупные города и очень незначительное количество более мелких населенных пунктов, причем некоторые без указания названий. Речная сеть, хотя и дана достаточно подробно, но большинство рек и в том числе даже такие большие, как Обь, Селенга и др., наименований не имеют. Леса, дороги, степи, болота и т. д. на карте не указаны. Возможно, что, намереваясь выпустить Атлас специальных карт России, Кирилов не считал нужным перегружать свою Генеральную карту излишними географическими подробностями, но скорее всего бедность содержания карты объясняется той поспешностью, с которой заканчивались работы по ее изготовлению в связи с отъездом Кирилова в Башкирию, а также и тем обстоятельством, что Кирилов, зная недостатки своей карты и издавая ее «вместо формы будущей верной карты», вынашивал уже в это время план создания более точной и более подробной карты, подготовительные работы к составлению которой были предприняты им вскоре по прибытии в Уфу.

Что же касается некоторой растянутости карты по параллели ¹³ — основного недостатка карты Кирилова, обусловленного неточностью долгот, то его нельзя ставить в вину И. К. Кирилову, потому что точное астрономическое определение долгот, начатое в России впервые в 1727—1728 гг., налаживалось с большим трудом и очень медленно. К началу 30-х годов, когда Кирилов приступил к составлению Генеральной карты, были определены долготы только семи астрономических пунктов, а именно Петербурга, Архангельска, Илимска, Большо-

¹³ О. В. Струве считал, что Кирилов допустил в своей карте ошибку на 10°. К. А. Салищев сводит эту ошибку к 7° [42, стр. 153].

реца, Нижнекамчатска, Казани и Тобольска. Этих данных было недостаточно, чтобы обеспечить необходимую точность карты, к тому же не все эти данные были достаточно точны. Так, Де-ла-Кройер при определении долготы Архангельска, как позднее было установлено О. В. Струве, ошибся «без мала на 2°», Делиль же опровергал точность определения долготы Илимска участниками Первой Камчатской экспедиции, полагая, что при определении этой долготы была допущена ошибка либо при наблюдении, либо при вычислении.¹⁴

Недостатки карты Кирилова были замечены и указаны некоторыми его современниками. Так, В. Н. Татищев [50, стр. 51—52] и Л. Де-ла-Кройер¹⁵ указывали на некоторые погрешности в долготах и в широтах. Академик К. Ф. Гросс в письме к А. Д. Кантемиру, сравнивая карту Ф. Страленберга¹⁶ с картой Кирилова, отмечал бедность содержания последней [25, стр. 433].

И. К. Кирилов прекрасно отдавал себе отчет во всех недостатках Генеральной карты. В записке «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт», составленной 20 апреля 1735 г., отметив неполноту и неточность географических карт Олеария, Витсена, Избрандта Идеса и Страленберга, Кирилов указывает, что и все прочие карты, «сколько их ни находится, все тому подвергнуты, что ни на каторой утвердитца нельзя». «Такожде и на той, — добавляет он, — которую я последнюю Генеральную российскую карту собрал. . . ни сам не утверждаю и других в том не обнадеживаю за верную иметь для того, что с разных провинциальных и уездных ландкарт, между кото-

¹⁴ Арх. АН СССР, р. II, оп. 1, № 207, л. 11.

¹⁵ Там же, ф. 21, оп. 2, № 52, л. 169 об.

¹⁶ Филипп Иоганн Страленберг (Табберт, 1676—1747) — шведский офицер, взятый в плен после Полтавской битвы, долго жил в Тобольске. В 1721—1722 гг. он сопровождал Д. Г. Мессершмидта в его путешествии по Сибири и имел возможность побывать в ряде сибирских городов и острогов (Таре, Томске, Нарыме, Абакане, Красноярске, Енисейске и др.) и собрать интересные материалы по истории, географии и картографии страны. Вернувшись на родину после заключения Ништадского мира, он издал в 1730 г. карту «Nova Descriptio Geographica Tatariae Magnae. . . Stockholm, 1730» («Новое географическое описание Великой Татарии. . . Стокгольм, 1730»), широко использовав при ее составлении чертежи замечательного русского картографа С. У. Ремезова, с которым он встречался в Тобольске.

рыми есть одна с другою несогласные, сочинил по нужде, вместо формы будущей верной карты» [6, стр. 707—709].

Однако, несмотря на все несовершенство и недостатки, появление Генеральной карты Российской империи, карты, имевшей научную, математическую основу, было выдающимся событием в научной жизни того времени. Об этом свидетельствует тот большой интерес, который был проявлен к этой карте со стороны представителей как русской, так и зарубежной науки. Г.-Ф. Миллер, находившийся в экспедиции в Сибири, настойчиво просил Шумахера о присылке Генеральной карты Кирилова. «Настоятельно прошу вас, — писал он в 1736 г., — доставить нам один экземпляр Генеральной карты статского советника Кирилова, о присылке которой я просил уже из Казани бывшего президента Кайзерлинга».¹⁷ Карта Кирилова, видимо, сразу же по ее выходе в свет была тщательно изучена, и некоторые ее данные с соответствующими критическими замечаниями были использованы В. Н. Татищевым в «Общем географическом описании всея Сибири», написанном в 1736 г. [50, стр. 51—52]. Выходом в свет как Генеральной карты, так и Атласа Всероссийской империи И. К. Кирилова живо интересовался и русский посланник в Лондоне, один из наиболее просвещенных людей того времени, Антиох Кантемир. О присылке Генеральной карты Кирилова просили И.-Н. Делиля многие из его заграничных корреспондентов и, в частности, член Парижской академии наук Ж. Ж. д'Орту де Меран,¹⁸ секретарь Лондонского королевского общества Кромвель Мортимер¹⁹ и др. Наконец, появление Генеральной карты Кирилова было отмечено и в зарубежной печати. Так, в 1736 г. в одном французском журнале была напечатана небольшая заметка о географических работах в России, в которой говорилось: «Г-н Иван Кирилов, обер-секретарь Сената, опубликовал свою большую карту Российской империи. В ней точно выявлены размеры этого обширного государства. Как видно из этой новой карты, Российская империя занимает по длине огромное пространство, начиная от Финского залива и Черного моря и кончая Землей Иессо и полуостровом Камчаткой».

¹⁷ Арх. АН СССР, ф. 21, оп. 2, № 4, л. 86 об.

¹⁸ Там же, ф. 1, оп. 3, № 25, л. 57 об.; № 26, л. 145.

¹⁹ Там же, № 26, л. 37.

На севере, говорилось дальше в заметке, Россия граничит с «Новой Землей», а «на юге ее границы простираются до Персии, Империи Могола и Китая».²⁰

Генеральная карта Российской империи имела широкое распространение не только в России, но и за границей, где она послужила источником для целого ряда карт России, напечатанных в известных атласах того времени и, в частности, в атласах Гомана, Зейттера, Робена и др.

Одновременно с работой над Генеральной картой Российской империи И. К. Кирилов продолжал работу по гравированию и печатанию других карт, предназначавшихся для Атласа Всероссийской империи. Хотя работа продвигалась достаточно успешно, тем не менее уже опыт выпуска первых карт показал, что для осуществления издания Атласа в том широком плане, как оно было задумано, потребуется много времени. Поэтому И. К. Кирилов пришел к мысли о необходимости по мере выхода карт из печати собирать и переплетать их в виде отдельных книг. Уже в феврале 1729 г. он обратился в Академию наук с просьбой изготовить для Атласа два листа: один с изображением «персоны его императорского величества», а другой — «глобоса» или какого-либо другого «куншта». «... а годятца оные вам и мне, — писал он И. Д. Шумахеру, — ибо от времени до времени напечатанныя ланткарты могут в одну книгу собирать и переплетать» [44, стр. 81]. По заказу Кирилова в типографии Академии наук были изготовлены для Атласа Всероссийской империи титульный лист, фронтиспис, или «куншт», портрет Анны Иоанновны и «приношение», или посвящение.

На титульном листе на русском и латинском языках было напечатано длинное, в духе того времени заглавие: «Атлас Всероссийской империи, в котором все ее царства, губернии, провинции, уезды и границы, сколько возможны российские геодезисты описать оныя и в ландкарты положить по длине и широте, точно изъявляются и города, пригороды, монастыри, слободы, села, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатныя горы, леса, болота, большие дороги и протчая со всяким прилежанием исследованные российскими и латинскими именами под-

²⁰ Mémoires pour l'histoire dès sciences et des beaux arts, Paris, 1736, pp. 563—564.

писаны имеются трудом и тщанием Ивана Кирилова. Весь сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случай все оныя собрать и грьдором напечатать допустит. Длины зачало свое приемлют от перваго меридиана, чрез острова Дагдан (о. Даго, или о. Хиума) и Эзель (о. Сарема) проведеннаго, кончаются же в земле Камчатке, так что империя Российская более 130 градусов²¹ простирается, которых весь земный глобус 360 в себе содержит».

На фронтиспise была изображена Россия в виде женщины в белом одеянии с короною на голове и длинными распущенными волосами. Перед ее взором за занавесю, которую подняло Время, открывается широкий простор с видом на море, горы, леса, города, села и т. д., а у ног ее находятся глобус, карты и другие предметы, необходимые для изучения географии.

Третий лист украшал портрет императрицы Анны, написанный художником Каравакон и гравированный Вортманом.

На четвертом листе было напечатано «приношение», или посвящение, Анне Иоанновне, в котором «вечный раб» ее императорского величества Иван Кирилов «всеподданнейше и всенижайше» приносил ей «сия географическия пространныя империи изображения».

Переписка И. К. Кирилова с Шумахером по поводу изготовления этих четырех листов к Атласу, начавшаяся, как мы видели, в феврале 1729 г., продолжалась около двух с половиной лет. Раньше всего был изготовлен «куншт» [44, стр. 87]. Затем по просьбе Кирилова ему были высланы 10 экземпляров портрета Анны Иоанновны. Сообщая об этом 19 августа 1731 г., Шумахер писал: «Заглавный листок к атланту готов до самых надписей. Ежели Ваше высокоблагородие оныя ко мне на первой почте прислать изволите, то столко напечатанных листов того пришлется, сколько вам угодно, также еще и доска, буде оное от вас за благо изобретено будет» [44, стр. 98]. Наконец, 11 ноября 1731 г. Кирилову были представлены «на апробацию» титульный лист и «приношение» [44, стр. 100].

²¹ В «Покорнейшем объявлении о Атласе российском» Кирилов писал, что хотя длина Российской империи по настоящему еще не исследована, «однако ж около 180 градусов в себе содержит» [5, стр. 23]. Здесь же, очевидно, ошибочно напечатано 130° вместо 180°.

Таким образом, в конце 1731 г. он получил возможность, приложив к имевшимся у него десяти печатным картам титульный лист, портрет, фронтиспис и посвящение, переплести их в одну книгу и выполнить данное им в письме от 27 августа 1731 г. Шумахеру обещание — «презентовать» эти карты Академии наук [44, стр. 97].

Таких собранных и переплетенных в одну книгу печатных карт, называемых «Атласами Кирилова», к настоящему времени сохранилось три экземпляра.²²

В Отделе картографии Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде хранится один экземпляр Атласа, составленный, судя по датировке карт, в 1731 г. Он состоит из 14 листов: фронтисписа, титульного листа, портрета Анны Иоанновны, посвящения и десяти географических карт.

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде имеется второй экземпляр Атласа, во всем похожий на академический и составленный также в 1731 г. Этот экземпляр содержит 10 карт, аналогичных картам первого экземпляра, но в нем отсутствуют четыре первых листа.

По сведениям, опубликованным в «Прибавлении к Иркутским епархиальным ведомостям» (1872 г., № 32, стр. 402), в библиотеке Иркутской духовной семинарии имелся Атлас Кирилова, аналогичный двум вышеуказанным, но состоящий не из 10, а из 9 карт. В нем отсутствовала карта Ингерманландии.²³ Где находится этот экземпляр в настоящее время, неизвестно.

²² Первоначально в Академии наук, в географическом департаменте, как это видно из журнальной записи от 25 ноября 1735 г., имелось «четыре Атласа или сборника из десяти карт, выгравированных г. Кириловым на русском языке» (Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 10, № 2). В этой же записи имеются сведения о судьбе одного из этих Атласов. Ввиду того, что в географическом департаменте не было оригиналов некоторых карт, собранных в Атласе Кирилова, было решено изъять эти карты из Атласа и заменить ими недостающие оригиналы. Из оставшихся трех целых экземпляров один вскоре был взят из Академии, как это видно из сохранившейся в делах И.-Н. Делиля расписки следующего содержания: «Атлас статского советника Ивана Кирилова на российском языке в десяти ландкартах для отдачи г-ну кабинет-министру Артемию Петровичу, его превосходительству Вольнскому у г-на проф. Делиля прапорщик Василий Рудаков взял 1738 июня 4 дня» (Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 10, № 7, л. 23).

²³ Возможно, что это был тот самый экземпляр Атласа Кирилова, из которого 8 марта 1740 г. была изъята карта Ингерман-

Третий экземпляр Атласа Кирилова принадлежит Центральному государственному архиву древних актов в Москве и состоит из 16 листов: 4 вводных (титульный лист, фронтиспис, портрет Анны Иоанновны и посвящение) и 12 географических карт. Судя по датировке карт, этот экземпляр был составлен в 1732 г.²⁴

Кроме того, М. С. Боднарский описал один экземпляр Атласа Кирилова, состоящий из 19 листов: фронтисписа, титульного листа, портрета, посвящения и 15 географических карт и в том числе 1 Генеральной карты России [12, стр. 101—104].

К сожалению, М. С. Боднарский не указал местонахождения этого Атласа, и оно до настоящего времени остается неизвестным.

Г.-Ф. Миллер дал описание еще одного экземпляра «Атласа Кирилова, состоящего из 14 специальных карт и одной генеральной» [30, стр. 487—489]. По своему содержанию этот экземпляр несколько отличается от экземпляра, описанного М. С. Боднарским.

Перед отъездом в Башкирию в 1734 г. Кирилов решил издать «первую книгу» Атласа, включив в нее все выгравированные к этому времени карты. О своем намерении он известил читателей в «Покорнейшем объявлении о Атласе российском», которое было предпослано им предполагавшемуся изданию «первой книги». «И понеже сие дело (издание Атласа Всероссийской империи, — М. Н.), — писал он в объявлении, — немалого времени и труда требует, то сколко возможность допустила поныне на меди изготовить толико в первую книгу внес, о дополнении же оной и протчих по ней двух томов, в том прошу терпеливо обождать» [5, стр. 24]. И. К. Кирилов рассмат-

ландии. Карта эта вместе с другой картой была принята геодезии прапорщиком Петром Лунандиным и доставлена в Сенат (Арх. АН СССР, р. 1, оп. 33, № 1, л. 66).

²⁴ В Архиве Академии наук СССР сохранились сведения об одном экземпляре Атласа Кирилова, состоявшем из 12 географических карт. Указом Сената от 24 декабря 1742 г. Академии наук было предложено принять некоторые материалы, значащиеся в реестре писем и дел и в «описи пожитков» А. И. Остермана, бывшего обер-гофмаршала Левенвольда и др. В числе этих материалов был указан «Атлас российской, сочиненной Иваном Кириловым в 12 ландкартах». Однако при проверке присланных в Академию материалов Атласа не оказалось (Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 945, л. 241).

ривал выпуск в свет «первой книги» Атласа как временную меру, имея в виду впоследствии «как нынешние готовые, так и вперед прибавляющиеся карты» распределить по трем томам своего будущего Атласа Всероссийской империи. Однако Шумахер, которому И. К. Кирилов перед отъездом в Оренбургскую экспедицию передал рукопись «Покорнейшего объявления о Атласе российском», не торопился с ее печатанием. Через два с лишним года, 6 декабря 1736 г., он известил Кирилова о том, что отдал в печать предисловие к его Атласу и передал в работу три ландкарты, полученные от Кирилова еще до его отъезда в Башкирию [44, стр. 165]. В Архиве Академии наук СССР, в делах типографии Академии наук, имеется рукописная копия «Покорнейшего объявления о Атласе российском» И. К. Кирилова.²⁵ Подлинника же рукописи, а также сведений об ее опубликовании в 30-х годах XVIII в. в настоящее время не имеется.

За период с 1726 по 1737 г. Кирилов напечатал и подготовил к печати не менее 37 карт; из них найдено только 28 (26 печатных и 2 рукописных), не считая корректурного экземпляра Генеральной карты Российской империи. Все эти карты в одном и большем количестве экземпляров хранятся в Библиотеке Академии наук СССР. Отдельные карты Кирилова имеются в Архиве Академии наук СССР, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, в Центральном государственном архиве древних актов, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в ряде других библиотек и архивов.

Восемь карт Кирилова: Новгородской провинции, Новгородской провинции — 2-я часть, Пошехонского уезда, Шлиссельбургского уезда, Мангазеи, Ладожского канала, Красноярского уезда и Кузнецкого уезда — до сих пор не разысканы, хотя в переписке Кирилова с Академией наук и в списках его карт, составленных современниками, имеются указания на то, что эти карты в свое время были напечатаны или подготовлены им к печати.²⁶

Карты гравировались и печатались в том виде, в котором они поступали от геодезистов, с добавлениями Ки-

²⁵ Арх. АН СССР, р. II, оп. 1, № 207, лл. 17—22.

²⁶ Более подробно об этих картах см.: М. Г. Новлянская. И. К. Кирилов и его Атлас Всероссийской империи. М.—Л., 1958, стр. 28—30.

рилова в виде легенд, посвящений, художественных виньеток, картушей и надписей на русском и латинском языках, содержащих название карты и краткое ее описание с указанием года и места ее издания, имен гравера и геодезистов, а также имени издателя — И. К. Кирилова.

В некоторых случаях Кирилов давал краткую социально-экономическую, географическую и историческую характеристику изображенной на карте территории. Так, из надписи на карте Каргопольского уезда мы узнаем, что в уезде «никаких шляхетных маетностей не бывало и нет, но все государственные крестьяня и несколько тамошних монастырей вотчин», что «сей уезд для севера хлебом скуден, но рыбою доволен. Такжеде соляныя варницы близ моря имеет».

Иногда подобного рода сведения Кирилов черпал из представляемых геодезистами описаний. Так, например, сведения, приведенные им на карте Угличского уезда: перечисление заводов, имеющихя в городе Угличе, торгов, происходящих в посадах и селах Угличского уезда, — заимствованы им из описания, составленного геодезистами М. Сметьевым и А. Жихмановым в силу данной им инструкции от 25 июля 1731 г.

В надписи, сделанной на карте Соликамской провинции, ее «верхней», т. е. северной, части, Кирилов обращает внимание на существование в этой провинции «натуральной водою комуникации» между морями Каспийским, Белым и Балтийским и указывает на возможность устройства «перекопи», т. е. судоходного канала, между притоком Вычегды Килтмой Зырянской и притоком Камы Килтмой Пермской. Кроме того, он отмечает, что Соликамская провинция изобилует хлебом, скотом, рыбой, зверем, лесом и пр., и указывает, что население ее состоит из «государственных называемых черносозных крестьян и половников и часть малая за монастыри, а шляхетских деревень нигде не бывало и нет».

На карте Волги от Саратова до устья Кирилов сообщает интересные исторические сведения о «прежде бывшей слюзной работе для комуникации из Волги в Дон, а из Дону в Волгу», о постройке в 1717 г. «командированными полками под командою генерала маеора Кропотова» линии от Царицына (Волгограда) до р. Дона с четырьмя крепостями, вследствие чего «незашные кубанских татар набеги пресечены». Далее Кирилов дает краткое описание

«протоки», называемой рекой Ахтубой, «при которой до владения российского Золотая орда жительство имела» и где «и поныне имеютца каменного строения многия знаки». «В сих же местах, — пишет он, — по реке Волге, а особливо в устьях морских, в уचाгах великое множество рыбы: осетров, белуг, стерлядей и иных, икры или клею, также соли самосаду и отпускают великими волскими судами в верховые городы». Содержание этой надписи заимствовано Кириловым из описания Астраханской губернии, сделанного им же самим в его труде «Цветущее состояние Всероссийского государства» [1, кн. 2, стр. 27, 29, 31, 34, 35].

Напечатанные карты по указанию Кирилова раскрашивались, или «иллюминировались», разноцветными красками.

До 1728 г. карты Кирилова гравировал А. И. Ростовцев, работавший в Санктпетербургской синодальной типографии, вероятно, там же они и печатались. С 1728 г. Кирилов стал гравировать и печатать карты в Фигурной палате и в типографии Академии наук, причем гравировали его карты тот же Ростовцев, перешедший на работу в Академию наук, и несколько позже поступивший туда А. Ф. Зубов.²⁷ С 1728 по 1732 г. И. К. Кирилов вместе с Сенатом находился в Москве, и большинство карт, изданных им в это время и позднее, до 1734 г. включительно, были выполнены гравером А. Зубовым и напечатаны в Москве В. В. Киприановым.

Некоторые интересные подробности, касающиеся места печатания карт Кирилова в Москве и участия в этом деле Киприанова, содержатся в материалах о печатании в 1731—1732 гг. на латинском языке книги доминиканского монаха Рибейры под заглавием «Ответ возразительной от католической церкви против ругательного сквернословия, изданного в народ под именем Иоганна Франциска Буддея против православной и восточной церкви». Книга

²⁷ Алексей Федорович Зубов — гравер, ученик А. Шхонебека. Сначала работал в Гравировальной мастерской Оружейной палаты под руководством Шхонебека. В 1711 г. перешел в С.-Петербургскую типографию, а после ее закрытия в 1727 г. поступил в Академию наук; в 1732 г. уехал в Москву, где работал по заказам частных лиц и в том числе И. К. Кирилова. Последний лист, гравированный Зубовым, подписан 1741 г. Лучшей работой его считается вид С.-Петербурга на 8 листах (1727 г.).

была написана в защиту сочинения Стефана Яворского «Камень веры» против нападок лютеранского богослова Буддеуса, но содержала ряд отрицательных высказываний о русской православной церкви и особенно о внутренней и внешней политике Анны Иоанновны. В результате произведенного следствия по этому делу в качестве обвиняемых был привлечен ряд лиц и в том числе В. В. Киприанов.

На допросе 15 октября 1735 г. В. В. Киприанову были поставлены следующие вопросы: занимается ли он печатанием книг, где именно, с какого времени, по какому указу, сколько у него печатных станков, а также печатал ли он книги на латинском языке, имеются ли у него соответствующие инструменты и т. д. Отвечая на эти вопросы, Киприанов показал, что книжного печатного дела у него как в Москве, так и нигде в другом месте не имеется, что он никогда не печатал латинских книг и у него нет и не было «к тому печатанию принадлежащих станков», а также «форм, матриц, пунсонов, литер» и т. д. Правда, при отце его, В. О. Киприанове, «в прошлых 721, 722 и 723 годах печатаемы были в доме его, имевшемся за Москвою рекою, в приходе Козмы и Домиана, что близ Денежного двора», таблицы логарифмов и другие учебные пособия по заказу Адмиралтейства для Московской школы математико-навигационных наук. Но в 1723 или 1724 г., «по смерти отца его, по представлению правительствующему Сенату, тогда бывшего секретаря, что ныне штатской советник, Ивана Кирилова, помянутой стан и литеры и со всеми инструментами, что ни имелось, взяты у него, Киприанова, в правительствующий Сенат в Санктпетербург чрез оставшую в Москве сенатскую контору. А за тем взятьем как стана, литер, матриц, пунсонов и прочаго к печатанию приличного ничего у него не осталось и ныне не имеется. А помянутый дом, — добавлял Киприанов, — тому будет года с три — отнят подполковником Тимофеем Тарбеевым» и он, Киприанов, проживает в настоящее время в доме статского советника Ивана Кирилова, за Москвою рекою, на Полянке, в приходе церкви Петра и Павла, а в летнее время — «в загородном дворе» того же Кирилова, находящемся близ Донского монастыря.²⁸

²⁸ ЦГАДА, ф. Синодальная контора, № 1183, № 313, лл. 1—2, 4.

Однако при обыске, произведенном в доме Кирилова и в особенности в его загородном доме у Донского монастыря, в двух амбарах были найдены «один стан о двух валиках в полности» для печатания «гридырованных листов», два неполных стана для «книжного печатания» на русском и немецком языках и, кроме того, в сундуке между старым железом были найдены некоторые части станов, литеры, матрицы и другие необходимые для печатания принадлежности.²⁹ Были обнаружены также и латинские книги и письма, в которых, однако, как это видно из доношения Московской Синодального правления канцелярии, ничего «важного не оказалось» [32, стр. 406].

По-видимому, результаты обыска не имели никаких серьезных последствий, и дело Киприанова закончилось благополучно, так как упоминания о В. В. Киприанове и его деятельности продолжают встречаться в архивных документах в течение ряда последующих лет, вплоть до 1757 г.

Выявленные в результате обыска факты и материалы допроса Киприанова не только дают возможность установить место печатания карт Кирилова в Москве, во дворе его загородного дома у Донского монастыря, и непосредственное участие в этом деле В. В. Киприанова, но и подтверждают еще раз тесные деловые и дружеские взаимоотношения Кирилова с Киприановым. Возможно, что давнишнее близкое знакомство Кирилова с семьей замечательного русского картографа В. О. Киприанова и с ним самым было тем источником, из которого он почерпнул первые знания в области картографии и не остывавший до последних дней его жизни интерес к этому делу.

Карты, напечатанные Кириловым для его Атласа Всероссийской империи, по точности и качеству выполнения были лучшими из тех, которые имелись в его распоряжении. Однако некоторые из них все же не были свободны от недостатков, как имевшихся уже в оригиналах и указанных выше, так и вкравшихся в процессе приведения карт к меньшему масштабу и при их гравировании. Качество работы граверов было недостаточно высоко, и это отмечено современниками Кирилова, Г.-Ф. Миллером [31, стр. 488] и И.-Н. Делилем,³⁰ к тому

²⁹ Там же, лл. 5—13.

³⁰ Арх. АН СССР, р. I, оп. 35, № 16, л. 62.

же и сам И. К. Кирилов признавал это. «Что же касается до художества в вырезывании на досках, в том себя ныне не могу защитить, — писал он в «Покорнейшем объявлении о Атласе российском», — ибо, вводя сие дело, при первом случае рад был каких мог сыскать художников, таких заставлял, потому что после бывшего в России художника сего дела Шхембока³¹ по нынешнюю Академию наук никого достойного не обреталось, однако ж охотник не фигурами, но самими до сего небывалыми картами забавлятися может» [5, стр. 24].

Вскоре после смерти Кирилова вдова его, Ульяна Петровна Кирилова, обратилась в Академию наук со следующей просьбой: «Муж мой покойный, статский советник Кирилов, имел пребезмерную охоту к сочинению Российского атласа и чрез свой труд и своим иждивением сочинил многих губерний и провинций с подлинным описанием ландкарты, из которых несколько и на меди его же иждивением вырезано, которыя вырезанныя доски ныне хранятся в Москве, у купца Василья Киприанова. А понеже я осталась с малыми детьми, и оный заведенный Атлас оканчивать уже невозможно, того ради императорскую Академию наук прошу те выгрудорованные доски принять во оную Академию от того купца в Москве, кому благоволено будет, а за труды мужа моего, также и за издержанный его собственный капитал надлежащее число денег, по принятии тех досок, сколько их будет, выдать мне здесь деньгами» [27, т. 3, стр. 476]. Однако до настоящего времени найти эти доски не удалось.

Установить точные размеры тиража по каждой карте Кирилова в отдельности и по всем вместе не представляется возможным. Но, не имея даже приблизительной цифры тиража, можно все же утверждать, что карты его, в особенности такие, как Генеральная карта Российской империи, карты русско-шведской границы, Ингерманландии, Лифляндии и некоторые другие получили довольно широкое распространение не только у нас, но и за границей.

Картами Кирилова как необходимым пособием в своей практической деятельности пользовались государственные учреждения и государственные деятели, по картам

³¹ Адриан Шхонебек (1661—1705) — гравер, приехавший в Россию из Голландии по приглашению Петра I.

Кирилова учились в школах. Так, имеются сведения о том, что в 1740 г. в числе учебников, пособий и карт в гимназии при Академии наук была и карта «Ивана Кирилова о России» [27, т. 4, стр. 357]. Карты Кирилова можно было свободно купить в книжных лавках Петербурга и Москвы. В Москве ими торговал В. В. Киприанов, в Петербурге они продавались в книжной лавке Академии наук, где их можно было найти даже спустя много лет после его смерти. Так, в 1738 г. в Академию наук из книжной лавки была доставлена одна из карт Кирилова [37, стр. 488]. В 1746 г. из «лавки Кламмера» были приняты в Библиотеку Академии наук 26 карт Кирилова по 80 копеек за штуку.³² Екатерина II в своих воспоминаниях о первых пяти годах своего царствования писала, что, узнав о том, что в Сенате имеется карта Российской империи, «послала пять рублей в Академию наук через реку от Сената и купленный там кириловский печатный Атлас в тот же час подарила правительствующему Сенату».³³ В 1771 г. в книжную лавку Академии наук вновь поступили переизданные карты Кирилова: Генеральная карта Российской империи и карта Арзамасской провинции, в 50 экземплярах каждая.

За границей появление карт Кирилова вызвало живой интерес среди ученых и особенно среди географов и картографов. Некоторые карты Кирилова, как указывалось выше, либо целиком, либо с некоторыми изменениями были напечатаны лучшими западноевропейскими картографами: И.-Б. Гоманом, И. Газе, М. Зейттером, Р. Вогонди и др. Так, во Всемирном атласе И.-Б. Гомана 1746 г. «Atlas novus terrarum orbis Imperia Regna et Status exactis tabulis geograficae demonstrans» имеется четыре карты, составленные по Кирилову: Европейская Россия на карте Европы 1743 г., Сибирь на карте Азии 1744 г., карта Ингрии и карта Российской империи 1739 г. с некоторыми изменениями [53, стр. 168].

В предисловии к своему Всемирному атласу,³⁴ изданному в 1757 г., французский географ Робер де Вогонди в разделе о развитии географических знаний в отдельных

³² Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 1028, л. 546 об.

³³ Русский архив, М., 1865, стр. 471.

³⁴ Atlas universel par M. Robert Géographe ordinaire du Roy et par M. Robert de Vaugondy son fils Géographe ord. du Roy. 1757, à Paris.

странах, и в частности в России, дал краткий обзор деятельности Кирилова как географа. Краткая заметка о Кирилове, по всей вероятности написанная тем же автором, была напечатана также в 1757 г. во французской энциклопедии. Давая оценку трудам И. К. Кирилова, Вогонди писал: «Эти карты, по словам одного русского офицера,³⁵ носили еще отпечаток младенчества, в котором находилась тогда география в этой стране, — неизбежный недостаток всех новых начинаний, который отнюдь не является препятствием к тому, чтобы признать эту работу достойной одобрения» [57, стр. 612].

Действительно, карты Кирилова, как первенцы русской научной картографии, далеки от совершенства, тем не менее они сыграли большую роль как в истории русской культуры вообще, так и в истории развития русской картографии в частности. При всех своих недостатках они были большим достижением своего времени. Эти карты впервые в истории Русского государства дали широким кругам русского общества наглядное представление о России в целом и об отдельных ее частях и тем самым содействовали утверждению в сознании русских людей идеи могущества и величия их родины. Утратив с выходом в свет более совершенных карт свое практическое и научное значение, они остались, однако, ценным памятником русской культуры первой половины XVIII в.

³⁵ Автор имеет в виду письмо, составленное Г.-Ф. Миллером и напечатанное под заглавием: «Lettre d'un Officier de la Marine Rus sienne à un Seigneur de la Cour concernant à la carte de nouvelles Découvertes au Nord de la Mer du Sud et le Mémoire qui y sert d'explication, publié par M-r De L'Isle. à Paris en 1752. Traduit de l'Original russe. Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Histoire littéraire. . . par M-r Samuel Formey. Tome troisième, Amsterdam, 1753, pp. 46—87 («Письмо российского морского офицера к некоторой знатной персоне о карте, представляющей новейшие объяснения о северных странах Южного моря и о изъяснении на оную карту, изданную г. Делилем в Париже в 1752 г.»). Арх. АН СССР, ф. 21, оп. 5, №№ 159, 173, 174.

И. К. КИРИЛОВ И АКАДЕМИЯ НАУК

Любовь И. К. Кирилова к наукам и просвещению и особенно его увлечение географией и картографией уже сами по себе обусловили возникновение тесной связи между ним и Академией наук с первых дней ее основания (1724 г.).

Первые годы деятельности Академии наук совпали с периодом, когда представители верховной власти в лице сменявших друг друга временщиков и возглавляемых ими группировок, поглощенные борьбой за власть и движимые интересами личного обогащения, мало уделяли внимания вопросам прогресса и культуры. Вполне естественно, что в таких условиях жизнь молодого учреждения налаживалась с большим трудом. Академия постоянно испытывала тяжелые материальные и денежные затруднения. В этих случаях неизменно выручал ее обер-секретарь Сената И. К. Кирилов, который, пользуясь своим служебным положением, влиянием и связями, оказывал ей самые разнообразные и порой очень ценные услуги. Так, Кирилов содействовал скорейшему продвижению в Сенате ходатайств Академии о выдаче ей денежных средств и об удовлетворении других ее нужд и потребностей. Он помогал наладить работу в академической типографии и принял деятельное участие в предпринятом Академией наук в 1728 г. издании «Санктпетербургских ведомостей». Он сам непосредственно распространял книги, полученные из академической типографии, среди своих многочисленных знакомых и друзей, помог Академии наук наладить связь со своим старым знакомым и приятелем, московским купцом и «библиотекарем» В. В. Киприановым и организовать при его посредстве продажу академических изданий в Москве [27, т. 1, стр. 482].

И. К. Кирилов был постоянным корреспондентом «Санктпетербургских ведомостей», он помещал там крат-

кие заметки и сообщения на самые разнообразные темы: о найденном «камне асбесте»,¹ о состоявшемся в Сенате постановлении по поводу продолжения съемочно-картографических работ,² об изготовлении Генеральной карты и о предстоящем выходе в свет Атласа Всероссийской империи,³ о постройке медеплавильных и железоделательных заводов в Башкирии,⁴ о деятельности Оренбургской экспедиции⁵ и т. д.

Уделяя большое внимание самым разнообразным сторонам деятельности Академии наук, Кирилов проявлял особенно живой интерес к ее работам в области географии и картографии, которые производились под руководством французского ученого, астронома Делиля.

Жозеф Николя, или как его звали в России, Иосиф Николай, Делиль (1698—1768), приехал в Петербург в феврале 1726 г. Быстро наладив систематические астрономические наблюдения с помощью привезенных из Франции инструментов, он принял активное участие в строительстве и оборудовании новой астрономической обсерватории и одновременно изъявил готовность заняться, помимо астрономии, еще вопросами географии России. По словам А. Изнара, биографа Делиля, одной из причин, побудивших его взяться за составление географических карт России, было полученное им при отъезде из Франции задание от министра французского морского флота графа Морепа «заняться географическими работами, из которых Франция могла бы извлечь пользу» [58, стр. 44].

Идя навстречу желанию, высказанному профессором Делилем, президент Академии наук Л. Л. Блюментрост обратился 19 июня 1726 г. к кабинет-секретарю А. В. Макарову с просьбой прислать в Академию все имеющиеся в наличии географические карты России [27, т. 1, стр. 190—191]. Сообщая 30 декабря Блюментросту о данном Екатериной I указе предоставить в распоряжение профессоров Академии наук «для сочинения новых карт» все имеющиеся «российские карты», Макаров писал: «А понеже некоторые во оных картах есть неправы и требуют исправ-

¹ Исторические и генеалогические и географические примечания к Ведомостям, 1729, ч. XXI, стр. 81—84, 15 марта.

² Санктпетербургские ведомости, 1728, 2 ноября, № 88.

³ Там же, 1733, 8 февраля, № 12.

⁴ Там же, 1735, 30 октября, № 87.

⁵ Примечания на Ведомости, 1737, 18 апреля.

ления, и для того изволите приказать тем профессорам сноситься с сенатским секретарем Иваном Кириловым, который может с ними те погрешения выправить» [44, стр. 61]. К письму был приложен подписанный Кириловым реестр препровождаемых в Академию наук 30 географических карт.

Ознакомившись с полученными картографическими материалами и найдя их недостаточно полными и точными, Делиль объявил, что для составления генеральной и партикулярных, т. е. частных, карт России на научной основе необходимо произвести предварительные работы по астрономическому определению широт и долгот ряда пунктов в разных частях империи. С этой целью по его предложению 29 марта 1727 г. был отправлен «в Архангелогородскую губернию», в Кольский острог «и далее, аще возможно будет» [44, стр. 70], брат его, Людовик Делиль Де-ла-Кройер.

В том же 1727 г. Делиль представил в Академию наук обширный проект организации работ по астрономии и географии в России, в котором изложил вкратце программу своих предварительных работ в области картографии [17, стр. 120—123]. Вслед за тем появилась записка Делиля под заглавием «Основные правила для составления карт России» [17, стр. 127—129], в которой он изложил свои соображения по поводу составления карт, повторявшие в основном лишь с некоторыми дополнениями те же мысли, которые были высказаны им в предыдущей программе.

На почве занятий картографией между Кириловым и Делилем с самого начала их знакомства установилась тесная деловая связь. И. К. Кирилов снабжал французского ученого всякого рода справками и сведениями, которые на первых порах помогали ему ориентироваться в географии мало знакомой страны. Об этом, в частности, свидетельствуют два сохранившихся в бумагах Делиля документа. Это переведенные на французский язык «Реестр губерниям, провинциям и городам» [44, стр. 63—64] в том виде, как он внесен в «Цветущее состояние Всероссийского государства» [1, кн. 2, стр. 164—167], и специально составленное Кириловым по просьбе Делиля «Краткое истолкование для примечания в ландкартах российских» [44, стр. 66—68], в котором дано объяснение таким терминам, как «город провинциальный», «го-

род приписной», «пригородок», «острог», «стан», «погост», «волость», «село» и т. д.

В начале 1728 г. двор Петра II, а вместе с ним и высшие правительственные учреждения, в том числе и Сенат, переехали в Москву. Вместе с Сенатом уехал из Петербурга и И. К. Кирилов. Таким образом, Делиль лишился возможности непосредственно пользоваться его советами. Свое сожаление по этому поводу он выразил в письме к Кирилову от 10 мая 1728 г., где, изложив в общих чертах план своей работы над Генеральной картой и Атласом Российской империи, он писал: «Но я не смогу иметь успех в этой работе, если вы не окажете мне помощь, в которой я нуждаюсь». Эта помощь заключалась в том, что Кирилов должен был прислать ему список губерний, учрежденных в 1709 г., и список провинций 1719 г., а также несколько ранее обещанных им карт [44, стр. 159].

Основываясь на том, что просьба о присылке двух из указанных в письме карт, а именно большой карты Сибири и карты р. Лены, повторяется Делилем и в следующем году [44, стр. 85], В. Ф. Гнучева сделала вывод, что первые годы деятельности Делиля, точнее 1727—1735 гг., прошли в почти бесплодных просьбах о присылке тех или иных карт, находившихся в Сенате» [17, стр. 27]. Действительно, о присылке карт Сибири и р. Лены Делиль просил Кирилова не только в письмах от 10 мая 1728 г. и 24 марта 1729 г., но и в письме от 5 ноября 1730 г. [44, стр. 96].

Однако, не имея возможности установить причину задержки в высылке этих карт, тем не менее можно утверждать, что она произошла не по причине «затаенной враждебности», якобы существовавшей между Делилем и Кириловым [17, стр. 33], так как данные архивных материалов свидетельствуют о том, что Кирилов не только удовлетворял все просьбы Делиля о высылке карт, за исключением двух вышеупомянутых, но нередко проявлял в этом деле инициативу и, не ожидая просьбы Делиля, посылал ему новые, полученные от геодезистов карты. Правда, в большинстве случаев это были копии, но он не препятствовал Делилю в случае надобности пользоваться и оригиналами и даже очень ценными картами. Впрочем, были случаи, когда сам Кирилов обращался к Делилю с просьбой о присылке карт, которые Делиль доставал благодаря своим связям с иностранцами, состояв-

шими на русской службе. Так, в одном из писем Делиль просит Кирилова вернуть ему «две ландкарты сибирские, полученные от капитана Беринга», и украинскую карту, «гридированную российскими литерами». «Я понужден ваше благородие, — писал Делиль, — о том докучать, понеже господа, от которых их достал, оные требуют от меня беспрестанно назад» [44, стр. 106].

Сохранились сведения и о других услугах, оказываемых Делилем Кирилову. Так, в 1729 г. он «нарисовал» градусы на карте Лифляндии, изготовлявшейся в Академии наук для Кирилова, и сверил с подлинником карту Олонецкого уезда [44, стр. 85]. 13 февраля Кирилов просил Делиля исправить карту Новгорода.⁶ Кроме того, Делиль, как мы видели выше, принимал большое участие в составлении Генеральной карты Кирилова.

Живя в Москве, Кирилов с большим вниманием следил за картографическими работами Делиля. «Что у него, г-на Делиля делаетца в сочинении ландкарт, о том желаю уведомления», — писал он 18 февраля 1729 г. Шумахеру [44, стр. 81]. Та же просьба повторяется в его письме от 28 июня 1731 г. [44, стр. 97]. Сам Делиль время от времени извещал Кирилова о ходе своих работ. Так, 10 мая 1728 г. он писал, что намерен приступить к составлению карты Европейской России, включая «царства» Казанское и Астраханское, и что карта эта будет состоять из 30 листов размером в 1.5 на 2 фута каждый [44, стр. 160]. 24 марта 1729 г. он сообщал, что сократил количество листов до 12, но намерен еще сочинить генеральную карту России на четырех листах [44, стр. 85].

Однако время шло, а работа Делиля в области картографии не двигалась вперед. По настоянию Кирилова в Академию наук был послан указ Сената от 29 сентября 1730 г. [44, стр. 87—88] о немедленном представлении в Сенат Генеральной карты Российской империи. В письме к Кирилову, написанном в связи с получением этого указа, Делиль вынужден был признать, что он не может еще ничего прислать «от трудов своих», но надеется вскоре «показать некий опыт» [44, стр. 96].

Более прямо и откровенно о своей картографической работе Делиль писал 25 мая 1729 г. графу Морепу. Ввиду истечения срока своего четырехлетнего пребывания в Рос-

⁶ Арх. АН СССР, р. I, оп. 35, № 16, л. 95.

сии он просил разрешения остаться в Петербурге еще на некоторое время, так как в течение трех лет он был занят только собиранием и копированием карт и ничего не сделал для пользы Русского государства или Петербургской академии наук, и «поэтому, — писал он, — есть основание опасаться, что если я уеду в настоящее время, то Академия удержит все мои материалы и из всего того, что я имею, я смогу увезти во Францию только ту часть моей работы, которую я сделал тайком. Тогда как если я останусь в этой стране еще на некоторое время, то, сделав две генеральные карты, о которых я говорил выше, я получил бы возможность увезти с собой все сделанные мной здесь открыто копии карт, которые в десять раз подробнее проектируемых мною генеральных карт. Кроме того, за это время я, может быть, нашел бы возможность сделать вторично копии с карт, копии с которых, как я думаю, мне не разрешат увезти» [59, стр. 147—148].

Прошел еще год, а в работе Делиля по составлению генеральной карты России по-прежнему никаких сдвигов не наблюдалось. 8 июля 1731 г. Шумахер писал Кирилову, что географическая работа Делилем «не так способно отправляется, как мы вначале надеялись. Нарочно ли он так долго во оной медлит, или от недостатка довольных известий сие чинит — о том я вам подлинно донести не могу. Правда, что он обещал в несколько месяцев оную совсем исправить. И того ради ныне несколько времени потерпеть надлежит, а потом можно и другим способом поступить» [27, т. 2, стр. 57].

В начале 1732 г., в связи с переездом Сената, а вместе с ним и обер-секретаря И. К. Кирилова в Петербург, работы по составлению Генеральной карты и Атласа Российской империи, производившиеся под руководством Кирилова и сосредоточенные до того времени в Москве, были также перенесены в Петербург.

Возвращение Кирилова в Петербург со всеми картами и группой геодезистов дало повод Делилю представить 13 марта 1732 г. новый проект мероприятий, необходимых для завершения работ по составлению генеральной карты России. Он предлагал учредить при Академии наук Географическое бюро, или, как оно именовалось в русских переводах того времени, Географическую палату, в задачу которой входило бы также и обучение географии «младых людей российского народа, ему врученных, которые бы

довольно началам математическим были приобучены» [44, стр. 102]. Он требовал собрать и сосредоточить в Географическом бюро все как старые, так и новые картографические материалы и предоставить ему, Делилю, право инструктировать геодезистов и непосредственно сноситься с Сенатом по всем вопросам, касающимся карты географии.

Некоторые авторы, и в частности К. Свенске [44, стр. 22], В. Ф. Гнучева [17, стр. 31], М. С. Боднарский [13, стр. 90], утверждали, что Кирилов не дал движения этому проекту, потому что это было не в его интересах. Если не считать высказываний Делиля, о которых речь будет впереди, никакие другие архивные документы не дают основания для такого утверждения. Наоборот, Кирилов постарался по возможности удовлетворить выдвинутые Делилем требования. Буквально уже через три дня после подачи Делилем проекта Шумахер писал Кирилову: «Для сочинения Российской империи генеральной карты по требованию вашему геодезистам шести человеком покои, чтоб близ профессора Делиля были, немедленно отведу» [44, стр. 101]. Действительно, по словам Делиля, Шумахер предоставил для Географического бюро две комнаты в здании Академии наук, рядом с квартирой Делиля, и одновременно отвел еще одну комнату напротив академической канцелярии Кирилову, куда были перенесены из Сената карты, которые нужны были Делилю для работы над генеральной картой России.

Для работы в Географическом бюро и для обучения «астрономическим наблюдениям» Делилю было дано семь геодезистов. Но Делиль не сумел воспользоваться услугами этих геодезистов. «Так как помещения, которые были отведены для работы геодезистов, — писал он, — не были еще готовы, то они смогли начать там работать только в июле месяце 1732 г., и к тому же в течение долгого времени они были заняты изготовлением копий и приведением к меньшему масштабу карт для г-на Кирилова.⁷ Затем один за другим они ушли под разными предложениями, так что я не мог в достаточной степени использовать их, тем более, что в моем распоряжении не было

⁷ В Географическом бюро в 1732 г. были изготовлены для Кирилова карты следующих 9 уездов: Симбирского, Казанского, Обоянского, Алатырского, Воронежского, Кромского, Брянского, Нижегородского и Звенигородского (Арх. АН СССР, ф. 3, оп. 10, № 190).

ни такого переводчика, которого я просил, ни лица, достаточно знающего черчение, чтобы усовершенствовать в нем геодезистов. Поэтому я вынужден был их покинуть».⁸

Требование Делиля о предоставлении ему права ин-структировать геодезистов и исправлять составленные ими карты не могло вызвать возражений со стороны Кирилова, так как он сам был заинтересован в получении точных карт. Доказательством этого может служить то, что 6 мая 1732 г. Делиль получил от Кирилова записку с просьбой снабдить восемь геодезистов, отправлявшихся с майором Людвигом в западные губернии, «надлежащим письменным наставлением, дабы перед прежним исправнее сделать и карту аккуратнее привезти с собой могли» [27, т. 2, стр. 127]. В июне 1733 г.⁹ и 31 января 1734 г. [44, стр. 108] были даны по настоянию Кирилова указы Академии наук об освидетельствовании присланных геодезистами М. Сметьевым и А. Жихмановым карт и каталога Кашинского уезда и трех уездов Угличской провинции. Наконец, 28 марта 1734 г. Кирилов собственноручно отослал в Академию наук для освидетельствования «юрнал и три ландкарты Псковской провинции, присланные геодезистами Ф. Трофимовым и С. Арсеньевым» [44, стр. 109].

Таким образом, И. К. Кирилов по мере сил и возможности шел навстречу тем требованиям Делиля, удовлетворение которых приносило несомненную пользу их общему делу. Но он был против того, чтобы передать в полное распоряжение Делиля все собранные в Сенате карты. Единственной уступкой, которую он сделал в этом отношении, было согласие на то, чтобы сенатские карты хранились в Академии наук, в особо отведенной для этого комнате, под присмотром геодезистов, которые с его разрешения выдавали их под расписку Делилю. По-видимому, Кирилов не доверял Делилю, и не без основания. В Петербурге приблизительно в это время стали распространяться слухи о том, что Делиль занимается пересылкой русских карт за границу. Правильность этих слухов подтверждается биографом Делиля А. Изнармом, который, оперируя не подлежащими ни малейшему сомнению фактами, почерпнутыми из корреспонденции Делиля, пишет: «С самых первых лет своего пребывания в России Делиль

⁸ Арх. АН СССР, р. I, оп. 35, № 16, лл. 58—63.

⁹ ЦГАДА, р. XVII, д. 55, л. 9—9 об.

был занят доставкой во Францию переписанных и исправленных им карт» [58, стр. 56—57]. Каталоги карт Делиля, хранящихся в Национальной библиотеке в количестве 190 единиц и в Архиве Морского флота в количестве 150 единиц, приведенные Изнаром в цитируемой работе, дают представление о том ценнейшем картографическом материале, который в виде копий, а отчасти и оригиналов был вывезен Делилем из России. Достаточно указать, что в числе материалов, переправленных Делилем во Францию, были карты побережий Финского залива, Балтийского, Черного, Белого и Каспийского морей, планы морских портов и крепостей, карты течений главнейших рек и их притоков, карты границ, планы городов и карты уездов и провинций и северных и северо-восточных окраин России, составленные либо на основании новейших данных, полученных русскими экспедициями в Северном и Тихом океанах, либо самими участниками этих экспедиций и в том числе карты Беринга и т. д.

Однако, несмотря на обилие картографических материалов, прошедших через руки Делиля, несмотря на готовность, с которой Кирилов шел навстречу Делилю как в отношении снабжения его картами, так и в отношении удовлетворения других его требований, работа Делиля над составлением генеральной карты и атласа Российской империи вперед не продвигалась. Совершенно иначе обстояло дело у Кирилова, который к началу 1733 г. напечатал уже более двух десятков карт уездов и провинций России и заканчивал работу по изданию Генеральной карты. По-видимому, эти успехи Кирилова, особенно выгодно выделявшиеся на фоне почти полного застоя в его собственной картографической деятельности, сильно раздражали Делиля и в конце концов привели его к резким выпадам против Кирилова и его работ в области картографии.

В 1733 г. Делиль представил в Академию наук мемуар, основная цель которого заключалась в том, чтобы как-то оправдать свою собственную бездеятельность в области картографии и обеспечить за собой единоличное руководство геодезистами и бесконтрольное распоряжение картографическими материалами. Делиль писал, что одной из главных помех в его работе над составлением генеральной карты России было то, что «г. Кирилов пожелал вмешаться в вопросы географии», в результате чего он, Делиль, мог

с трудом только доставать материалы и карты, которые находились в руках Кирилова, а также пользоваться услугами геодезистов и чертежников, имевшихся у Кирилова в изобилии. «Сверх того, — писал он, — я не мог добиться от него, чтобы геодезисты, которые составляли карты или работали над ними, представляли бы мне отчет о своих работах и показывали бы мне свои журналы, что мне было бы чрезвычайно полезно для того, чтобы лучше судить о качестве их работ, а следовательно, и иметь возможность использовать их наилучшим образом».¹⁰

Несостоятельность этой попытки Делиля сложить ответственность за свою бездеятельность в области картографии на Кирилова становится совершенно очевидной, если вспомнить, что после того как в его руки уже после смерти Кирилова были переданы все картографические материалы, то в деле составления русских карт не только не произошло каких-либо заметных сдвигов, но, наоборот, в 1738—1739 гг. оно почти совершенно заглохло, и Академия наук вынуждена была передать в 1740 г. эту работу группе ученых, которые, как было указано выше, успешно и завершили ее в 1745 г.

После отъезда Кирилова в Оренбургскую экспедицию Делиль при содействии президента Академии наук И. А. Корфа добился указа от 30 июня 1735 г. о передаче находившихся в Сенате ландкарт и геодезистов в ведение Академии наук [44, стр. 117]. Однако содержащееся в этом указе предписание Академии наук по всем вопросам, касающимся геодезистов и географических карт, «иметь сношение со статским советником Кириловым» как бы подчеркивало ту главенствующую роль, которую играл и продолжал играть Кирилов в топографо-картографическом деле.

Тесная связь, существовавшая между Академией наук и Кириловым, не оборвалась с отъездом последнего в Оренбургскую экспедицию. Приехав в конце 1735 г. по делам службы в Петербург, Кирилов счел необходимым зайти в Академию наук и передать в Географическое бюро для снятия копий новую, составленную им карту Башкирии и план крепости Оренбург. При этом он обещал содействовать Академии наук в составлении Генеральной карты Российской империи, а на следующий день после этого

¹⁰ Арх. АН СССР, р. I, оп. 35, № 16, л. 62.

посещения, 17 января 1736 г., в журнале Географического бюро было записано: «Геодезист Арсеньев был вчера у г. Кирилова. Последний дал ему в качестве образца карту, в соответствии с которой должны быть раскрашены генеральные карты,¹¹ и так как он просил, чтобы мы возможно скорей скопировали карту, которую он нам передал вчера, то Делиль поручил эту работу Корчевникову. Арсеньев же был занят раскрашиванием карт Кирилова».¹²

В этот же приезд в Петербург И. К. Кирилов виделся с президентом Академии наук И. А. Корфом, которому пообещал прислать из Уфы оставшиеся у него карты. Однако тех карт, которые были в переданном ему списке, составленном Делилем [44, стр. 131—132], у Кирилова не оказалось. 20 апреля 1736 г. Кирилов сообщил Корфу, что не сможет прислать всех карт, требуемых Делилем, «понеже, — писал он, — требуемых многих ландкарт еще не точию не учинено, но и описи не было; ибо сколько к тому охоты моей было, дабы всем местам ландкарты сделать, но столко и препятствовали в бытность при Сенате канцелярские дела, а, наконец, в здешней отлучке произшедшее беспокойство» [44, стр. 132—133].

За время своего пребывания в Башкирии Кирилов, несмотря на все трудности походной жизни, поддерживал с Академией наук постоянную связь. Он по-прежнему обращался в Академию со всякого рода просьбами, касавшимися печатания его карт, высылки различных книг, журналов, учебных пособий и инструментов, присылки в экспедицию необходимых ему специалистов, в том числе ботаника Аммана, архитектора Шеслера, математика и астронома Джона Эльтона и т. д. Он продолжал с неослабным интересом следить за научной деятельностью Академии и особенно в области картографии. Вместе с тем он и сам не забывал время от времени сообщать в Академию о своих достижениях в области предпринятых им в экспедиции работ по изучению природных, экономических и бытовых условий края и присылать собранные гербарии и коллекции минералов.

Так, 16 декабря 1734 г., посылая в Академию наук каталог трав и кореньев, собранных «обретающимися» с ним ботаником и аптекарем, он обещал аккуратно до-

¹¹ Карты Российской империи, изданные Кириловым в 1734 г.

¹² Арх. АН СССР, ф. 3, л. 10, № 2.

носить о всех найденных металлах и минералах [44, стр. 111]. В следующем письме, от 20 апреля 1735 г., он писал Корфу: «А что касается до натуральных вещей, тех до шестисот разных сортов собрано: а когда бог поможет Уралские горы и Яика и Белой рек береги и далее к Аральскому морю хорошенько осмотреть, то надеюсь: высокославной Академии вдруг не одну тысячу переслать» [44, стр. 113].

7 января 1736 г. в Кабинет министров поступило доношение И. К. Кирилова о посланных им с «гисториографом Гейн-Зельманом» (Гейнцельманом, — *М. Н.*) в двух боченках камнях, «сысканных около Оренбурга», и травах, с просьбой, «те каменья и травы» отослать в Академию наук.

Не менее ценными и интересными для Академии наук и особенно для И.-Н. Делиля были сообщаемые И. К. Кириловым результаты картографических работ, как его собственных, так и проводимых геодезистами, равно как и представленная в Академию записка Кирилова «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ланкарт» [6, стр. 707—709].

23 декабря 1736 г. И. К. Кирилов письмом из Мензелинска уведомил президента Академии наук Корфа о том, что он ничего «достойного к доношению не имеет», так как «все лето странствовал в башкирах, в Урале и за Уралом», что в ландкартах им «некоторое исправление учинено и сочиняютца новыя», которые он надеется «сею зимою» прислать в Академию [44, стр. 139].

Действительно, 21 февраля 1737 г. Киприанов по распоряжению Кирилова препроводил в Академию наук 24 карты, напечатанные Кириловым, в двух экземплярах каждая. Это было последнее «подношение» Ивана Кириловича Кирилова «высокославной» Академии наук, так как вскоре после этого он умер.

Заботливое и внимательное отношение Кирилова к нуждам и интересам только что основанной Академии наук, постоянная готовность оказать ей помощь и содействие в научной работе и в решении организационных вопросов связали его имя с историей этого учреждения и обеспечили ему право находиться в ряду тех передовых русских людей, которые своими трудами способствовали росту и развитию этого центра русской научной мысли.

УЧАСТИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Еще при жизни Петра I И. К. Кирилов проявлял живейший интерес к отправляемым на далекие окраины государства экспедициям, к их задачам и участникам, из которых с одними, например с капитаном Витусом Берингом, он был хорошо знаком, с другими же имел возможность встречаться и беседовать в Сенате.

Кирилов считал, что основная цель экспедиций, направляемых на Дальний Восток, должна заключаться в открытии и присоединении к России новых земель, в отыскании богатых золотом и серебром месторождений и в установлении торговых связей с Китаем, Индией и другими странами Востока. Поэтому, сожалея о том, что капитан Беринг, отправленный в 1725 г. в Первую Камчатскую экспедицию, «только одно известие, соединяется или не соединяется Америка (с Азией, — М. Н.), привезет, а о интересе настоящем от него ожидать нечего», он «искал случая, каким бы образом туда для сыскания новых земель и иных полезных дел кого возбудить» [2, стр. 35], и вскоре, по его словам, такой случай ему представился.

Зимой 1724/25 г. в Петербург приехал из Якутска казачий голова Афанасий Федотович Шестаков. Цель его приезда заключалась в том, чтобы добиться разрешения и получить средства на снаряжение экспедиции для отыскания и освоения новых земель. Неграмотный, но энергичный и настойчивый, твердо уверенный в успехе своего дела, он сумел добиться поставленной цели. Его рассказы о «Большой земле» и об островах, изобилующих соболями и другими ценными породами зверей, о возможности открытия новых земель вызвали живой интерес. В Петербурге появились составленные Шестаковым карты северо-восточной части Азии с изображением

в Северном Ледовитом океане, напротив устья р. Колымы, острова «Копая», а за ним к северу «Большой земли». Эти карты он демонстрировал в качестве доказательства правдивости своих рассказов.

В Петербурге о Шестакове ходили противоречивые слухи. Одни, по словам Кирилова, считали его человеком порядочным, другие — плутом [2, стр. 35], но к рассказам его прислушивались. Шестаков очень быстро сумел найти дорогу к высокопоставленным лицам и заручиться их помощью и поддержкой [9, стр. 258]. Задачи, которые ставил А. Шестаков перед своей экспедицией, удовлетворяли требованиям И. К. Кирилова о соблюдении «настоящего интереса». Поэтому он, в то время еще секретарь Сенатской канцелярии, осведомившись через Шестакова в достаточной мере «о тамошних местах», «приложил стараться о исполнении действием» или, иными словами, оказал Шестакову содействие в его хлопотах по вопросу об организации экспедиции. И когда, по словам Кирилова, предложение Шестакова дошло до Сената, «то довольно учинено из Сената представление тогда бывшему Верховному совету, откуда и апробация получена» [2, стр. 35].

Главная цель экспедиции Шестакова заключалась в расширении российских владений и в умножении государственных доходов за счет приобретения новых земель. Но одновременно с этим для разведки и исследования полезных ископаемых в Сенате было признано необходимым «послать с Шестаковым из Берг-коллегии рудознатца и пробовальщика из С.-Петербурха или из Сибирских заводов».¹ В качестве такого специалиста, по словам Кирилова, с экспедицией был послан «иноземец Гардеболь, отчасти знающий в пробах руд», которого он, Кирилов, «ехать в такую дальность уговорил» [2, стр. 36].

Руководитель экспедиции А. Ф. Шестаков был убит в схватке с чукчами на р. Эгаче 14 марта 1730 г., но участникам его экспедиции подштурману И. Федорову и геодезисту М. С. Гвоздеву, который тоже, видимо, не без участия Кирилова, был включен в состав экспедиции, удалось, не подозревая того, достичь в 1732 г. берегов северо-западной Америки и высадиться на о. Диомиде.

Несравненно более широкое поле деятельности открылось перед Кириловым при организации Второй Камчат-

¹ ПСЗ, т. XVII, № 5049.

ской экспедиции. Здесь он получил полную возможность для приложения своей инициативы и организаторского таланта.

По свидетельству Г.-Ф. Миллера, между Кириловым и Берингом вскоре после возвращения последнего из Первой Камчатской экспедиции установились тесные деловые взаимоотношения. Они часто встречались [31 стр. 253]. Кирилов был несомненно знаком с содержанием поданного Берингом 4 декабря 1730 г. по распоряжению Сената «Известия» о том, «что в Сибири, в Восточном краю признаваецца к пользе государству».² В этом «Известии» Беринг предложил ряд мероприятий, направленных на устройство далекой окраины и на устранение некоторых трудностей и недостатков, с которыми ему пришлось столкнуться в бытность в экспедиции.

Глубоко убежденный в необходимости снаряжения и отправки Второй Камчатской экспедиции, Кирилов со своей стороны в 1731 г. сочинил проект «о тамошних местах и пользах» и о том, «что ныне иного и ближнего пути, как чрез Охоцк, нет, с показанием довольных резонов». Этот проект он вручил генерал-прокурору графу П. И. Ягужинскому, «ибо иного случая при дворе не имел». И после того как проект был одобрен Анной Иоанновной и Ягужинский «в Сенате объявил ея императорского величества конфирмацию», то, по словам Кирилова, «о учреждении в добрый порядок и о умножении людьми, и о заводе хлеба и скота, и о прочем в Охоцке и на Камчатке действительно зачало возымелось» [2, стр. 35].

Постановление «о размножении Охоцкого порта и протчих тамошних мест» П. И. Ягужинский сообщил Сенату 27 февраля 1731 г. «Ея императорское величество, — писал он, — указала Григорья Писарева, который послан в Сибирь и ныне за Якуцком в Жиганском зимовье, определить в Охоцк и дать ему полную команду над тем местом, и чтоб он то место людьми умножил и хлеб завел, и пристань с малою судовою верфью, также несколько морских судов для перевозу на Камчатку и оттуда к Охоцку казенной мяжкой рухляди и купецких людей с товарами и для других потреб сделал. И о том о всем определение учинить в Сенате, дабы то яко новое место с добрым при-

² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 666, лл. 77—82.

бытком к пользе и прибыли государственной приведено было». ³

К сообщению Ягужинского было приложено «При первом случае о Охоцке рассуждение», ⁴ или проект мероприятий, направленных на «размножение Охоцкого порта и протчих тамошних мест». По-видимому, это и был тот проект «о тамошних местах и пользах», который был сочинен и вручен Кириловым Ягужинскому.

В проекте были частично использованы предложения Беринга и вместе с тем была дана развернутая программа освоения Дальневосточного края и намечен ряд мероприятий по созданию там надежного опорного пункта для упрочения политических и экономических позиций России на Тихом океане и на северо-востоке Азии. В качестве такого опорного пункта намечался Охотск, потому что от Якутска до Камчатки в то время «инога и ближнего пути, как через Охоцк», по словам Кирилова, не было. Охотску как опорному пункту уделялось особое внимание. Для его заселения рекомендовалось послать туда «нестарых и неувечных людей, осужденных на каторгу или в ссылку, и определить их по прибытии в Охотск в службу, в мастерства и в работы, и на пашню». ⁵ Кроме того, предлагалось отправить туда на житье 300 служилых людей из Якутска.

Одновременно намечались мероприятия по организации в районе Охотска и на Камчатке сельского хозяйства. В связи с этим предусматривался завоз туда лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, а также раздача «безденежно» и безвозвратно «переведенцам и другим, кто пахать станут», ⁶ семян для посевов.

Для распространения среди местных жителей христианства и просвещения намечалось строительство церквей и при них школ для обучения детей туземцев грамоте. Сверх того, рекомендовалось завести «нарочную школу не для одной грамоты, но и для цифири и навигации» и «жалованье малое для содержания учеников» давать, чтобы могли «люди к службе знающие вырастать, а не дураками оставатца». ⁷

³ Там же, л. 52.

⁴ Там же, лл. 52—57.

⁵ Там же, кн. 664, л. 75.

⁶ Там же, л. 71—71 об.

⁷ Там же, л. 75—75 об.

В проекте был предусмотрен также ряд мероприятий, направленных на развитие торговли. Так, в целях привлечения в Охотск купечества было признано необходимым предоставлять купцам особо льготные условия торговли. Предлагалось найти пути к свободному торгу с Японией, но одновременно с этим подчеркивалась необходимость установления с японским народом дружественных отношений. Поэтсму в случае появления у берегов Камчатки японцев, занесенных бурей, рекомендовалось, «не грабя и не озлобляя», отвозить их «в Японию по-прежнему в их жилища, и тем подать притчину дружбы и искать способа к свободному торгу».⁸

Все эти предложения И. К. Кирилова были одобрены Сенатом и почти целиком вошли в инструкцию, данную 31 июля 1731 г. Г. Г. Скорнякову-Писареву,⁹ который, как указывалось выше, был назначен главным командиром Охотского края.

17 апреля 1732 г. появился указ об организации под начальством капитана-командора Витуса Беринга Второй Камчатской экспедиции. Около года потребовалось на разработку программы деятельности экспедиции и на составление инструкции для нее. В разработке этих документов принимали участие главным образом Сенат и Адмиралтейская коллегия, несколько позже к этому делу была привлечена также и Академия наук. Наконец, 16 марта 1733 г. в специальном заседании Сената был утвержден указ, содержащий в себе 25 пунктов, подробно регламентировавших деятельность экспедиции. Несколько раньше руководителю экспедиции была вручена составленная Адмиралтейской коллегией инструкция, касавшаяся вопросов мореплавания.

Экспедиция подразделялась на семь отрядов общей численностью в 977 человек. Первый, главный отряд под командованием В. Беринга и А. И. Чирикова должен был идти к берегам Америки, второй под руководством М. П. Шпанберга направлялся к Японии. Пять остальных отрядов должны были исследовать и нанести на карту северные берега Европейской и Азиатской России, начи-

⁸ Там же, л. 78—78 об.

⁹ Там же, кн. 666, лл. 65—72. Опубликовано в ПСЗ, т. VIII, № 5813.

ная с устья Северной Двины до устья Оби, от Оби до Енисея, от Енисея до Лены и от Лены до Колымы, а затем вокруг Чукотского полуострова до берегов Камчатки. Сверх того, в состав экспедиции входила еще академическая группа, имевшая особые штаты.

Таким образом, по обширности района своего действия и по колоссальности своих размеров Вторая Камчатская экспедиция была мероприятием, не имевшим до этого времени себе равного в истории географических исследований.

Официально было объявлено, что экспедиция посылается для окончательного решения вопроса о том, существует ли проход из Северного Ледовитого океана в Тихий океан, хотя для некоторых государственных деятелей того времени, и в частности для Кирилова, в этом вопросе не было никаких сомнений. В поданной им в 1733 г. в Сенат Записке, указывая, что в задачу Второй Камчатской экспедиции входило «подлинно проведать», могут ли корабли «Северным морем проходить до Камчатского или Полуденного океана моря», он в скобках добавлял: «Я по исследованию некоторых конечную надежду имею, что могут» [2, стр. 35]. По-видимому, эта уверенность была у него и при составлении им карты Камчатки и сопредельных стран, на которой показан свободный проход морем из Северного в Тихий океан.

Кроме этой официально объявленной цели, экспедиция должна была произвести всестороннее исследование морского пути из Архангельска на Камчатку, найти пути в Америку и Японию и открыть новые, никому не принадлежащие земли и острова на Тихом океане. Вместе с тем в ее задачу входила разведка полезных ископаемых, составление на основе астрономических наблюдений и описаний географических карт исследуемых районов, изучение нравов, обычаев и быта туземцев и т. д.

Работа экспедиции продолжалась в течение 10 лет (1733—1743 гг.). За это время ею были исследованы значительные внутренние территории Сибири, Камчатки, Курильские острова, обнаружены гряды Алеутских и Командорских островов, открыта часть побережья северо-западной Америки, описаны и положены на карту берега Северного Ледовитого океана от о. Вайгач и Карского моря до Большого Баранова мыса. Одновременно с этим вкладом в географию, участники экспедиции внесли серьез-

ный вклад в гидрографию, заложили основы океанографии Северного Ледовитого океана и обогатили науку большими и разносторонними материалами по геологии, зоологии, этнографии, археологии и истории Сибири.

Деятельное участие в организации и снаряжении Второй Камчатской экспедиции принял и И. К. Кирилов. Многочисленные указы, изданные Сенатом по вопросам организации экспедиции и разосланные «за закрепкою» обер-секретаря Ивана Кирилова, черновики этих указов, инструкций, писем и доношений с его пометами и исправлениями, сохранившиеся в большом количестве в архивах, свидетельствуют о той большой работе, которая была проделана Кириловым при снаряжении экспедиции по своей прямой должности обер-секретаря Сената. По-видимому, эту работу имел в виду Кирилов, когда писал, что при организации экспедиции «Сенат с Адмиралтейской коллегиею, с Академией наук сносился, изыскивая чем бы совершенно желаемой пользы достигнуть», и он, Кирилов, «сколько возможно по должности своей трудился [2, стр. 36]. Особенно много труда и энергии внес Кирилов в дело снаряжения и отправки академической группы экспедиции во главе с профессорами Г.-Ф. Миллером и И.-Г. Гмелиным. Пользуясь своим служебным положением и обширными знакомствами, Кирилов содействовал по возможности скорейшему проведению всех мероприятий, связанных со снаряжением и отправкой этой группы, и вскоре, по словам Г.-Ф. Миллера, сделался главной пружиной всего этого дела [31, стр. 253].

Частый гость в стенах Академии наук, он внимательно следил за всеми проводившимися там мероприятиями, связанными со снаряжением и отправкой экспедиции. Он живо интересовался работой Делиля, составлявшего ориентировочную карту плавания экспедиции в водах Тихого океана, просматривал подготовлявшиеся в Академии наук инструкции для участников экспедиции, принимал деятельное участие в комплектовании академической группы. По словам Миллера, не кто иной, как И. К. Кирилов, уговорил его ехать в экспедицию вместо заболевшего Гмелина и, получив согласие, помог быстро провести его назначение через Сенат [31, стр. 270—271].

Участники академической группы экспедиции обращались непосредственно к Кирилову по самым разнообраз-

разным вопросам, касавшимся снаряжения и отправки экспедиции.¹⁰

Всякого рода трудности и ведомственные неувязки сильно тормозили отправку академической группы. Особенно много хлопот было с получением надлежащего количества подвод. Так, 26 июля 1733 г. профессора, отправлявшиеся в Камчатскую экспедицию, жаловались, что «уже четыре недели прошло, как они со всею своею свитою и багажом в путь готовы, а за потребными подводами и по сие время остановку имеют».¹¹ Не менее сложно обстоял вопрос и с получением судов для путешествия по воде из Петербурга до Бронниц. «Г-н секретарь Черкасов, — писал Миллер Кирилову 28 июля 1733 г., — прислал к нам сего дня по утру судно для отправления нашей свиты отсюда до Бронниц. Но понеже над оным никакой покрывки нет, а мы еще и о том сомневаемся, чтоб оно величиною довольно было, того ради мы г-на секретаря просим, чтобы помянутое судно по нашему приказанию покрыть, а ежели оно величиною будет недоволено, то б еще одно небольшое про нас промыслить велено было, чтоб мы на первых днях будущей недели отсюда конечно отправиться могли».¹²

Но через неделю возникли новые трудности. Судно по своим размерам оказалось недостаточным для размещения всех отъезжающих, и поэтому было решено часть участников экспедиции отправить сухим путем, но для этого нужны были подводы и необходимо было решить вопрос об их оплате, и опять Миллер обращается к Кирилову за помощью и содействием.¹³

Заботы и хлопоты Кирилова по делам экспедиции не закончились с ее отъездом. Участники экспедиции продолжали обращаться к нему за помощью и советами и в случае каких-либо затруднений, с которыми им приходилось сталкиваться как в дороге, так и по прибытии к месту их назначения.

И. К. Кирилов возлагал большие надежды на успешное осуществление задач экспедиции, связывая их с самыми широкими и смелыми политическими и экономическими планами России на Дальнем Востоке. Свои мысли

¹⁰ Арх. АН СССР, ф. 21, оп. 2, № 24, л. 8—8 об.

¹¹ Там же, л. 11 об.

¹² Там же, л. 12.

¹³ Там же, лл. 14—15.

по этому вопросу он изложил в не однажды уже цитируемой Записке 1733 г.¹⁴ Эта Записка была составлена уже после отъезда экспедиции и была посвящена двум наиболее актуальным вопросам: Камчатским экспедициям и переходу в русское подданство казахов и каракалпаков.

В первой части Записки, касающейся Камчатских экспедиций, Кирилов дает интересные сведения об организации этих экспедиций, о задачах, поставленных перед ними, и о тех выгодах и преимуществах, которые может извлечь Россия из этого предприятия.

И. К. Кирилов надеялся, что открытие северо-западных берегов Америки позволит расширить границы русских владений на востоке за счет еще не занятых никем земель, а на юге распространить господство России на все острова, «подлинно никому не подвластные» вплоть до самой Японии, «только бы, — добавлял Кирилов, — к нынешнему началу не ослабевали впредь помощью». Это давало возможность, по его мнению, надеяться на получение из этих стран со временем, «без войны, ласкою» драгоценных металлов. Он предвидел, что европейские страны, владевшие колониями в Америке, будут недовольны такой политикой своих русских соседей. «Знаю, — писал он, — что гишпанцам сие не любо будет», тем более, что, по словам Кирилова, «от гишпанцов весьма народ тамошней ожесточен» и, спасаясь от гнета и произвола колонизаторов, будет искать убежища в русских владениях. У нас же «жестокое подтверждено, — пишет дальше Кирилов, — таких народов не озлоблять (о чем особливо имею труд в сочинении полной инструкции камчатскому командиру, коя годится для всех диких народов)». К сожалению, эта инструкция не найдена, но указание на то, что она действительно составлялась, имеется в докладе Сената 11 марта 1733 г. «О мерах против разорения ясапных камчатских инородцев сборщиками и управителями». «И по силе того (указа 28 декабря 1732 г., — *М. Н.*) в Охоцк, — говорится в докладе, — в главные командиры в Сенате

¹⁴ ЦГАДА, ф. Миллера, № 199, портф. № 512, д. 1. Напечатана в кн.: А. И. Д о б р о с м ы с л о в. Материалы по истории России, т. I. Оренбург, 1900, стр. 1—50. Кроме того, первая часть Записки, касающаяся Камчатских экспедиций, опубликована: А. И. А н д р е е в. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII в. Изв. Всесоюз. геогр. общ., т. 75, вып. 2, 1943, стр. 35—39; А. В. Е ф и м о в. Из истории великих русских географических открытий. М., 1950, стр. 288—292.

выбран действительный статский советник Матвей Воейков, которому сочиняется в Сенате полная инструкция — одна публичная для объявления тамошнему народу,¹⁵ а другая для воевод и управителей об управлении тамошних народов, в великой обширности обретающихся, и прочих дел» [43, т. 106, стр. 210].

Овладение «никому не подвластными островами», лежащими между Камчаткой и Японией, открывало путь к установлению торговых связей с Японией. «К размножению же сей новой восточной коммерции» И. К. Кирилов считал, что «Россия особливо от бога одарена», имея в виду возможность удобной доставки товаров к Охотску по широко разветвленной сети сибирских рек. «Через всю Сибирь, — писал Кирилов, — натуральные каналы, то есть реки великия, пролегли, по которым суда с товарами способно ходить могут, и только в трех местах и то небольшие сухим путем переволоки». Этот речной путь, по мнению Кирилова, может быть использован в том случае, «ежели прямо морем от города (Охотска, — *М. Н.*), конечно, путь неудобной освидетельствован будет».

Далее И. К. Кирилов отмечает те преимущества, которые будут иметь русские купцы перед европейскими, «кои ходят в Ост- и Вест-Индию». Русским купцам не нужно будет «под экватор подъезжать и солнечный зной терпеть», равно как не нужно будет бояться «морских разбойников», а также понапрасну издерживаться «в проезде у чужих портов», так как у нас все те издержки «поданным же в пользу придут».

Наличие в Охотском море своего порта и некоторого количества судов при нем, по мнению Кирилова, имело громадное значение для России не только с точки зрения развития и укрепления торговых связей со странами Востока, но и с точки зрения обороны страны.

Открытия и научные исследования, произведенные участниками Второй Камчатской, или Великой Северной, экспедиции, внесли ценный вклад в мировую науку, и в ряду славных имен участников и организаторов экспедиции должно по праву занять свое место и имя обер-секретаря Сената И. К. Кирилова, который положил много сил и труда для успешного осуществления этого большого и полезного дела.

¹⁵ Опубликовано 21 мая 1733 г., см.: ПСЗ, т. IX, № 6407.

ОРЕНБУРГСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

В 30-х годах XVIII в. начался добровольный переход казахов в русское подданство, подготовленный длительными экономическими и политическими связями, установившимися между русским и казахским народами. Еще в 1716—1718 гг. казахские ханы Тауке и Абулхаир обращались к России с просьбами об оказании военной помощи, ставя одновременно вопрос и о принятии казахов в русское подданство [24, стр. 235—236]. В 1726 г. хан Абулхаир вновь ходатайствовал от имени старшин Младшего жуза о принятии казахского народа в количестве 40 тысяч кибиток «под протекцию» России. Поскольку ответ царского правительства на обращение хана задержался, то в сентябре 1730 г. хан снова отправил послов в Петербург с просьбой о защите от нападения джунгар и о принятии его и подвластного ему народа в русское подданство. На этот раз его просьба была удовлетворена, и 30 апреля 1731 г. для приведения казахов к присяге в Младший жуз был направлен переводчик Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев. 18 октября 1731 г. старшины Младшего жуза во главе с Абулхаиром присягнули на подданство России, а в следующем году были приведены в подданство часть Среднего жуза и каракалпаки. Успешно завершив, таким образом, свою миссию, Тевкелев в начале 1733 г. вернулся в Петербург.

Все эти события побудили Кирилова выступить с двумя проектами, изложенными во второй части уже упоминавшейся выше Записки 1733 г. [3, стр. 1—34] и в «Нижайшем представлении и изъяснении о киргиз-кайсацкой и каракалпакских ордах» [4, стр. 34—50], поданном в Сенат в 1734 г.

В своих проектах он выдвинул ряд конкретных мероприятий, имевших целью закрепить казахов и каракалпаков в русском подданстве, обеспечить безопасность юго-

восточных границ России, установить торговые связи с Индией и странами Средней Азии. Одним из наиболее действительных средств для достижения этой цели он считал сооружение русской крепости в устье р. Ори. «Но всего лутче, — писал он, — что. . . желает Абул-хаир-хан российскую крепость, близкую к его владению, построить, от которой себе защиты надеется».

Далее Кирилов выдвигал в проекте ряд мероприятий, связанных со строительством города-крепости при устье р. Ори. В целях скорейшего заселения нового города он предлагал пожаловать городу широкие привилегии и в том числе разрешить всем русским, бухарским, хивинским, ташкентским, индийским и другим купцам свободно селиться там.

Строительство города и крепости Кирилов считал возможным осуществить силами пришлого населения Башкирии: татар, черемисов и чувашей, которые, по его словам, назывались в Башкирии тептерями, т. е. людьми, поселившимися на башкирских землях и получившими земли в наем «по записям», и бобылями, т. е. людьми, не имеющими «в найме записей». Кирилов предлагал набрать таких людей тысяч двадцать, а в случае надобности и больше, полагая, что их труд обойдется в значительной мере дешевле труда русских крестьян, присылаемых из русских городов и уездов «со многим трудом и убытком» на строительство пограничных линий.

Для того чтобы побудить к приезду в новый город «киргиз-кайсаков, каракалпаков и башкирцев и иных таких же народов», он советовал «поступать политически», а именно отвести каждому народу особые слободы и дома, построенные в соответствии с их нравами и обычаями, соорудить в городе каменные мечети, открыть школы и построить дома для приема приезжающих в город ханов.

Выдвинутые Кириловым в Записке 1733 г. предложения были в значительной мере дополнены и развиты им в «Нижайшем представлении и изъяснении о киргиз-кайсацкой и каракалпакских ордах», поданном в Сенат в следующем, 1734 г.

Свое представление Кирилов начинает с краткой характеристики трех казахских жузов, или, по его терминологии, киргиз-кайсацких орд. Указав их численность и места кочевков, он отмечает, что до тех пор, пока орды жили между собой в мире и согласии, они имели в своем

владении «знатныя провинции и города: Туркестан, Сайрам, Ташкент» и др. Но как только между ордами начались раздоры, то «зюнгорский калмыцкий владелец Контайша у них все оныя провинции отнял» и с тех пор «все те киргиз-кайсацкие орды с зюнгорскими калмыками в непрестанной войне» находятся [4, стр. 35].

Принятие казахами русского подданства Кирилов прежде всего расценивал как событие, имевшее важное значение с точки зрения прекращения их непрестанных опустошительных набегов на юго-восточные границы России и на караваны русских купцов, направлявшихся в страны Средней Азии. «По ныне они были неприятели, — писал он, — и непрестанно российским, казанским, яицким, волжским, уфимским, сибирским граничным жителем воровския малыми партиями нападения чинили и ежегодно, как скот, пленников отгоняли и продавали в работу в Бухарию и в Хиву, купецкие караваны разбивали и многия пакости делали, о чем хотя публично неведомо и невидно, но токмо одно рассудить надлежит, что в Хиву и Бухары таких русских пленников натаскано и обретается там в работах многия тысячи, oprичь иных владений, куда також де развозятца. А как будут оныя киргиз-кайсаки в российском подданстве, которых во всех ордах больше ста тысяч человек есть, тогда гораздо покойнее в российских помянутых владениях будет» [4, стр. 37]. Однако, не особенно надеясь на киргиз-кайсаков, которые не раз уже отступали от принятых обязательств, Кирилов считал необходимым сооружение не только города-крепости на р. Ори, но и ряда крепостей по рр. Яику и Самаре. Эти укрепления должны были стать надежной защитой русских границ от набегов степных кочевников и в том числе от тех же казахов, если бы они вздумали нарушить присягу и напасть на русские владения.

Город при впадении р. Ори в Яик был необходим не только для обороны русских пограничных земель, но и «для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх и Индию» [4, стр. 40]. Дорога в Индию из вновь построенного города предполагалась сначала «сухим путем и реками» до Аральского моря, где намечалась, по проекту Кирилова, пристань, а затем Аральским морем и р. Аму-Дарьей «до самой Бухарии и Водокшан и, почитай, до границ индейских судами» [4, стр. 40]. Кирилов полагал, что новый транзитный путь, пролегаю-

пций через владения только что пришедших в русское подданство казахов и каракалпаков, будет несравненно более удобным, близким и безопасным, нежели путь в Индию через Астрахань, Хиву и Бухару. Это обстоятельство, равно как и широкие торговые привилегии, которые просил Кирилов пожаловать новому городу, должны были, по его мнению, обеспечить мощный приток в город русских и иноземных купцов и товаров и в ближайшем будущем превратить его в оживленный торговый центр, связывающий европейские и азиатские рынки.

Кирилов предвидел, что стремление России распространить свое влияние на страны Средней Азии неизбежно встретит сопротивление со стороны Джунгарии, которая уже встала на путь расширения своих владений за счет среднеазиатских ханств. Поэтому он выдвинул ряд предложений, осуществление которых должно было устранить напряженность обстановки, создавшейся в результате столкновения интересов России и Джунгарии [4, стр. 39].

Большое место в проекте Кирилова было отведено Башкирии, которая вошла в состав централизованного многонационального Русского государства в 50-х годах XVI столетия. Находясь в состоянии феодальной раздробленности, башкиры не могли оказать должный отпор своим соседям — ногайским, казанским и сибирским ханам и казахским феодалам, которые стремились завладеть их кочевьями и облагали их тяжелыми податями. Поэтому они вынуждены были обратиться к царю Ивану IV с просьбой о защите и принятии их в русское подданство. Московское правительство охотно пошло навстречу желанию башкир, так как это давало ему возможность не только значительно увеличить свои доходы за счет ясачных платежей, но и использовать башкир для охраны юго-восточных границ государства. Башкиры получили от Ивана Грозного жалованную грамоту, закреплявшую за ними право на занимаемые ими земли, и за это обязались платить ясак и участвовать в дальних походах царя и нести службу по охране границ Башкирии.

Значительно возросшее в середине XVII в. строительство русских городов и крепостей в Башкирии влекло за собой усиленную раздачу башкирских земель и угодий русским служилым людям. Это обстоятельство, равно как и введение новых налогов и пошлин, а также лихоимство

и злоупотребления царской администрации, вызывало сильное недовольство башкир, которое, постепенно возрастая, стало проявляться в форме длительных и кровопролитных восстаний. Причины башкирских восстаний всякий раз были различны, но в их основе лежал протест народа против царского гнета и насилия. Эти восстания причиняли много бедствий русскому населению Башкирии и большие убытки государству, в особенности, когда они втягивали в свою орбиту соседние народности: татар, казахов, каракалпаков, — и, получая широкий размах, превращались в грозную силу, для подавления которой царизму требовалось немало сил.

Начиная с 30-х годов XVIII в. царское правительство в своей политике по отношению к Башкирии особенно настойчиво начало стремиться к двум целям: во-первых, к более полному экономическому освоению и использованию природных ресурсов Башкирии и, во-вторых, к прекращению непрерывных волнений в Башкирии. В строгом соответствии с этой политикой царизма Кирилов выдвигал в своем проекте мероприятия для водворения полного спокойствия в Башкирии и предотвращения серьезной опасности, могущей грозить России в случае объединения башкир с их столь же беспокойными соседями, в частности с теми же казахами.

Для достижения намеченной цели Кирилов считал необходимым сооружение города-крепости в тылу Башкирии и военных укреплений на ее границах с Казахскими степями. Однако, не надеясь на то, что эти военные укрепления смогут оказать необходимый отпор объединенным силам кочевников, он рекомендовал не пренебрегать и старым и давно испытанным средством, основанном на том, чтобы ослаблять силы противников — башкир, казахов и калмыков, поддерживая существовавшую между ними вражду. С другой стороны, Кирилов предлагал создать твердую опору в среде самих башкир путем привлечения на сторону царского правительства представителей их господствующего класса — тарханов. Подтвердив подарками и обещаниями «их древние тарханские обычаи и вольности» [3, стр. 20], он надеялся привлечь их к несению военной службы по охране границ и вновь основанного города.

Кроме мероприятий военно-политического характера, в проекте Кирилова имелся ряд предложений, касавшихся

таких вопросов, как хозяйственное освоение природных богатств Башкирии, развитие там таких промыслов, как добыча илецкой соли, слюды, разработка месторождений медных, железных и других руд и т. д. Не в меньшей степени интересовали Кирилова и природные ресурсы соседних с Башкирией стран, в частности Каракалпакии.

Оба проекта Кирилова составлены с большим знанием дела и сложной внешнеполитической обстановки, имевшей место в то время. Видно, что автор обладал довольно обширными для того времени сведениями о географии Средней Азии, ее населении, природных богатствах, внутреннем политическом устройстве и о военных силах многочисленных крупных и мелких ханств, находившихся на ее территории. Кроме того, некоторые идеи, высказанные Кириловым, в частности касающиеся необходимости утверждения экономического и политического влияния России на страны Средней Азии, были не новыми. Эти идеи высказывал и к их осуществлению стремился Петр I. Но то, что Кирилов, подхватив их, продолжал настойчиво выдвигать их, свидетельствует о его политической дальновидности, ибо под влиянием складывающейся международной обстановки эти идеи, приобретая в дальнейшем все возрастающую актуальность, получили свое осуществление во второй половине XIX в.

1 мая 1734 г. «Нижайшее представление и изъяснение о киргиз-кайсацкой и каракалпакских ордах», как вполне отвечающее интересам и стремлениям царского правительства, получило одобрение. Кирилову было поручено организовать экспедицию и отправиться во главе ее в Башкирию для осуществления всех намеченных мероприятий. При Кирилове повелено было «быть мурзе Алексею Тевкелеву», т. е. переводчику Коллегии иностранных дел Мамету (или Алексею Ивановичу) Тевкелеву, ездившему в 1731 г. в Казахстан.

Перед отъездом в «Известную», как она называлась, экспедицию Кирилов и Тевкелев были произведены в чины: первый — в чин статского советника с окладом в 3000 руб. в год, второй — в чин полковника. При этом Кирилову была вручена инструкция, в которой подробно были изложены те задачи, решением которых он должен был заняться по прибытии к месту своего назначения.

Прежде всего он должен был построить при устье р. Ори город и «офундовать его жителями», стараясь при этом широкими привилегиями, пожалованными новому городу, привлечь туда возможно больше как русских, так и иностранных купцов и ремесленников.

Для того чтобы наладить торговые связи нового города со странами Востока, Кирилов должен был немедленно после основания города направить «малый караван с товарами прямо в Бухарию и куда можно далее» [21, т. 1, стр. 68]. Одновременно ему предписывалось производить разведки месторождений серебра, золота и других полезных ископаемых в башкирских киргиз-кайсацких и каракалпакских владениях.

Кроме всего этого, И. К. Кирилову вменялось в обязанность проведение в жизнь целого ряда мероприятий, так или иначе связанных с основными задачами экспедиции и в большинстве случаев намеченных им же самим в его проекте.

Не теряя времени, Кирилов приступил к организации порученной ему экспедиции. 28 мая он представил в Сенат ходатайство «о нуждах экспедиции» и «роспись» потребных ему людей в количестве около ста человек. В числе намеченных участников экспедиции были офицеры армии и флота, военные инженеры, геодезисты, архитектор, математик-астроном, ботаник, священник, переводчик, канцелярские работники, боцманы, матросы, капралы, солдаты, рабочие и т. д. 3 июня он подал в Сенат уже «именную роспись» на 75 человек, надеясь остальных набрать по приезду в Москву.

Намереваясь во время пребывания в экспедиции продолжить свои работы в области картографии, И. К. Кирилов получил у императрицы Анны разрешение поддерживать связь с Академией наук, «со обретающимися ныне в губерниях и провинциях геодезистами и посылать их из места в место, где будет нужда оканчивать, а особливо астрономические обсервации учинить и по тем обсервациям. . . зачатый Атлас и Генеральную верную карту оканчивать» [21, т. 1, стр. 81—82].

Ходатайство Кирилова было удовлетворено, но, не довольствуясь этим, он включил еще в именную роспись участников экспедиции лучших геодезистов.

Указом от 7 июня 1734 г.¹ новому городу, который предполагалось построить на р. Ори, было присвоено наименование «Оренбург» и даны широкие привилегии. Подлинник указа, завернутый в парчу с золотыми кистями и шнурами, был вложен в серебряный и вызолоченный ковчег, который был вручен Кирилову 15 июня императрицей Анной во время данной ему по этому случаю аудиенции. И в тот же день И. К. Кирилов выехал из Петербурга, а через две недели после его отъезда в Москву выехал из Петербурга сформированный им экспедиционный отряд во главе с поручиком П. С. Бахметевым.

В Москве И. К. Кирилов продолжал энергичные хлопоты по снаряжению экспедиции и по подыскиванию и набору людей. Здесь ему пришлось столкнуться с большими трудностями, в особенности при комплектовании состава экспедиции учеными, которые могли бы на месте производить научные изыскания и исследования. Так, несмотря на настойчивые уговоры и просьбы, ему не удалось привлечь к участию в экспедиции ученых Академии наук, в частности профессора И. Аммана «для натуральной истории и физики» и архитектора К.-Ф. Шеслера «для публичных и частных строений» [21, т. 1, стр. 83]. Ехать в экспедицию Амман и Шеслер категорически отказались. Вместо профессора И. Аммана Кирилову пришлось взять в экспедицию ученого-ботаника Иоганна Готфрида Гейнцельмана, до того времени служившего в походной канцелярии фельдмаршала Миниха.

«Для усмотрения подлинной длины и широты новых мест, а паче ко описанию Аральского моря и рек знатных, по которым судам ходить надлежит», Кирилов просил назначить в экспедицию знающего математику и «астрономии часть» английского капитана Джона Эльтона, который «привез в Академию математические своей инвенции инструменты» [21, т. 1, стр. 83]. Переговоры Кирилова с Эльтоном начались в середине мая 1734 г., но вследствие того, что стороны никак не могли прийти к соглашению по вопросу о вознаграждении, которое должен был получать Эльтон, последний начал работу в экспедиции лишь в конце 1735 г.

¹ ПСЗ, т. IX, № 6584.

Много времени и труда стоило также Кирилову найти для экспедиции «ученого священника», так как среди собранных 29 августа 1734 г. по его ходатайству Синодом ученых священников московских церквей никого «самоохотно желающих ехать в экспедицию» не нашлось. Неудачной также оказалась попытка подобрать будущего священника из числа школьников Киевской и Московской славяно-греко-латинской академии.

Правда, 2 сентября 1734 г. И. К. Кирилову был «объявлен» в московской Синодального правления канцелярии представленный из Академии «к посвящению в попы школы риторики ученик Михайло Ломоносов». Кирилов, по-видимому, имел возможность познакомиться и побеседовать с Ломоносовым, потому что сообщил в вышеозначенную канцелярию, что «тем школьником по произведении его во священство будет он доволен» [10, стр. 70]. Однако уже через два дня кандидатура М. В. Ломоносова отпала, так как кандидат вынужден был сознаться на допросе, что он не сын холмогорского попа, как он назвал себя вначале, а сын крестьянина. 23 сентября вторично были собраны ученые священники московских церквей, и на этот раз среди них нашелся Антипа Мартианов (или Мартемьянов) Лямин, который согласился ехать в Оренбургскую экспедицию и был туда направлен.

Кроме указанных выше лиц, И. К. Кирилов зачислил еще в состав экспедиции Джона Касла (John Castle), или Ягана Касселя, как он назывался в русских документах того времени. С Касселем был заключен контракт на три года, по которому он обязался «не токмо все то, что до живописной работы касается, исполнять, но и всякие преспекты снимать и рисовать, и изобретаемые натуральные всякие вещи: металлы и минералы в настоящем подобии изображать», а также обучать «малярному художеству» трех специально прикомандированных к нему «из Московской Спасской академии» учеников [27, т. 3, стр. 332—333].

Снабжение экспедиции инструментами и книгами указом Сената было возложено на Академию наук. По требованию Кирилова Академия должна была доставить в экспедицию верстовые коляски, астрономические часы «для обсервации», математические и астрономические инструменты, указанные капитаном Эльтоном, инструменты хирургические, книги новых и лучших авторов по астро-

номии, математике, физике, химии, медицине, «натуральной истории», горному делу, ботанике и истории. Кроме того, Кирилов просил доставлять в экспедицию «Куранты с примечаниями» и все новые, выпускаемые Академией наук книги и «грыдорованные фигуры». Намереваясь открыть в Оренбурге школу, Кирилов в список необходимых для экспедиции книг включил и учебники: немецкие, французские и латинские азбуки, «книги риторические, исторические и поэтические», а также библии на немецком, французском и латинском языках.

В Москве Кирилов заинтересовался работой по составлению плана Москвы под руководством архитектора Ивана Мичурина и обнаружил в работе геодезистов ряд недостатков, тормозивших составление плана. В связи с этим он направил в Московскую сенатскую контору доношение, в котором, указав замеченные им недостатки, предложил меры к их устранению. Принятие этих мер, по его мнению, должно было обеспечить быстрое окончание съемочных работ и возможность напечатать план таким же образом, как «знатных европейских городов Рима, Парижа, Лондона и иных планы печатаютца» [53, стр. 110]. Предложения Кирилова легли в основу указа Сената, изданного 18 октября 1734 г. Однако судить об эффективности их не представляется возможным, потому что, по-видимому, какие-то новые затруднения, возникшие уже после отъезда Кирилова, затормозили работы по составлению плана Москвы и он был закончен лишь в 1739 г.

В Москве Кирилов пробыл около двух месяцев. Набрав необходимых ему специалистов, закупив экспедиционное оборудование, получив снаряжение для воинских частей, он погрузил экспедицию на одиннадцать судов и 25 августа выехал в Казань, прибыв туда в начале октября. Приняв здесь Пензенский полк и артиллерию, он санным путем направился в Уфу, куда и приехал 10 ноября 1734 г.

В Уфе должны были сосредоточиться все военные силы, предназначенные для осуществления целей Оренбургской экспедиции. Кроме уже имевшегося в распоряжении И. К. Кирилова Пензенского полка и Уфимского гарнизонного батальона, а также отправленного к нему в Уфу с Царицынской линии Вологодского полка, он должен был на месте сформировать несколько дра-

гунских рот из уфимских дворян и казаков [39, стр. 119].

Ожидая прибытия Вологодского полка, И. К. Кирилов деятельно готовился к предстоящему походу на р. Орь: заключал договора на поставку провианта и закупал лошадей. Для облегчения подвоза провианта из сибирских слобод в новый город он построил при впадении р. Урледы в Яик Верхне-Яицкую пристань и крепость, снабдил ее провиантом, артиллерией и артиллерийскими припасами, направил туда «адмиралтейских служителей для делания судов» и т. д. Воспользовавшись приездом в Уфу в начале 1735 г. индийского купца Маравия Бараева и ташкентских купцов, Кирилов повел с ними переговоры об установлении непосредственных торговых связей между Ташкентом, Индией и Россией и заручился их согласием на присылку в следующем году караванов в новый город Оренбург.

Подготавливаясь к походу на р. Орь и к сооружению города-крепости, предназначенного для защиты внешней границы Башкирии, Кирилов не забывал об обеспечении безопасности русского населения внутри страны. Исходя из соображений, что Уфа, Бирск и Мензелинск в случае нападения башкир, «ежели в них не будет надежных войск», помощи получить ни откуда не смогут, он представил в начале 1735 г. в Сенат проект «О учреждении драгунских лантмилицских рот».²

Кроме обеспечения безопасности русского населения внутри Башкирии, большую роль в проекте Кирилова играл вопрос о распространении в Башкирии земледелия.

Основным занятием башкир было кочевое и полукочевое скотоводство, земледелием же занималась лишь незначительная часть населения, поэтому своего хлеба едва хватало для местного населения и то не всегда. Подвоз же его как из Казанской губернии, так и из Зауральских русских слобод был сопряжен с большими трудностями. В связи с этим вопрос об организации производства хлеба в самой Башкирии приобретал первостепенное значение. Учреждение «лантмилицских рот» было первым шагом в направлении его решения.

² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 750, лл. 361—363.

Основным занятием ландмилиционеров, по мысли И. К. Кирилова, должно было быть хлебопашество. Для этого в проекте рекомендовалось драгунам ландмилиции «для не бедного пропитания» выделить по двадцать и более четвертей земли на каждого. Только раз в неделю, по субботам, ландмилиционеры обязаны были обучаться «экзертициям», т. е. военному делу, а по воскресеньям присутствовать на богослужении. Все остальные дни недели они могли работать на себя. Кирилов предлагал также и офицерам «по препорции их рангов» выдать, но только на время их службы в ландмилиции, особые участки земли и угодья. 20 апреля 1735 г. Сенат одобрил предложенные Кириловым мероприятия, но, опасаясь, что они могут встретить протест со стороны башкир, рекомендовал «те роты ему, статскому советнику, учредить и селить, и строить, смотря по тамошним обстоятельствам».³

В бытность свою в Уфе И. К. Кирилов, пользуясь предоставленными ему полномочиями, постарался навести некоторый порядок в судебно-административной деятельности местного начальства. Прежде всего он закончил начатую еще до него перепись тептярей и составил список башкирских родов по волостям и дорогам.⁴ Затем принял меры к удалению из Башкирии некоторой части пришлого населения (татар, чувашей, черемисов, мордвы, вотяков, беглых крестьян, солдат и раскольников) и в первую очередь тех из них, которые были уличены в кражах, убийствах и всякого рода преступлениях и своим поведением давали повод к недовольству башкир. Кириловым были приняты меры к упорядочению местного судопроизводства, к изжитию волокиты и лихоимства и проведен целый ряд других мероприятий, направленных к улучшению условий жизни местного населения.

По словам П. И. Рычкова, И. К. Кирилов принимал энергичные меры и «ко умножению уфимских прибылых доходов» [39, стр. 116], которые шли на содержание Оренбургской экспедиции. В частности, он упорядочил

³ ПСЗ, т. IX, № 6728.

⁴ Башкирия в административном отношении подразделялась на четыре дороги: Казанскую, занимавшую территорию к западу и юго-западу от Уфы, Ногайскую, расположенную в центре и южной части Башкирии, Сибирскую, лежавшую к востоку и юго-востоку от Уфы, и Осинскую дорогу, находившуюся к северу от Уфы.

таможенный сбор, составил новый, более соответствующий местным условиям тариф, представил в Сенат подробный, разработанный до мельчайших деталей проект «О учреждении почты»⁵ на перегонах: Москва—Нижний-Новгород—Казань—Уфа, в котором предусмотрел расстояние между городами, количество станов, ямщиков, лошадей, стоимость их содержания, оплату за пересылку писем и посылок, время, потребное на провоз почты от стана до стана, порядок отправки почты, ее регистрации и т. д.

Весть о прибытии в Уфу Оренбургской экспедиции и о задачах, которые были поставлены перед ней, быстро распространилась в Башкирии. Намерение царского правительства построить город в тылу Башкирии вызвало сильное недовольство среди башкирских старшин-феодалов, которые стали готовить восстание.

К И. К. Кирилову отовсюду стали поступать тревожные сведения о небывалых съездах и совещаниях у башкир и о готовящемся восстании. Однако твердо уверенный в пользе и необходимости проводимых им мероприятий, он продолжал неизменно доносить в Петербург, что «башкиры всеми чинимыми» им распоряжениями и учреждениями «весьма довольны и живут весьма спокойно» [39, стр. 119].

11 апреля 1735 г. Кирилов выступил со своим отрядом в поход на р. Орь и, отойдя верст десять от Уфы, расположился лагерем на р. Чесноковке. Прождав здесь около двух месяцев напрасно Вологодский полк, он 15 июня двинулся дальше, имея в своем распоряжении 15 рот регулярных войск, 350 казаков, 600 мешеряков, 100 башкир и, кроме того, обоз с провиантом и артиллерийскими орудиями, предназначавшимися для будущей Оренбургской крепости, и в том числе 252—5-фунтовых медных пушек, две пудовые гаубицы и две 32-фунтовые медные мортиры.

Незадолго до выступления из лагеря к Кирилову явились башкирские послы и предложили ему отказаться от похода на р. Орь и сооружения там города. В случае невыполнения этого требования они грозили всеобщим восстанием. Кирилов, не обратив внимания на угрозы, продолжал продвигаться по намеченному маршруту.

⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кв. 750, лл. 391—394.

Однако вскоре он вынужден был остановиться и выслать на помощь догонявшим его ротам Вологодского полка под командованием подполковника Чирикова, подвергшимся нападению башкир, особый отряд, который помог им выйти из окружения и соединиться с отрядом Кирилова. В своем доношении в Петербург Кирилов постарался представить все происшедшее как незначительное столкновение, случившееся только потому, что подполковник Чириков допустил оплошность, пренебрег данной ему инструкцией и не принял необходимых мер предосторожности. Однако, опасаясь, чтобы это происшествие не повлияло на дальнейшую судьбу возглавляемой им экспедиции, вслед за этим доношением он отправил письмо всемогущему временщику Бирону. Кирилов просил Бирона оказать ему помощь и содействие в том случае, если в Петербурге в правительственных кругах «новозачатое дело» будет признано «отчаянным и невероятным» и если будет решено из-за этого случайного происшествия отказаться от начинания, предпринятого к великой славе и пользе государства.⁶

Отправив письмо, И. К. Кирилов продолжал настойчиво и неуклонно двигаться к намеченной цели. К трудностям и опасностям, с которыми было связано это продвижение, вскоре, по словам П. И. Рычкова, прибавился «внутренний неприятель» — голод, так как взятый из Уфы провиант вследствие непредвиденной задержки из-за нападения башкир кончился еще до прибытия на р. Орь [39, стр. 131].

6 августа 1735 г. Кирилов прибыл к устью р. Ори. 15 августа он заложил крепость «о девяти бастионах» с «цитаделью малою» и на другой день отправил императрице поздравление с приобретением Новой России, которая, как писал он, по своим природным богатствам будет иметь не меньшее значение, нежели открытые европейскими державами новые, прославленные металлами и минералами земли, так как по дороге к р. Ори и на месте будущего города он нашел признаки богатых медных и серебряных месторождений, а также камни — порфир, яшму и мрамор [29, стр. 497—498]. 30 августа постройка крепости была закончена и в нее были введены

⁶ Письмо к Бирону от 23 июля 1735 г. Русская беседа, кн. 20, № 11, М., 1860, стр. 202—205.

гарнизон и артиллерия. 31 августа при троекратном салюте из пушек был заложен город Оренбург.⁷

7 сентября И. К. Кирилов двинулся в обратный путь, имея при себе драгунские роты Вологодского полка и яицких, сакмарских и уфимских казаков.

Между тем вспыхнувшее восстание росло и ширилось. К феодалам Ногайской дороги, поднявшим восстание, присоединились феодалы Сибирской и Казанской дорог. Используя в своих классовых интересах недовольство трудящихся башкир произволом царских чиновников, башкирские феодалы постарались «придать начавшейся борьбе антирусский, антинародный характер» [34, стр. 171—172]. Чтобы заставить трудящихся башкир принять участие в движении, они разжигали в них ненависть к русским, и если это не помогало, то прибегали к прямому насилию. Тем не менее значительная часть населения Башкирии не только отказалась примкнуть к восставшим, но и вступила в борьбу с ними. За время пребывания И. К. Кирилова в Оренбурге башкиры в количестве более тысячи человек пытались осадить Мензелинск, напали и разорили Табынск, Билярск, Заинск, Старошешминск, ограбили и сожгли в Уфимском уезде деревни мишарей⁸ и башкир, отказавшихся примкнуть к восстанию.

Обратный путь Кирилова в Уфу был сопряжен с большими трудностями и опасностями. В 130 верстах от Уфы он подвергся нападению башкир под предводительством Кильмяка и Акая. Отбив нападавших с большими для них потерями, Кирилов отправил отряд под командой полковника Анненкова к Табынску для преследования скрывавшихся на рр. Дёме и Уршаке башкир, сам же во главе оставшегося под его командой отряда благополучно вернулся в Уфу.

⁷ Назначенный после смерти И. К. Кирилова начальником Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев нашел избранное Кириловым место для города Оренбурга неудобным и добился в 1739 г. постановления о перенесении города на 180 верст ниже по течению р. Яика и о переименовании построенного Кириловым города в Орскую крепость. Новый начальник Оренбургской комиссии И. И. Неплюев в свою очередь признал неподходящим место, избранное Татищевым, и перенес город Оренбург в 1743 г. еще на 70 верст дальше на запад, на то место, где он и находится в настоящее время.

⁸ Мишарями, или мещеряками, назывались татары, проживавшие в Башкирии.

Встревоженное первыми известиями о начавшихся в Башкирии волнениях, царское правительство направило в Башкирию генерал-лейтенанта А. И. Румянцева, уполномочив его действовать главным образом уговорами и увещаниями и лишь в крайнем случае, если уже уговоры не помогут, то употребить оружие [47, стр. 328]. Кирилову было предписано во всем повиноваться Румянцеву и выполнять все его распоряжения, касающиеся восстания.

По прибытии в Мензелинск Румянцева разослал воззвания к башкирам, приглашая их прекратить «замешания» и принести повинную, в результате чего в ноябре к нему действительно явились многие влиятельные башкирские старшины, которым было дано прощение, и они были отпущены по домам.

Действия Румянцева получили одобрение в Петербурге, и ему было предписано вместе с Кириловым представить проект мероприятий для окончательного усмирения Башкирии. В ноябре Кирилов прибыл в Мензелинск, где находился в это время Румянцева, и в конце 1735 г. привез составленный ими проект в Петербург. Проект получил одобрение и был положен в основу, по всей вероятности, Кириловым же написанного и изданного 11 февраля 1736 г. указа.⁹

В целях укрепления внутренней и внешней обороноспособности в указ был внесен ряд пунктов, предусматривавших строительство новых и восстановление и укрепление старых городков и крепостей и увеличение крепостных гарнизонов.

В указе были предусмотрены мероприятия, открывавшие широкий простор для заселения Башкирии русскими и экономического освоения ее природных ресурсов. Особенно большое значение в этом отношении имел пункт 16 указа, отменявший существовавшее до 1736 г. запрещение покупать и продавать принадлежавшие башкирам земли и угодья. С отменой этого запрещения русское дворянство, а также мишари получили возможность приобретать и «крепить за собой» башкирские земли.

Для скорейшего заселения края предлагалось поселить при Оренбурге и других городах до 500 охотников из яицких казаков, до 1000 человек казачьих и дворян-

⁹ ПСЗ, т. IX, № 6890.

ских детей «из сибирских ближних городов» и из уфимских служилых мишарей. Поселенцам предписывалось дать на строение домов денежное жалованье, а под их селения и под пашни отвести земли и прочие угодья. Кроме того, для умножения «в тех новых местах русских людей» было разрешено вместо Сибири направлять ссылных к Кирилову для поселения и определения одних в нерегулярную службу, других на пашню и третьих в шахты.

На Кирилова возлагалась обязанность построить в Башкирии три завода. При строительстве заводов и разработке рудных месторождений рекомендовалось: «ежели с башкирцами дела не будет», привлечь находившихся в «команде Кирилова» драгун и солдат на условии сдельной оплаты их труда. Наконец, силами тех же драгун и солдат предлагалось, «когда время допустит, тогда в тамошних местах заводить пашню».

Несколько приутихшие с приходом А. И. Румянцева волнения в Башкирии возобновились с новой силой в конце 1735 г. Потерпев неудачу при попытке помешать строительству Оренбурга, башкиры старались всячески вредить новому городу, нарушая и затрудняя нормальный ход его жизни. Они производили систематические набеги на обозы с провиантом и одеждой, направляемые в Оренбург. Так, башкиры Сибирской дороги напали на обоз с продовольствием, отправленный А. И. Тевкелевым в ноябре из Течинской слободы в Оренбург и заставили его вернуться обратно. Задержка в своевременной доставке продовольствия в г. Оренбург имела своим следствием голод и гибель нескольких сот солдат Оренбургского гарнизона [20, стр. 49].

Известие о возобновлении башкирских нападений на русские крепости и обозы, полученное Кириловым в начале 1736 г. в Петербурге, заставило его срочно выехать в Уфу. Заехав по пути из Петербурга в Мензелинск для согласования с А. И. Румянцевым дальнейшего плана действий, Кирилов 11 марта прибыл в Уфу. Отправив Тевкелева на выручку задержанного башкирами обоза, он в соответствии с намеченным в Мензелинске планом выступил 24 марта со своим отрядом в направлении к Табынску, однако, заболев, в начале мая вернулся в Уфу.

Оправившись от болезни, Кирилов стал готовиться к новому походу в Оренбург и попутно к переводу

канцелярии и штата своей экспедиции из Уфы в Самару.

Считая строительство Оренбурга и линии укрепленных пунктов по внешней границе Башкирии вернейшим и надежнейшим средством для установления спокойствия там и в то же время сильно озабоченный судьбой Оренбурга, оставшегося по вине башкир без продовольствия, И. К. Кирилов воспользовался первой возможностью, чтобы выступить в поход. Он намеревался отправиться в Оренбург еще ранней весной 1736 г., но в силу сложившейся в Башкирии обстановки вынужден был отложить свой поход до июня.

22 мая Кирилов погрузил на суда личный состав экспедиции и свою канцелярию и отправил их под начальством П. С. Бахметева в Симбирск (Ульяновск). Оставив канцелярию в Симбирске, Бахметев должен был со своим отрядом следовать дальше в Самару, чтобы начать строительство укрепленных пунктов по р. Самаре. Выполняя это распоряжение Кирилова, П. С. Бахметев в начале августа заложил две крепости, Красносамарскую и Красноборскую, и в этой последней остался ожидать прибытия Кирилова.

Кирилов же, выступив из Уфы 30 июня, достиг 10 июля Табынска, где заложил «земляной город о пяти бастионах». Получив здесь известие о том, что в Оренбург благополучно прибыл обоз с провиантом и город обеспечен продовольствием, он ввиду невозможности выполнить все намеченные работы по строительству укрепленных пунктов из-за позднего выступления в поход решил отказаться от похода в Оренбург и направился в Самару.

13 сентября по пути в Самару он посетил новую, только что построенную Бахметевым Красноборскую крепость. Дорогу от Сакмарска до Красноборской крепости Кирилов назвал Московской и по ней в разных местах заложил ряд городков и крепостей, Всего, как это видно из таблицы, представленной Кириловым в Кабинет министров 27 октября 1736 г.,¹⁰ как им самим, так и по его распоряжению его помощниками было построено 7 форпостов и 16 укреплений. Во всех этих укреплениях было поселено более полутора тысяч человек. Наиболее многолюд-

¹⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1164, л. 22.

ными были Оренбургское, Бузулукское и Борское укрепления, однако как в этих укреплениях, так и особенно в остальных ощущался острый недостаток в людях.

Сообщая о результатах своего похода, И. К. Кирилов 26 сентября 1736 г. в своем донесении в Петербург писал: «Счастьем Вашего императорского величества благополучно, без всякой помощи и без государственных работников зачало живой линии воспоследовало, и ежели б от весны не продержан был без дела при Уфе, то бы надеялся все городки одним сим летом окончить, и казаками-охотниками удовольствоваться, и маяки поставить, ибо ни одного места нет с недостатком к житию человеческому—земля черная, леса, луга, рыбные и звериные ловли довольные» [20, стр. 91].

Для заселения вновь построенных укреплений Кирилов привлекал яицких и уфимских казаков и «из разных людей охотников», а особенно людей «бродящих», которых тогда, по словам П. И. Рычкова, было набрано Кириловым немало число и «в те крепости с надлежащей ссудою деньгами и провиантом на поселение отправлено» [39, стр. 231]. Кроме того, для «поселения в новых местах» по ходатайству Кирилова присылались ссыльные. В связи с этим небезынтересно остановиться на одном до сих пор оставшемся неизвестном проекте Кирилова.

При ближайшем ознакомлении с ссыльными, присылаемыми в Оренбургскую экспедицию, Кирилов убедился в том, что они вследствие перенесенных наказаний в большинстве случаев оказывались негодными для службы в войсках по охране государственных границ. Ссылаясь на большой ущерб, который несет государство из-за невозможности использовать этих людей на военной службе вместо рекрутов, он 27 октября 1736 г. обратился в Сенат с просьбой «милостиво» рассмотреть ради «сбережения простых людей и поселения (их, — *М. Н.*) в новых местах» его доклад «о пытках и публичных наказаниях, а при том и о натуральных смертях и о долговременном держании и о прочем, к тому касающемся».

В своем докладе Кирилов высказывает интересные мысли и выдвигает чрезвычайно смелые для своего времени предложения.

Он обращает внимание Сената на то, что, несмотря на громадное количество казней, «воровство», т. е. преступления, не прекращаются. Причину того, что большое

количество «простого народа впадает в вины», он ищет «в худом воспитании без наставления и утверждения в законе от духовных чинов», которые сами вследствие своего невежества впадают в преступления, «растригаются и туда же присылаются». Не видя, однако, никакой возможности устранить в скором времени это зло и встревоженный гибелью многих тысяч «простых людей», Кирилов выдвигает ряд мероприятий. Так, полагая, что чем меньше будет пыток и чем реже будут казни, тем «в народе чувствительнее» будет, он предлагает ссылать преступников на Аральское море и в другие отдаленные места, а смертную казнь применять только для людей, ввавших в «тяжчайшие преступления», и для «смертоубийцов и их первых товарищей», т. е. сообщников.

Отмечая, что «буйство молодых лет весьма с средовечными (с людьми среднего возраста, — *М. Н.*) и со старыми разнствует», он считает необходимым отменить пытки и наказание кнутом и вырезание ноздрей для молодых людей от 15 до 25 лет, а для людей более пожилого возраста заменить их другими, «не портящими», т. е. не калечащими людей, наказаниями.

Одновременно Кирилов обращает внимание на злоупотребления и лихоимство следователей и тюремщиков и предлагает уничтожить судебную волокиту, не держать подследственных в тюрьмах более полугода, увеличить «дневное пропитание ссыльных» с одной копейки до трех, запретить вождение по улицам города «языков», оговаривающих из корыстных целей невинных людей, и т. д.¹¹

25 ноября 1736 г. Сенат рассмотрел предложения Кирилова и постановил: ссыльным, отправляемым в Оренбургскую экспедицию, ноздрей не вырезать, оставив, однако, в силе наказание кнутом. Было разрешено также увеличить денежную выдачу ссыльным с одной до двух копеек. Что же касается остальных предложений Кирилова — «чтоб не казнить воров и протчего», то их решено было «отставить» и никакого постановления по этим пунктам не выносить.¹²

По прибытии в Самару Кирилов занялся устройством дел по переводу сюда своей экспедиции и с этой целью

¹¹ ЦГАДА, Дела и приговоры Сената по Оренбургской губернии, 1736—1742 гг., кн. 7/138, лл. 414—415.

¹² Там же, лл. 422—423.

в октябре предпринял поездку в Симбирск, где находилась в это время его канцелярия и временно проживали участники экспедиции. Из Симбирска, согласно полученному предписанию, он направился в Мензелинск для совещания с назначенным вместо А. И. Румянцева бригадиром М. С. Хрущевым о мерах к скорейшему подавлению восстания. Выработанный ими в декабре план действий был утвержден в Петербурге.

В начале января И. К. Кирилов возвратился в Самару, куда в этом же месяце прибыли из Симбирска его канцелярия и участники экспедиции. В Самаре он занялся подготовкой к весеннему походу в Оренбург. Он заключал договора с купцами и подрядчиками на поставку провианта, вербовал охотников для поселения на новой линии укреплений, хлопотал о снаряжении купеческого каравана в Индию и т. д.

Донося о положении дел в Башкирии, Кирилов 26 января писал, что, страдая от голода и холода, башкиры уже «не в состоянии собою какое знатное злодейство зачать, разве малое воровство и обман оплошным» [52, стр. 20].

И в самом деле, начавшийся с наступлением зимы голодный мор среди людей и падеж лошадей от бескормицы обессилили башкир до последней крайности. Даже Кирилов, сторонник суровых и беспощадных мер по отношению к восставшим, ознаменовал конец своей жизни и деятельности в Башкирии рядом мероприятий, которые свидетельствуют о его стремлении прийти в какой-то мере на помощь башкирскому народу и облегчить его тяжелую участь. К числу таких мероприятий прежде всего относится противодействие Кирилова проведению в жизнь указа Сената от 10 января 1737 г. о наряде на военную службу 3000 «лучших и вооруженных башкир» и о посылке их на турецкий фронт. Этот указ был издан по представлению А. И. Румянцева, а мысль о его издании подал В. Н. Татищев, который надеялся таким путем ослабить силы башкир. Однако проведение в жизнь этого мероприятия указом от 14 марта 1737 г. было предоставлено на усмотрение Кирилова, который высказался против посылки башкир на турецкий фронт, считая, что это подаст повод к новым «замешаниям» и, следовательно, русские «войска принуждены будут у них, башкирцев, стоять без выводу» [20, стр. 100].

Мнение Кирилова было принято во внимание, и башкиры не были посланы на военную службу. «Понеже, — говорилось в указе 7 мая 1737 г. В. Н. Татищеву, — присланным пред сим статский советник Кирилов экстрактом объявил о наряде башкирцев на службу многия затруднения, на который посланным к нему нашим указом повелели мы ежели того ныне за благо не признается, то с общего рассуждения оной наряд отложить и стараться другою дорогою коренное и основательное тем делам окончание учинить, чтоб впредь те бунтовщики в должном послушании были» [43, т. 117, стр. 275].

В марте 1737 г. И. К. Кирилов вошел в правительство с предложением об отмене ввиду разорения башкир и испытываемого ими крайнего голода указа о взимании с них штрафных лошадей.¹³ 14 апреля 1737 г. от имени Кирилова был отправлен Татищеву «универсал», который Кирилов был намерен объявить башкирам и по поводу которого желал знать мнение Татищева. Кирилов предлагал штрафа с башкир не спрашивать и на службу их не наряжать, «а жито на семена им продавать допустить». Однако Татищев нашел, что вдруг оказать «такую милость» башкирам «не полезно, ибо воры могут возмнить, что то учинено за страх, и впредь более упрямитесь причину иметь будут». По-видимому, В. Н. Татищеву не очень нравилась эта проявляемая Кириловым по отношению к башкирам мягкость, и он упрекал его за то, что тот «весьма много оным ворах в указах послабил». Против продажи башкирам хлеба на семена он не возражал. Впрочем, не ожидая ответа Татищева, Кирилов отдал распоряжение привлекать башкир к работам на строительство медеплавильных заводов в Табынске и на р. Ике и платить им за работу хлебом.¹⁴

Поимкой в начале 1737 г. Кильмяка-абыза и других главарей восстания закончился первый этап борьбы, начатый башкирскими феодалами с царским правительством. Поднятое в качестве протеста против постройки Оренбурга и других крепостей на территории Башкирии оно не увенчалось успехом. Несмотря на отчаянное сопротивление, крепости были построены.

¹³ Там же, ф. Кабинета, кн. 87/1164, л. 311.

¹⁴ Там же, стр. 357—387.

Однако Кирилов глубоко ошибался, заверяя царское правительство, что башкиры приведены уже в такое состояние, что не в силах больше сопротивляться. Борьба не прекратилась. Подавление восстания вызвало озлобление башкир. Весной 1737 г. восстание возобновилось с новой силой, но это произошло уж после смерти Кирилова, умершего от туберкулеза в г. Самаре 14 апреля 1737 г.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Важные государственные задачи, связанные со строительством Оренбурга и военных укреплений в Башкирии, башкирское восстание, беспокойная, сопряженная с большими опасностями походная жизнь оставляли мало досуга Кирилову, да и тот по большей части уходил на огромную переписку, которую он вынужден был вести как по делам экспедиции, так и по вопросам башкирского восстания. В 1736 г. в одном из писем к Бирону Кирилов писал, что в своем странствовании по Башкирии он десяти дней на одном месте не живет и жаловался, что его затрудняют пустыми указами. «Навещают отовсюду указами и такими, что жаль листа бумаги на ответ терять, — писал он, — только у меня время удерживают, хотя б дали мало основаться и к порядку привести, тогда мог бы на пустые требования и ответы на гуляньи писать» [47, стр. 396].

Однако несмотря на свою исключительную занятость и на тяжелые условия походной жизни, Кирилов все же находил возможность уделять время и другим не менее важным задачам экономического и научного характера, поставленным перед экспедицией. Особенно большое значение в условиях совершенной неизученности края имели предпринятые Кириловым работы по картографированию всей территории Башкирии.

Под руководством Кирилова и по его заданиям в Оренбургской экспедиции работали наиболее знающие и опытные геодезисты: Петр Чичагов, Аким Клешнин, Михаил Пестриков, Иван Шехонский, Степан Орликов, Александр Норов, Иван Шишков, Семен Беликов, Иван Крапивин и др. Кроме того, в качестве уполномоченных по делам экспедиции, по закупке и снабжению ее необходимыми материалами были оставлены геодезисты: Андрей Зи-

новьев — в Петербурге и Алексей Писарев — в Москве. С помощью геодезистов Кирилов организовал в Башкирии и за ее пределами топографические съемки, в результате которых русская картография того времени обогатилась новыми географическими картами.

Тотчас же по приезде в Уфу он занялся проверкой на месте географических карт Уфимского уезда, составленных в 1723 г. геодезистом Исаем Крапивиним. Обнаружив в этих картах погрешности, Кирилов 24 февраля 1735 г. обратился в Сенат с просьбой ускорить отправку к нему английского капитана Джона Эльтона, «ибо, — писал он, — весьма нужно верные астрономические обсервации учинить, так как там, где прежде в здешних местах описи и обсервации чрез геодезистов были, тут найдены не токмо в длине, но и в северной широте многие погрешности, о чем сочиняется ландкарта».¹

Однако Сенат медлил с отправкой Эльтона. В письме к президенту Академии наук Корфу 20 апреля 1735 г. Кирилов жалуется на то, что с ним в экспедиции ни «астронома, ни математика доброго нет», и настойчиво просит прислать к нему Эльтона. «Правда, — пишет он, — может быть сожаление есть о жалованье и о излишнем расходе на такого человека. Да что ж то стоит, — добавляет он, — когда чрез него верное известие Россия получит таким местам, коим не могли никто в Европе славные ученые люди подлинного описания достать?» [27, т. 2, стр. 706]. С помощью Эльтона Кирилов намеревался произвести описание р. Яика и Аральского моря, что было необходимо ему «для многих резонов» и прежде всего, конечно, для осуществления широких коммерческих и военных планов, изложенных им в проектах 1733—1734 гг.

Хлопоты Кирилова в конце концов увенчались успехом. В начале 1736 г. капитан Эльтон был уже в Уфе, где наблюдал лунное затмение. Результаты наблюдений были сообщены Кириловым 20 апреля в Академию наук. В 1737 г. Эльтон составил карту течения р. Волги от Сызрани до Царицына [17, прилож. II, № 97] и произвел описание р. Яика от Верхнеяицкой пристани до казачьего городка Яика. На основании этого описания

¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 750, лл. 348—349.

в 1738 г. геодезии прапорщиком А. Норовым была составлена карта р. Яика [17, прилож. II, № 734].

В апреле 1735 г. И. К. Кирилов направил в Академию наук докладную записку «О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт» [6, стр. 707—709].

Считая, что организация астрономических наблюдений для определения долгот потребует больших денежных расходов, а главное — времени и, следовательно, отодвинет на неопределенный срок завершение работ по составлению Генеральной карты России, Кирилов предложил в своей записке положить в основу Генеральной карты точно измеренные крупные судоходные реки, большие проезжие дороги и почтовые тракты, а также границы губерний, провинций и уездов. Географическое содержание карт: населенные пункты, леса, поля, степи, горы, озера, болота и прочее Кирилов считал возможным заимствовать из готовых уже карт отдельных уездов и провинций, «а чего где не описано, то дополнить». Что же касается долгот и широт населенных пунктов, то он полагал, что они «сыщутся по мере дорог и рек, а паче по наблюдениям астрономическим».

Делиль нашел, что предложенный Кириловым способ в качестве временной меры мог бы явиться выходом из создавшегося положения, но при условии, что «будут сделаны точные геодезические измерения и что они будут правильно использованы при составлении ландкарт».²

Между тем Кирилов еще до получения ответа из Академии наук приказал геодезисту А. Ф. Клешнину, находившемуся на съемках в Вологодской провинции, «водою плыть и мерять» от Вологды до Архангельска, а оттуда сухим путем до Вологды и до Москвы [44, стр. 114]. Клешнин совершил это путешествие и, как это видно из его донесения, с 9 сентября 1738 г. находился в Вятской провинции, где сочинял «план городу Хлынову и от Москвы до Вологды и оттуда до города Архангельского по двум путям ландкарты».³

Другие геодезисты в это же время по распоряжению Кирилова производили съемки на Волге «от Казани до Самары, до Яика, а оттуда Яиком-рекою в Сакмары и до Уфы» [44, стр. 139].

² Арх. АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 19, лл. 53—56.

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 722, л. 387—387 об.

Геодезисты сопровождали Кирилова в его походе на р. Орь и определяли на пунктах стоянок широту места. Так, донося в Петербург об основании Оренбурга, он писал: «. . . с порученной командою до Орь-реки благополучно дошли и августа 6 числа в лагерь против устья Орскова стали, расстоянием от Уфы по подлинной мере 500 верст, по обсервации северной широты 51 градус, 11 минут» [27, т. 3, стр. 497].

Геодезисты С. Орликов и И. Шехонский принимали участие в походах полковника А. И. Тевкелева из Оренбурга в Сибирские слободы, измеряли дорогу от Верхнеяицкой пристани до Теченской слободы, «дабы можно было узнать, будет ли прямая дорога от Оренбурга и пристани на Бухарскую сторону или нет» [20, стр. 46—47].

В результате всех этих работ И. К. Кирилов, приехав в конце 1735 г. в Петербург, как уже говорилось выше, смог представить в Академию наук первую карту Башкирии.

По возвращении из Петербурга Кирилов продолжал работы по картографированию территории Башкирии. Кроме того, в связи с предпринятым им измерением больших судоходных рек в 1736—1737 гг. были произведены работы по измерению Волги. В 1736 г. геодезисты Иван Шишков и Семен Беликов представили ландкарты: Оки и Волги (до Нижегородского уезда), Волги до Чебоксар и Волги до Казани [17, прилож. II, №№ 693—695].

В июне 1736 г. были отправлены «для описи и меры» геодезисты Степан Орликов и Иван Шехонский «от Казани вниз реками до Самары».⁴

В это же время геодезист Петр Чичагов производил съемку водораздела рр. Яика и Самары и составил карту, которая сохранилась лишь в копии, сделанной студентом Семеном Старковым [17, прилож. II, № 736].

Геодезист Михаил Пестриков, сопровождавший полковника Тевкелева в его походе на оз. Чебаркуль, в сентябре 1736 г. составил карту под заглавием: «Ланкарта от Красноярской крепости тракту господина полковника Тевкелева с командою по новостроющуюся крепость Чебаркульскую. . .».⁵ В декабре того же года, прибыв в Мензелинск, он на основании работ других геодезистов со-

⁴ Там же, кн. 134, л. 771.

⁵ Там же, Дела и приговоры Сената по Оренбургской экспедиции за 1737 г., кн. 8/139, л. 168.

ставил сводную карту Башкирии под заглавием: «Plan-cart Уфимской провинции или всему башкирскому жилью и около положенной живой линии от Волги до Сибири на 1200 верст, также прежней земляной линии и прочему. Собрал с разных карт геодезии прапорщик Михаил Пестриков в Мензелинске. 1736 месяца декабря» [17, прилож. II, № 178].

Одновременно с топографо-картографическими работами Кириловым впервые на территории Башкирии были организованы разведка и добыча полезных ископаемых. С этой целью по прибытии в Уфу, по свидетельству П. И. Рычкова, он начал «пристойным образом приохочивать» башкир «к прииску и указанию рудных и минеральных мест» и потребовал из Екатеринбурга одного горного офицера, штейгеров и других специалистов, которые должны были сопровождать его в походе на р. Орь. Позднее, сообщая о результатах своего похода, Кирилов между прочим указывал, что в окрестностях Оренбурга было «найдено много редких камней, а особливо множество медных руд», и «на первый случай заложены три шахты». Большое количество медной руды было обнаружено Кириловым в окрестностях Сакмарска, где по его распоряжению также была построена одна шахта.

Найдя богатые залежи медной руды под Табынском, Кирилов предложил построить там казенный медеплавильный завод с выпуском до 50 000 пудов чистой меди в год [40, стр. 416]. Начальник Сибирских и Казанских горных заводов В. Н. Татищев возражал против сооружения такого «великого завода». Однако Кирилов не посчитался с его мнением. В январе 1737 г. он уже доносил Сенату, что осенью 1736 г. начал строительство медеплавильного завода, названного Воскресенским, и что в следующем году надеется выдать первые плавки меди. Одновременно по его распоряжению было начато строительство трех рудников на р. Ике и сооружение на одном из них медеплавильного завода.

И. К. Кирилов уделял также большое внимание разработке минеральных богатств Башкирии. Он «приохотил» башкир к поставке илецкой соли в Уфу, и, по свидетельству П. И. Рычкова, несколько тысяч пудов этой соли было отправлено «на судах Белою рекою в Каму и Волгу и далее» [41, стр. 31]. Во время своих непрерывных странствий по Башкирии Кирилов собрал большое количество

дорогих и редких уральских камней. В начале 1736 г. он поднес императрице Анне образцы «различных в тамошних горах в великом множестве обретающихся камней, яко порфира, яшмы, агата, мрамора и других»,⁶ и, обратив внимание правительства на необходимость дальнейшего развития этого дела, добился посылки в Оренбургскую экспедицию двух искусных каменоломщиков «для сыскания и ломания там ясписовых и прочих камней» [27, т. 3, стр. 695—696].

По почину Кирилова на территории Башкирии также впервые были организованы и успешно проводились И.-Г. Гейнцельманом работы по ботанике. В Архиве Академии наук сохранился обработанный проф. Амманом каталог растений Гейнцельмана, содержащий 401 название.⁷ Часть найденных и описанных Гейнцельманом растений вошла в труд Аммана «*Stirpium rariorum in Imperio Ruthenico sponte provinientium icnes et descriptiones*» (1739 г.). Кроме того, имеются еще сведения о представлении Гейнцельманом в Академию наук коллекции семян [37, стр. 475].

Гейнцельман, как это видно из аттестации, данной ему «медицинского сада ботаникусом Трауготом Гербертом», был высоко образованным человеком. Кроме ботаники, он знал «историю древних и новых времен, политику, географию, геральдику, генеалогию, юриспруденцию и другие науки» [27, т. 3, стр. 482].

Одновременно с работами по ботанике Гейнцельман занимался изучением географии и истории Башкирии и стран Средней Азии. Об этом свидетельствуют некоторые собранные им и сохранившиеся в портфеле Г.-Ф. Миллера материалы,⁸ в том числе «Известие о Ташкенте и Туркестане по сказаниям посланников», «Известие о Бухарии для изъяснения новых карт Василия Батация об Аральском озере», переводы на немецкий язык работ И. К. Кирилова: Записка 1733 г. о Камчатской и Оренбургской экспедициях, «Изъяснения о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах» и доношение в Кабинет е. и. в. 1 февраля 1736 г. о положении дел в Башкирии и вновь

⁶ Санктпетербургские ведомости, 1736, 21 января, № 8.

⁷ Арх. АН СССР, р. I, оп. 6, № 46.

⁸ ЦГАДА, ф. Миллера, № 199, портф. № 512, Известия г-на Кирилова и Гейнцельмана о сибирских и других азиатских народах, в 8 тетрадах.

основанном городе Оренбурге. Об этом же свидетельствуют сохранившиеся сведения о сочиненных им и его братом двух географических книгах [27, т. 3, стр. 482] и о составленной вместе с Кириловым «Генеральной генеалогии татарских ханов из древней истории и арабской хроники, доколе оные с древними временами России сличность имеют» [27, т. 3, стр. 482].

Сам Кирилов во время пребывания в Оренбургской экспедиции также находил возможность уделять достаточное внимание вопросам истории и географии. Так, по словам П. И. Рычкова, он впервые на основании собранных сведений из Уфимской канцелярии и от башкирских старшин составил так называемое «Разделение Башкирии по волостям или родам», которое, как до того времени «неизвестное и небывалое», было опубликовано Рычковым в 1759 г. в его труде «История оренбургская» [39, стр. 120—123]. По распоряжению Кирилова производились записи рассказов находившихся в Уфе купцов из Индии и Ташкента [21, т. 2, стр. 47—49] и собирались сведения об остатках древней культуры на территории Башкирии [21, т. 2, стр. 51—54].

В. Н. Татищев 16 октября 1737 г. сообщил в Академию наук, что нашел после смерти Кирилова в делах Оренбургской экспедиции некоторые исторические рукописи, привел их в порядок и собирается, сняв с них копии, прислать в Академию наук [27, т. 3, стр. 498]. Несколько позже, 18 декабря 1738 г., Татищев сообщил, что нашел «между письмами после покойного статского советника Кирилова „Новгородскую историю“, которую и препроводил в Академию наук [27, т. 3, стр. 868].

И. К. Кирилов не только сам был горячим поборником науки и просвещения, но и умел внушить любовь к знанию окружающим его людям. Особенно наглядным примером в этом отношении может служить Петр Иванович Рычков, приглашенный в экспедицию сначала на должность бухгалтера, а затем ставший личным секретарем Кирилова. Работа в экспедиции и близкое знакомство с И. К. Кириловым оказали решающее воздействие на возникновение и дальнейшее развитие научной деятельности Рычкова. Интерес к собиранию исторических материалов, внушенный Кириловым, привел Рычкова к написанию в 1744 г. большого труда — «История оренбургская», в которой отведено большое место деятельности Орен-

бургской экспедиции и ее руководителю Кирилову. Своими многочисленными работами в области экономики и географии Оренбургского края и в особенности своим классическим произведением «Топография Оренбургской губернии» Рычков внес ценный вклад в дело изучения и освоения Оренбургского края и снискал себе славу выдающегося ученого своего времени.

Другой участник Оренбургской экспедиции, художник Кассель, также поощряемый Кириловым, совершил дважды путешествие в орду хана Абулхаира. Во время своих странствий по Казахским степям и Башкирии он вел дневник, в котором отмечал встречавшиеся на пути руины старинных зданий и могил, табуны диких лошадей, реки, через которые ему приходилось переправляться, озера, горы, леса, степи и т. д. Он описал также встречу, устроенную ему казахами, аудиенции, полученные у хана и его жены, торжественный обед, данный в честь его прибытия, ханскую охоту, нравы и быт казахов, их верования, обычаи, костюмы и т. д. Кроме того, он сообщил краткие сведения о городе Оренбурге и Яицком городке, о яицких и сакмарских казаках и их промыслах. По возвращении в Симбирск, а затем в Самару — постоянное местопребывание Оренбургской экспедиции — Кассель продолжал еще свои записи в дневнике до 13 августа 1737 г.

В 1741 г. он дополнил свой дневник краткими географическими сведениями о Казахских степях, их растительном и животном мире, о минеральных богатствах, описанием обитателей степей — казахов, их жилищ, занятий, образцов, семейных взаимоотношений и т. д. — и кратким сообщением о хане Абулхаире и его положении в орде. Свой дневник Кассель иллюстрировал рисунками, изображавшими отдельные эпизоды из его пребывания в орде и его путешествия. Кроме того, он дал изображение городов Самары и Оренбурга и портреты хана Абулхаира и его сына Эрали. Кассель посвятил свой труд младенцу-императору Иоанну Антоновичу, вскоре свергнутому с престола и заключенному в Шлиссельбургскую крепость. По всей вероятности, этот факт был причиной того, что дневник Касселя увидел свет только через 43 года. Он был напечатан под заглавием «*Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan der Kirgis-Cay-sack Tartarischen Horda aus freyem Willen und blos zu dem Beszten des russischen Reiches unternommenen höchst*

nöthigen und zwar gefährlichen doch glücklich vollbrachten Reise dargestellt durch John Castle einem Engländer und gewesenen Kunstmahler bey der Orenburgischen Expedition» («Дневник о добровольно и исключительно ради пользы Русского государства предпринятом в высшей степени необходимом и хотя опасном, но счастливо совершенном путешествии в 1736 году из Оренбурга к Абулхаиру, хану Киргиз-кайсацкой татарской орды. Составлен английчанином Джоном Каслом, бывший живописцем Оренбургской экспедиции»).⁹

Деятельность Оренбургской экспедиции, продолжавшаяся, включая и ее организационный период, всего три года, протекала в исключительно сложных и малоподходящих для научно-исследовательской работы условиях. Тем не менее участниками экспедиции во главе с И. К. Кириловым была проделана очень полезная работа, результаты которой нашли свое практическое и научное применение. На основе разведок полезных ископаемых, произведенных в экспедиции, были построены рудники и заводы и, таким образом, было заложено начало развития металлургической промышленности и разработки минеральных богатств Башкирии. Ботанические исследования Гейнцельмана впервые познакомили ученых с произрастающими на Южном Урале растениями. Составленные на основе инструментальных съемок географические карты Башкирии и примыкающих к ней районов были использованы Академией наук при составлении Атласа Российской империи 1745 г. Своими трудами участники Оренбургской экспедиции положили начало научному изучению Южного Урала, успешно продолженному последующими поколениями ученых и исследователей.

Беспокойная походная жизнь и напряженная работа подорвали силы И. К. Кирилова. В мае 1736 г. он заболел. Не обращая внимания на болезнь, он продолжал свою работу в экспедиции. В начале 1737 г. в здоровье его произошло резкое ухудшение. Чувствуя, что с каждым днем силы его слабеют, и тревожась за судьбу порученного

⁹ Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Peter des Grossen. Zweiter Theil. 1730—1741. Mit XIII Kupfertafeln. Riga, 1784, Anhang. XIV, 144 S.

ему дела, Кирилов 31 января 1737 г. передал в ведение своих помощников подполковника П. С. Бахметева и секунд-майора Останкова хозяйственные дела по заготовке провианта, по заселению Оренбурга и вновь построенных крепостей, по строительству флотилии на Аральском море и приказал им особенно «старатца об умножении добычи руд» и вести переписку по вопросу о пуске в ход «зачатых новых заводов при Табынске и при Ик-реке». Однако сам он не устранился целиком от дел экспедиции. «Дела поважнее или к их решению сумнительные дела», говорилось в распоряжении, должны решаться и подписываться «с общего согласия» с ним, Кириловым. Кроме того, исключительно в его ведении оставались все дела, касавшиеся башкирского восстания и связанная с ними большая переписка.¹⁰

До последних дней своей жизни И. К. Кирилов не оставлял заботы об установлении торговых связей с Индией и незадолго до своей смерти сделал попытку направить туда в качестве посланника вместе с индийским купцом Маквари живописца Касселя. 23 марта, призвав к себе Касселя, он настойчиво уговаривал его предпринять это путешествие. Однако Кассель ехать в Индию категорически отказался. Вскоре после этого Кирилов окончательно слег и в ночь с 14 на 15 апреля 1737 г. скончался.

После смерти Кирилова указом 10 мая 1737 г. начальником Оренбургской экспедиции, которая стала называться Оренбургской комиссией, был назначен Василий Никитич Татищев. Ему было предложено продолжить все начатые Кириловым мероприятия, чтобы «как в башкирских и оренбургских делах и во всяких тамошних строениях и в поселениях и в умножении рудокопных дел, как и во всем прочем, что в тамошних делах ему, Кирилову, поручено было, никакого упущения не происходило, но все оное с наилучшею пользою произведено и поправлено было» [54, стр. 278]. Через несколько дней после этого указом от 23 мая 1737 г. в ведение Татищева были переданы геодезисты и топографо-картографические работы, проводившиеся Кириловым в Оренбургской экспедиции [33, стр. 713].

Еще при жизни Кирилова В. Н. Татищев проявлял свое неприязненное отношение к нему и к его деятель-

¹⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 139, л. 391.

ности. По-видимому, он был недоволен назначением Кирилова начальником Оренбургской экспедиции, тем более, что последовавшие за назначением Кирилова указы предписывали ему, Татищеву, как начальнику всех Екатеринбургских и Сибирских заводов сноситься с Кириловым по всем делам, касавшимся башкирских владений, и по его требованию снабжать Оренбургскую экспедицию орудиями, артиллерийскими припасами, железом и сталью, а также специалистами горного дела, «горными офицерами и мастеровыми» [21, т. 1, стр. 115—116]. Все это ставило Татищева если и не в подчиненное, то во всяком случае в зависимое от Кирилова положение и вызывало с его стороны реакцию в виде стремления противодействовать осуществлению ряда мероприятий, проводимых Кириловым.

Приняв на себя руководство Оренбургской экспедицией, Татищев начал свою деятельность с того, что признал всю работу, проделанную геодезистами под руководством Кирилова, неудовлетворительной, а сочиненные ими карты и журналы неправильными из-за отсутствия «обстоятельных на их недовольное искусство инструкций» [27, т. 3, стр. 499—500]. Несколько позднее, в доношении в Сенат 30 апреля 1739 г. [17, стр. 135], справедливо отметив недостатки, имевшиеся в работе геодезистов, он сделал совершенно неверный и ничем не обоснованный вывод о полной непригодности карт и бесполезности всей работы, проделанной геодезистами и Кириловым. Карты Кирилова, как указывалось выше, впервые дали широким кругам населения представление о нашей стране в целом и об отдельных ее частях. Картами Кирилова в течение почти 20 лет (с 1726 до 1746 г.) пользовались все учреждения в своей практической деятельности, по ним учились в школе, их печатали в заграничных атласах. Татищев больше, чем кто-либо другой, должен был знать об этом, равно как и о том, что недостатки в работе геодезистов были главным образом обусловлены теми трудностями, с которыми было связано у нас становление научной картографии. С этими трудностями ему самому пришлось столкнуться в своей практической деятельности на этом поприще и преодолеть их, так же как и Кирилову, не удалось.

Сразу же по вступлении в должность начальника Оренбургской экспедиции Татищев, обнаружив некоторые непорядки в делах и бухгалтерии, поспешил донести в Пе-

тербург: «При Кирилове канцелярского порядка, как устав повелевает, учинено не было; протокола и журнала порядочно не содержано; списков служителям с их окладами не учинено, и хотя подьячих было не мало, но все набраны молодые и малоискусные, а к тому и повытей было не росписано; записок одного дела искать нужно по разным местам. Счеты весьма неправильны, потому что приход и расход был в разных руках и весьма беспорядочен, чрез что учинились проронки; окладных книг учинено не было; давано жалование все по выпискам, а от того учинены передачи. В подряде провианта и провоза великия передачи — из корысти или из продерзости, неизвестно» [15, стр. 155].

Не понравились Татищеву и ближайшие сотрудники Кирилова. Уже 16 октября 1737 г. он сообщил в Петербург, что уволил ботаника Гейнцельмана за то, что тот, не зная русского языка и не имея достаточных знаний, «жалование брал напрасно», и живописца Касселя, который «брал по четыреста рублей в год и через три года ничего не сделал, но во многих продерзостях явился» [27, т. 3, стр. 500—501]. Забраковал В. Н. Татищев и место, на котором был построен город Оренбург, и само строительство города, осуществлявшееся, по его словам, «без всякого архитектурного порядка», и добился в 1739 г., как об этом говорилось выше, постановления о перенесении г. Оренбурга на другое место.

Человек умный и проницательный, Татищев тем не менее не сумел оценить по достоинству труды Кирилова. В его оценке деятельности Кирилова сквозит явное пристрастие и плохо скрытое раздражение родовитого шляхтича, считавшего науку, в частности географию, исключительной привилегией дворянства, против выходца из сословных низов Ивана Кирилова, который не только завоевал себе авторитет в области картографии, но и возглавил большую экспедицию, имевшую государственное значение.

Татищев пользовался всяким удобным случаем, чтобы выставить напоказ или подчеркнуть недостатки и промахи в работе Кирилова, нередко допуская оскорбительные и явно несправедливые выпады по его адресу. Так, он утверждал, что Кирилов и Тевкелев исключительно ради личных корыстных интересов лживыми обещаниями огромной прибыли и пользы для государства убедили

правление снарядить экспедицию в Башкирию. В письме к кабинет-секретарю П. А. Черкасову он писал: «В 1737-м перевели меня в Оренбургскую комиссию, которую, как видно, по обману Тевкелева и Кирилова для чаемого великого прибытка начали. Я же, прибыв, усмотрел, что оное вымышлено более для собственной, нежели казенной, пользы, стал истину доносить и те обманы обличать» [36, стр. 37—38].

Даже в своем «Лексиконе», отмечая несостоятельность и авантюристичность попыток организовать поиски «песошного золота» в Средней Азии, Татищев не упустил случая наряду с именами Черкаского и Гагарина упомянуть и имя И. К. Кирилова: «Сенатский секретарь, — пишет он, — от безпутных предприятий впал в великие долги и, не зная, чем оплатиться, по совету с переводчиком Тевкелевым», представили проект об организации такого же «искания золота» в Башкирии и, получив разрешение, начали поиски, «с великим вредом производя обман» [49, стр. 111—112].

История организации Оренбургской экспедиции, изложенная выше, равно как жизнь и деятельность И. К. Кирилова, человека исключительной добросовестности и честности, могут служить убедительным опровержением этого ни на чем не основанного, несправедливого обвинения Татищева, вызванного, по-видимому, его личной неприязнью к Кирилову.

Другой современник И. К. Кирилова, П. И. Рычков, который близко знал Кирилова и имел возможность непосредственно наблюдать за его деятельностью, был совершенно иного мнения о нем. «Сию правду поистине, — писал Рычков, — надлежит ему отдать, что он к пользе государственной, сколько знать мог, прилежно имел попечение, и труды к трудам до самой своей кончины прилагал, предпочитая интерес государственный паче своего» [39, стр. 239].

И. К. Кирилов умер, не оставив своей семье ничего, кроме долгов. 30 апреля 1737 г. вдова его, Ульяна Петровна Кирилова, обратилась в Кабинет министров с просьбой выяснить возможность погашения долгов ее мужа за счет принятия в казну принадлежавших ему пильных мельниц и масляных заводов, «а ей на пропитание с детьми оставить хоть одну деревнишку и двор» [43, т. 117, стр. 280].

В 1749 г. по распоряжению Мануфактур-коллегии были проданы за бесценнок заводы и принадлежавшая Кирилову в Мценском уезде деревня. Заводы, стоившие не менее 30 000 руб., и деревня с 2000 десятинами земли были куплены графом Шуваловым за 1656 руб. Этих денег не хватило для покрытия задолженности Кирилова, и она продолжала числиться за его наследниками.

В 1762 г. Сенат обратился с ходатайством к Екатерине II о пожаловании генерал-гевальдигеру Петру Ивановичу, сыну И. К. Кирилова, 10 000 руб. для оплаты части числившихся на нем долгов его отца, и в частности 7591 руб. 19 коп. (вместе с процентами), принадлежавших генерал-майору Боуру и взятых И. К. Кириловым из Коммерц-коллегии в 1727—1728 гг. Свое ходатайство Сенат обосновывал тем, что отец П. И. Кирилова, статский советник Иван Кирилов, построив г. Оренбург, оказал «знатную услугу отечеству» и положил начало «к распространению Российского государства, и к защите подданных, и к приведению вновь в подданство разных народов [45, т. 9, стр. 293—294]. Ходатайство Сената было удовлетворено, однако большая часть задолженности И. К. Кирилова осталась непогашенной, и лишь в 1764 г. по указу Екатерины II с бригадира Петра Кирилова были сняты казенные долги его отца и ему было пожаловано 20 000 руб. на оплату партикулярных долгов, «дабы, — говорилось в указе, — услуга отечеству без достойного воздаяния не осталась, а он, Кирилов, в конце не остался разоренным».¹¹

П. И. Кирилов, по-видимому, единственный сын И. К. Кирилова, умер 7 октября 1809 г., на 73-м году жизни. Он имел двух сыновей и одну дочь.

3 мая 1824 г. дочь П. И. Кирилова Аграфена Петровна Кирилова поместила в «Московских ведомостях» следующее объявление: «Оставшись единственною наследницею после покойного брата моего, генерал-майора Павла Петровича Кирилова, прошу тех, кои ему должны или он кому, отнестись письменно ко мне». Далее следовал адрес А. П. Кириловой. А. П. Кирилова умерла в 1850 г., и на ней прекратился род И. К. Кирилова.

Выходец из сословных низов, достигший высокого служебного положения благодаря своим способностям и уму,

¹¹ Там же, ф. X, Госархив, № 99/1764.

получивший возможность во время службы в Сенате близко соприкасаться с деятельностью Петра I, Кирилов сделался горячим сторонником широких преобразовательных планов царя, направленных на укрепление политической и экономической мощи созданной им чиновничье-дворянской империи. Политические планы Кирилова, отличавшиеся характерными для петровской эпохи широтой и смелостью замысла, далеко превосходили возможности его времени и получили свое осуществление значительно позднее. Что же касается его планов в области экономики, то некоторые из них ему удалось осуществить еще при жизни. Проведением таких мероприятий, как разведка полезных ископаемых, постройка горных заводов, развитие промыслов, торговли и земледелия, Кирилов положил начало освоению экономических ресурсов и использованию природных богатств Башкирии и таким образом содействовал росту и развитию ее производительных сил.

Политическая деятельность И. К. Кирилова, охватывающая лишь 3—4 последних года его жизни, далеко не имеет того значения, которое представляет его деятельность в области науки и просвещения. Своим участием в деле организации Дальневосточных экспедиций и своими трудами по проведению топографических съемок и картографирования страны И. К. Кирилов внес ценный вклад в историю русской географии вообще и русской картографии в частности. Генеральная карта России и предпринятое им издание Атласа Всероссийской империи, равно как и его произведение «Цветущее состояние Всероссийского государства», имевшие большое значение для его современников, не утратили и для нас своей ценности как замечательные памятники русской культуры первой половины XVIII в. Преждевременная смерть помешала И. К. Кирилову осуществить его широкие планы, но и того, что он сделал, достаточно, чтобы его имя стало известным для каждого, интересующегося славным прошлым нашей великой Родины.

СПИСОК КАРТ И. К. КИРИЛОВА

№ п/п	Названия карт	Атласы и карты, хранящиеся в архивах и библиотеках СССР		Атласы, до сих пор не найденные, и дошедшие до нас списки карт Кириллова									
		атласы		отдельные карты									
		Библиотека АН СССР, 1731 г.	Библиотека им. М. Е. Сал-тыкова-Щедрина, 1731 г.	ПРАДА	Библиотека АН СССР	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина	Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	Архив АН СССР	Государственный Эрмитаж	Центральный военно-исторический архив	Исторический музей, Москва	атласы	списки
1	Русско-шведской границы, 1724 г.	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	1
2	Выборгского уезда, 1726 г.	1	1	1	—	1	—	—	—	—	—	1	1
3	Ингерманландии, 1727 г.	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	1	1
4	Кексгольмского уезда, 1727 г.	1	1	1	2	1	—	—	—	—	—	1	1
5	Олонедского уезда, 1728 г.	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	1	1
6	Каргопольского уезда, 1730 г.	1	1	1	1	1	—	—	—	—	—	1	1
7	Карта южной части Восточной Сибири, 1730 г.	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—

* Настоящий список не является исчерпывающим. Возможно, что в ряде как центральных, так и областных архивов хранятся еще не выявленные карты Кириллова. Кроме перечисленных в настоящем списке карт, в материалах Архива Академии наук СССР имеются сведения о подготовленных Кириловым к печати картах: Ладонского канала 1734 г. (Арх. АН СССР, ф. 121, оп. 2, № 79), Красноярского уезда 1734 г. (там же, ф. 3, оп. 1, № 2, лл. 113—114) и Башкирии 1735 г. (там же, ф. 3, оп. 10, № 2).

Продолжение

№ п/п	Названия карт	атласы		отдельные карты							атласы		списки					
		Библиотека АН СССР, 1731 г.	Библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1731 г.	ПРАДА, 1732	ПРАДА	Библиотека АН СССР	Библиотека им. В. И. Ленина	Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина	Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	Архив АН СССР	Государственный Эрмитаж	Центральный военный исторический архив	Исторический музей, Москва	атлас, находившийся в 1872 г. в г. Иркутске	атлас, описанный Г.-Ф. Миллером, 1761 г.	атлас, описанный М. С. Вондрским	В. В. Киприанова, 1737 г.	проф. Х. Вингерма, 1749 г.
29	Кузнецкого уезда																	1
30	Камчатки и сопредельных стран (рукописная карта), 1724 г.					2											1	
31	Пошехонского уезда																1	
32	Великоновгородского уезда, 1732 г.																1	
33	То же, 2-й лист																1	
34	Шлиссельбургского уезда, 1727 г.																1	
35	Мангазей																1	

Атласы и карты, хранящиеся в архивах и библиотеках СССР

Атласы, до сих пор не найденные, и дошедшие до нас списки карт Кириллова

ЛИТЕРАТУРА

Основные труды И. К. Кирилова

1. Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая, кн. 1 и 2. М., 1831.
2. Записка о Камчатских экспедициях. 1733. В статье: А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане в первой половине XVIII века. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., т. 75, вып. 2, 1943, стр. 35—40.
3. Проект обер-секретаря Ивана Кирилова о Камчатских экспедициях и об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими. 1733. В кн.: А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России, т. 1. Оренбург, 1900, стр. 1—34.
4. Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах, т. 1. Оренбург, 1900, стр. 34—49.
5. Покорнейшее объявление о Атласе российском. 1734. К. Свенске. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного Академией наук в 1745 г. Зап. Акад. наук, т. 9, прилож. II, СПб., 1866, стр. 23—25.
6. О приведении в совершенное исправление Российской генеральной и партикулярных ландкарт. 1735. Матер. для истории Академии наук, т. 2, СПб., 1866, стр. 707—709.

Источники

7. Андреев А. И. Экспедиция на восток до Беринга. Тр. Истор.-архивн. инст., т. 2, М., 1946, стр. 183—202.
8. Атлас российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенной при том генеральной картой великой сея империи, старанием и трудами императорской Академии наук. СПб., 1745, стр. 2.
9. Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в., т. 1. М., 1956.
10. Белокуров С. А. О намерении Ломоносова принять священство и отправиться с И. К. Кириловым в Оренбургскую экспедицию 1734 г. Ломоносовский сборник, СПб., 1911, стр. 67.

11. Берг Л. С. Аральское море. СПб., 1908.
12. Боднарский М. С. Первые русские географические атласы. Землеведение, т. 34, вып. 1—2, М.—Л., 1932, стр. 101—104.
13. Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. М., 1947.
14. Веселаго Ф. Ф. Очерк истории морского кадетского корпуса. СПб., 1852.
15. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. 1, гл. IV. Оренбургский край до Кирилова и при нем. Казань, 1889.
16. Волков С. И. Ценный источник по истории России XVIII в. Вопросы истории, М., 1951, № 7, стр. 90—91.
17. Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. Тр. Арх. АН СССР, вып. 6, М.—Л., 1946.
18. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого, том XVIII и последний. М., 1797.
19. Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960.
20. Добросмыслов А. И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. VIII, Оренбург, 1900, стр. 3—104.
21. Добросмыслов А. И. Материалы по истории России, тт. 1, 2. Оренбург, 1900.
22. Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, тт. I—V. СПб., 1882.
23. Иванов П. И. Обзорение географических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения Генеральной карты Российской империи в 1746 г., Зап. Русск. геогр. общ., кн. 9, СПб., 1853.
24. История Казахской ССР, т. 1. Алма-Ата, 1957.
25. Кантемир А. Д., Собрание сочинений, т. 2, СПб., 1867.
26. Каразин В. Н. Письмо из С.-Петербурга к автору речи о важности лесоводства наипаче для России. Украинский вестник, ч. 9, Харьков, 1818.
27. Материалы для истории Академии наук, тт. 1—10. СПб., 1885—1900.
28. Материалы для истории русского флота, ч. 3. СПб., 1866.
29. Материалы по истории Башкирской АССР, т. 3. М.—Л., 1949.
30. Миллер Г.-Ф. Известия о ландкартах, касающихся до Российского государства. Соч. и перев., СПб., 1761.
31. Миллер Г.-Ф. История Академии наук. Матер. для истории Академии наук, т. 6, СПб., 1890.
32. Описание документов и дел, хранящихся в Архиве св. пр. Синода, т. XV. СПб., 1907.
33. Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве, отд. 1, т. 3, ч. 1.
34. Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1. Уфа, 1956.
35. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века. М., 1962.
36. Пекарский П. П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864.

37. Протоколы заседаний Конференции Академии наук, т. 1. СПб., 1897.
38. П т у х а М. В. Очерки по истории статистики в СССР, т. 1. М., 1955.
39. Р ы ч к о в П. И. История Оренбургская. Соч. и перев., СПб., 1759.
40. Р ы ч к о в П. И. Топография Оренбургской губернии. Соч. и перев., СПб., 1762.
41. Р ы ч к о в П. И. Описание илецкой соли, прежнего и нынешнего ее добывания. Тр. Вольн. экономич. общ., т. 20. 1772.
42. С а л и щ е в К. А. Основы картоведения. Историческая часть. М., 1943.
43. Сборник Русского исторического общества, тт. 63, 69, 89, 106, 115, 117. СПб.
44. С в е н с к е К. К. Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного импер. Академией наук в 1745 г. Зап. Акад. наук, т. 9, прилож. II, СПб., 1866.
45. Сенатский архив, СПб., т. 3, 1890; т. 9, 1904.
46. С е р г е е в В. К. Московская Математико-навигационная школа. Вопросы географии, сб. 34, М., 1954.
47. С о л о в ъ е в С. М. История России, т. 20, М., 1869.
48. С т р у в е О. В. Об услугах, оказанных Петром Великим математической географии России. Зап. Акад. наук, т. 21, СПб., 1872.
49. Т а т и щ е в В. Н. Лексикон российский исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1795.
50. Т а т и щ е в В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.
51. Т а т и щ е в В. Н. История российская, т. 1. М.—Л., 1962.
52. У с т ю г о в Н. В. Башкирское восстание 1737—1738 гг. М.—Л., 1950.
53. Ф е л ь С. Е. Картография России XVIII века. М., 1960.
54. Ф и р с о в Н. Инородческое население прежнего Казанского царства и Новой России до 1762 г. Казань, 1869.
55. Щ у к и н а Н. М. Как создавалась карта Центральной Азии. М., 1955.
56. В а г р о в L. Ivan Kirilov, compiler of the first Russian Atlas 1689—1737. Imago Mundi, London, 1937.
57. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, t. VII, 1757.
58. I s n a r d A. Joseph Nicolas Delisle: Sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la Bibliothèque Nationale. Paris, 1915.
59. O m o n t H. Lettres de J. N. Delisle au comte de Maurepas et à l'abbé Bignon sur ses travaux géographiques en Russie 1726—1730. Bulletin de la Section de géographie du Comité des travaux historiques et scientifiques, t. XXXII, Paris, 1917—1918.
60. S c h l e z e r A. Vom Russischen Finanzwesen unter Peter I. Beilagen zum Neuveränderten Russland, 2. Theil, Riga—Leipzig, 1770.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Служба И. К. Кирилова в канцелярии Сената	7
«Цветущее состояние Всероссийского государства»	19
И. К. Кирилов и первые русские геодезисты	35
Генеральная карта и Атлас Всероссийской империи	49
И. К. Кирилов и Академия наук	74
Участие в организации дальневосточных экспедиций	86
Оренбургская экспедиция	96
Научно-исследовательские работы Оренбургской экспедиции	119
Список карт И. К. Кирилова	134
Литература	139

Мария Григорьевна Новлянская

ИВАН КИРИЛОВИЧ КИРИЛОВ

(географ XVIII века)

Утверждено к печати

*Редколлекцией научно-биографической серии
при Академии наук СССР*

Редактор Издательства *Т. И. Сушкова*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*

Корректоры *Л. Б. Данилова* и *Н. И. Кизим*

Сдано в набор 6/V 1964 г. Подписано к печати 10/VII 1964 г.

РИСО АН СССР № 21-227В. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.

Бум. л. 2¹/₄. Печ. л. 4¹/₂=7.38 усл. печ. л.+2 вкл. Уч.-

изд. л. 6.5+2 вкл. (0.38). Изд. № 2276. Тип. зак. № 754.

М-25010. Тираж 1800. ТП 1964 г. № 124

Цена 35 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»
ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

КНИГИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ УЧЕНЫХ

М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. 1962. 232 стр. *Цена 1 р. 13 к.*

Данилевский В. В. Ломоносов и художественное стекло. 1964. 442 стр. *Цена 2 р. 45 к.*

Кулябко Е. С. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. 1962. 216 стр. *Цена 1 р. 13 к.*

Яроцкий А. В. Павел Львович Шиллинг. 1786—1837 гг. 1963. 184 стр. *Цена 67 к.*

Гнеденко Б. В., Погребынский И. В. Михаил Васильевич Остроградский. (1801—1862 гг.). 1963. 271 стр. *Цена 91 к.*

Шафрановский И. И. Евграф Степанович Федоров. 1963. 284 стр. *Цена 1 р. 11 к.*

Невская Н. И. Федор Александрович Бредихин. 1831—1904 гг. 1964. 253 стр. *Цена 80 к.*

Радовский М. И. Александр Степанович Попов. 1859—1905 гг. 1863. 388 стр. *Цена 1 р. 60 к.*

Андреев Б. В. Иван Петрович Павлов и религия. 1964. 98 стр. *Цена 15 к.*

Ваши заказы на книги присылайте по адресу:

Москва, К-12, Б. Черкасский пер., 2/10,

Контора «Академкнига», отдел «Книга—почтой»;

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,

Ленотделение «Академкнига», отдел «Книга—почтой»

или в ближайший магазин «Академкнига»

Адреса магазинов «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 6 (магазин № 1); 1-й Академический проезд, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Литейный пр., 57; Свердловск, ул. Белинского, 71в; Новосибирск, Красный пр., 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Баку, ул. Джапаридзе, 13.

Заказы на книги выполняются наложенным платежом.

Пересылка книг за счет заказчика.

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
58	19—20 сверху	распоряжении ностранные	распоряжении иностранные
83	18 снизу	введение	ведение
108	10 »	252—5-фунто- ВЫХ	25 2—5-фунтовых

М. Г. Новлянская.

М. Г. НОВЛЯНСКАЯ

Иван Кирилович
Кирилов

35 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« НАУКА »